

Funded
by the European Union
and the Council of Europe

COUNCIL OF EUROPE

Implemented
by the Council of Europe

ПРЕКОП-РФ
Совместный проект Европейского Союза и Совета Европы
«Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от
коррупционных практик»

Обзор прецедентной практики Европейского Суда по правам
человека в области защиты прав предпринимателей

ECCU-PRECOP-TP8/2014

ПРЕКОП РФ финансируется через совместную инициативу «Партнерство для модернизации», реализуемую ЕС и российскими властями. Одним из приоритетных направлений данной инициативы является эффективное функционирование судебных органов и усиление борьбы с коррупцией.

За дополнительной информацией
обращаться в:

Отдел по вопросам сотрудничества в
сфере борьбы с экономическими
преступлениями (ECCU)
Департамент по борьбе с преступностью
Генеральный директорат по правам
человека и верховенству права (DG I),
Совет Европы

Тел.: +33-3-9021-4550
Факс: +33-3-9021-5650
e-mail: mustafa.ferati@coe.int
www.coe.int/corruption
www.coe.int/precop

Заявление об отказе от
ответственности:

Настоящий технический отчет
подготовлен для проекта ПРЕКОП РФ,
который финансируется совместно –
Европейским Союзом и Советом
Европы. Данный отчет является
неофициальным переводом
прецедентной практики. Европейский
Союз, Совет Европы и Европейский
Суд по правам человека не
ответственны за точность настоящего
перевода. В случае расхождений,
превалирует текст на английском
языке.

Содержание

1	Краткий обзор	4
2	Прецедентная практика по проведению обысков и другим недостаткам в ходе следствия по уголовному делу	6
2.1	Дело «Компания «Сосьете Кола Эст» и другие против Франции» (Societe Colas Est and others v France)	6
2.2	Дело «Камензинд против Швейцарии» (Camenzind v Switzerland).....	22
2.3	Дело «Колесниченко против Российской Федерации» (Kolesnichenko v Russia) 38	
2.4	Дело «Смирнов против России»	47
2.5	Дело «Блумберга против Латвии» (Blumberga v Latvia)	63
3	Прецедентная практика по возрасту активов, утраченных в результате совершения преступления, и защите собственности	80
3.1	Дело «Эйр Канада» против Соединенного Королевства» (Air Canada v United Kingdom)	80
3.2	Дело «Раймондо против Италии» (Raimondo v Italy)	97
3.3	Компания «Маркасс кар хайер Лтд.» против Кипра	113
3.4	Дело «Злинсат СПОЛ. С Р.О.» против Болгарии» (Zlinsat, SPOL. S R.O. v. Bulgaria).....	122
3.5	Дело «Фризен против России» (Frizen v Russia)	148
3.6	Дело «Новиков против России» (Novikov v Russia)	156
3.7	Дело «ОАО «Плодовая компания против России».....	171
3.8	Дело «Ходорковский и Лебедев против России» (Краткое изложение).....	178
4	Защита лиц, уведомляющих о подозрениях в совершении неправомерного действия	189
4.1	ДЕЛО «Гужа против Молдовы»	189
4.2	Дело «Марченко против Украины».....	217
4.3	Дело «Тиллак против Бельгии»	228

1 КРАТКИЙ ОБЗОР

Настоящий обзор прецедентного права Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), относящегося к защите прав предпринимателей, осуществляется в рамках совместного проекта ЕС/СЕ «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик» (ПРЕКОП РФ).

Целью настоящего обзора является представление выбранного ряда судебных решений, касающихся распространенных вопросов в отношении защиты прав предпринимателей и корпораций. Первая часть обзора посвящена делам, связанным с неспособностью властей соблюдать права подозреваемых в ходе расследования уголовных дел, в том числе права, относящиеся к обыскам и изъятию документов и/или другого имущества. Вторая часть обзора будет сосредоточена на прецедентной практике по возрасту активов, утраченных в результате совершения преступления, и защите собственности, как это предусмотрено статьей 1 Протокола № 1. В третьей части настоящего обзора приводятся дела, касающиеся защиты лиц, уведомляющих о подозрениях в совершении неправомерного действия.

Эффективные меры по защите лиц, уведомляющих о подозрениях в совершении неправомерного действия, могут стать стимулом для увеличения объема получаемой информации о правонарушениях или случаях злоупотребления властью в результате коррупционной деятельности. Последняя глава посвящена подходу, принятому Европейским судом по правам человека в отношении таких дел.

В данном обзоре представлены соответствующие дела, переданные в Суд заявителями из разных стран, в том числе дела из Российской Федерации. В нем представляется детальный отчет о подходе, принятом Европейским судом по правам человека при рассмотрении заявлений, связанных с нарушениями в ходе уголовного судопроизводства, в том числе:

- Дела, в которых ордера на обыск были составлены с использованием слишком общих условий, а при обыске нарушалась профессиональная тайна некоторых проверенных материалов;
- Дела, в которых было произведено изъятие несоразмерного количества документов;
- Дела, в которых власти не могли указать какие-либо подробности о причинах обысков; и т.д.

Конвенция предоставляет широкие возможности для защиты компаний от обысков и изъятия документов на основании статей 3, 8 и 13 Конвенции, и Протокола № 1. В частности, Суд признал нарушение Статьи 3 (запрет бесчеловечного обращения) в силу жестокого обращения в ходе проверок, а также неспособность властей должным образом расследовать заявления, касающиеся подобного обращения. Было выявлено нарушение статьи 13 (право на эффективное средство правовой защиты), когда национальные суды не рассматривали иски, касающиеся удержания документов и

иного имущества, изъятого в ходе обысков.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал, что государства-участники вправе рассматривать необходимость прибегать к таким мерам, как обыск жилых помещений и изъятия в целях получения вещественных доказательств. Установлено, что такие меры, как правило, нарушают права человека в соответствии с пунктом 1 статьи 8. Таким образом, основания для принятия таких мер должны быть уместными и достаточными, и должны быть соизмеримы с преследуемой целью. Кроме того, Суд должен быть удовлетворен, что соответствующее законодательство и практика предоставляют физическим лицам надлежащую и эффективную защиту от злоупотребления. Таким образом, Суд акцентировал свое внимание на требованиях «законности» обысков, а также их проведении в соответствии с надлежащими процессуальными средствами защиты от произвола и злоупотребления.

Исходя из данной концепции, статья 8 (право на частную жизнь) направлена на защиту физических лиц в местах их проживания. Тем не менее, более поздние нововведения позволили такой защите распространить свое действие также и на производственные помещения. Суд признает, что при определенных обстоятельствах гарантии статьи 8 Конвенции могут толковаться с учетом права на уважение головного офиса компании, филиала компании или ее местонахождения.

В одном из недавних дел против России, Суд выявил нарушение статьи 8, поскольку обыск не основывался на разумном подозрении, а также не был подкреплён соответствующими и достаточными основаниями, ордер на обыск не был составлен с достаточной точностью, и, таким образом, давал должностным лицам необоснованно широкие полномочия.

Были обнаружены недостатки в ходе обысков, в том числе случаи изъятия/удержания документов на чрезмерно длительный период, что нарушало право собственности, а также затрудняло профессиональную деятельность и даже препятствовало применению норм права (см. далее дело «Смирнов против России»). Тем не менее, большинство нарушений Конвенции в отношении обысков и изъятия документов связано со статьей 8.

2 ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ПО ПРОВЕДЕНИЮ ОБЫСКОВ И ДРУГИМ НЕДОСТАТКАМ В ХОДЕ СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

2.1 Дело «Компания «Сосьете Кола Эст» и другие против Франции» (Societe Colas Est and others v France)

Жалоба № [37971/97](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 апреля 2002 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

16.07.2002 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ [37971/97](#)) против Французской Республики, поданной в Комиссию по правам человека (далее - «Комиссия») по бывшей статье 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») тремя французскими компаниями, Colas Est (Кола Эст), Colas Sud-Ouest (Кола Сюд-Уэст) и Sacer (Сасер) (далее - «компании-заявители»), с местонахождением в городах Кольмар, Мериньяк и Булонь-Бийанкур, соответственно, 2 декабря 1996 года. Интересы компаний-заявителей в Суде представлял Ф. Гогель, член Парижской коллегии адвокатов. Интересы Властей Франции (далее - «Власти») представлял Уполномоченный Р. Абрахам, Директор по юридическим вопросам Министерства иностранных дел.

2. Компании-заявители жаловались на нарушение их права на уважение жилища, основываясь на Статье 8 Конвенции.

3. 21 октября 1998 года Комиссия объявила жалобу частично неприемлемой, и отложила рассмотрение остальных пунктов жалобы. Жалоба была передана Суду 1 ноября 1998 года, когда Протокол №11 к Конвенции вступил в силу (пункт 2 статьи 5 Протокола №11).

4. Жалоба была передана на рассмотрение Третьей Секции Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках указанной Секции была создана Палата для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции), в соответствии с пунктом 1 Правила 26.

5. Решением от 19 июня 2001 года Палата объявила жалобу приемлемой [Замечание Секретариата Суда. Решение Суда можно получить в Секретариате Суда].

6. Компании-заявители и Власти представили замечания по существу дела (пункт 1 Правила 59).

7. 1 ноября 2001 года состав Секций Суда был изменен (пункт 1 Правила 25).

Дело было передано на рассмотрение Второй Секции Суда в новом составе (пункт 1 Правила 52).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. После жалоб Профсоюза подрядчиков по отделочным работам (Syndicat national des entreprises de second œuvre) на то, что крупные строительные компании применяют определенную запрещенную практику, французские центральные органы власти поручили Национальному Бюро расследований провести полномасштабное административное расследование работы подрядчиков по строительству общественных гражданских сооружений.

9. В меморандуме от 9 октября 1985 года Национальное Бюро расследований (орган, входящий в состав Департамента по делам конкуренции и потребления, который 5 ноября 1985 года стал Департаментом по конкуренции, потреблению, пресечению правонарушений (далее - «DGCCRF»)) установило ответственность должностных лиц на уровне взаимодействия департаментов с подробным описанием плана расследования работы подрядчиков по выполнению дорожных работ при осуществлении местного конкурсного размещения заказов. В приложении к меморандуму был приведен перечень компаний, в головных офисах либо в местных филиалах которых планировалось провести проверки в семнадцати департаментах. В перечень были включены три компании-заявителя.

10. 19 ноября 1985 года инспекторы DGCCRF провели одновременные рейды в пятидесяти шести компаниях без разрешения руководства компаний и изъяли несколько тысяч документов. Позднее, 15 октября 1986 года, они провели дополнительные проверки в целях получения дальнейших документальных подтверждений.

11. В каждом случае инспекторы получали доступ в помещения компаний-заявителей в соответствии с положениями Ордонанса № 45-1484 от 30 июня 1945 года, не требующего никаких судебных санкций. В ходе проведения рейдов инспекторы изымали различные документы, содержащие доказательства незаконных договоренностей, относящихся к определенным контрактам, не входящим в перечень контрактов, рассматриваемых в расследовании.

12. 14 ноября 1986 года на основании указанных документов, Министр по экономическим вопросам, финансам и приватизации обратился с просьбой к Комиссии по конкуренции (которая стала Советом по конкуренции после вступления в силу Ордонанса № 86-1243 от 1 декабря 1986 года) расследовать определенные действия, которые, по его мнению, представляли собой тайный сговор между отдельными фирмами, искусственную конкуренцию между фирмами, входящими в одну и ту же группу, при осуществлении местного конкурсного размещения заказов на контракты по выполнению дорожных работ, а также договоренности, ограничивающие конкуренцию при эксплуатации бетоносмесительных установок.

13. 30 июля 1987 года Совет по конкуренции дополнительно обратился к руководству DGCCRF с запросом о расследовании аналогичных деяний. В запросе содержался перечень из пятидесяти пяти компаний, включая компании-заявителей.

14. В решении от 25 октября 1989 года, опубликованном в Официальном бюллетене по вопросам конкуренции, потребления и борьбы с экономическими преступлениями (Bulletin officiel de la concurrence, de la consommation et de la répression des fraudes , далее - «BOCCRF»), Совет по конкуренции, обнаружив доказательства применения практик, запрещенных ордонансом от 30 июня 1945 года и ордонансом от 1 декабря 1986 года, наложил на первую компанию-заявителя штраф в сумме 12 000 000 французских франков (FRF), на вторую компанию-заявителя - в сумме 4 000 000 французских франков, и на третью компанию заявителя - в сумме 6 000 000 французских франков.

15. В постановлении от 4 июля 1990 года, опубликованном в BOCCRF, Апелляционный суд города Парижа оставил указанные штрафы в силе. Компании-заявители обжаловали решение со ссылкой на неправильное применение норм права.

16. В постановлении от 6 октября 1992 года, также опубликованным в BOCCRF, Финансовая палата Кассационного суда отменила постановление Апелляционного суда города Парижа на том основании, что его расчет оборота и оценка в целях определения суммы штрафов не имели законных оснований. Палата вернула дело на повторное рассмотрение в Апелляционный суд города Парижа с новым составом судей.

17. При повторном рассмотрении дела в Апелляционном суде компании-заявители оспаривали законность обысков и изъятие документов, выполненное инспекторами без какой-либо судебной санкции на основании ордонанса 1945 года. Они ссылались на статью 8 Конвенции.

18. 8 апреля 1994 года руководитель Отдела конкуренции и планирования DGCCRF представил дополнительные замечания от имени Министра экономики, в которых, *inter alia*, были следующие утверждения:

«... Я рассмотрю два пункта, касающихся процедуры проведения расследования ... :

(a) Все проверки, проводимые в соответствии с ордонансом 1945 года, должны быть заблаговременно санкционированы судом, в соответствии с Европейской Конвенцией о правах человека ...

(b) Во-вторых, изъятие документов, выполненное должностными лицами DGCCRF, выходило за пределы фактической цели проверок, в ходе которых документы, явно не указанные в ходатайстве о проведении расследования, были изъят из головных офисов нескольких компаний.

... статья 15 Ордонанса № 45-1484 от 30 июня 1945 года содержит очень точные формулировки, поскольку она гласит, что в ходе проведения расследований инспекторы вправе требовать предъявления и изымать документы любого вида, которые, вероятно, могут способствовать выполнению их задания, независимо от того, в чьих руках находятся документы. Характерной особенностью такой процедуры являлось то, что, в отличие от действующих в настоящее время положений, представленных статьей 48 ордонанса от 1 декабря 1986 года, проверки не проводились под постоянным судебным надзором. В отсутствие каких-либо положений по указанному вопросу сложно определить, какой надзорной процедуре было необходимо следовать.

... из положений ордонансов 1945 года следует, что инспекторы были наделены полномочиями на проведение обыска и изъятие документов, и осуществляли

такие полномочия при выполнении общего задания по получению доказательств. Вышеприведенную статью 15 следует толковать в свете статьи 16 того же ордонанса, согласно которой инспекторам был предоставлен неограниченный доступ в помещения ...»

19. 4 июля 1994 года Апелляционный суд города Парижа, заседая другим составом, постановил, *inter alia*, следующее:

«... административное расследование было проведено в соответствии с положениями статьи 15 вышеуказанного ордонанса. В соответствии с данным положением, инспекторы вправе требовать предъявления и изымать документы любого вида, которые, вероятно, могут способствовать выполнению их задания, независимо от того, в чьих руках находятся документы. Они обладают общим правом проверки документов, дополненным правом на изъятие документов. Поскольку в ходе административного расследования обыск не проводился, у фирм отсутствовали основания утверждать, что имело место вмешательство в их личную жизнь или нарушение неприкосновенности жилища в нарушение статьи 8 Конвенции ...»

20. Апелляционный суд наложил на первую компанию-заявителя штраф в сумме 5 000 000 французских франков, на вторую компанию-заявителя - штраф в сумме 3 000 000 французских франков, и на третью компанию-заявителя штраф в сумме 6 000 000 французских франков. Компании-заявители снова обжаловали решение со ссылкой на неправильное применение норм права.

21. Постановлением от 4 июля 1996 года, опубликованном в BOCCRF, Кассационный суд отклонил их кассационную жалобу. В частности, суд оставил без удовлетворения их жалобу по статье 8 Конвенции, постановив, что «административное расследование ... не являлось причиной обысков или принудительных мер».

II. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА СУДА ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ И СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

26. В постановлении от 21 сентября 1989 года по делу «Хехст против Комиссии» (Hoechst v. Commission) (объединенные дела [46/87](#) и [227/88](#) [1989] Сборник решений Европейского Суда (ECR) 2859), Суд Европейских сообществ (CJEC) постановил:

«17. Поскольку заявитель также опирался на требования, обусловленные основным правом на неприкосновенность жилища, следует отметить, что наличие такого права должно быть признано в правовом режиме Сообщества как принцип, присущий законодательствам стран-участниц в отношении частных жилых помещений физических лиц, с юридическими лицами дело обстоит иначе по причине отсутствия несущественных различий между правовыми системами стран-участниц в отношении характера и степени защиты, предусмотренной в отношении производственных помещений при вмешательстве органов государственной власти.

18. Никакие иные выводы не могут быть сделаны из Статьи 8 ... Конвенции ... Оградительные рамки указанной статьи связаны с развитием личной свободы человека, и, следовательно, не могут быть расширены до производственных помещений. Кроме того, следует отметить факт отсутствия прецедентной практики Европейского Суда по правам человека.

19. Тем не менее, во всех правовых системах стран-участниц любое вмешательство органов государственной власти в сферу частной деятельности любого лица, как физического, так и юридического, должно иметь правовые основания, и быть оправданным с точки зрения законодательства, и, следовательно, такие системы обеспечивают, хотя и в различных формах, защиту от произвольного и несоразмерного вмешательства. Необходимость такой защиты должна быть признана как главная правовая норма Сообщества. В указанном отношении следует отметить, что Суд постановил, что он обладает полномочиями определять, являются ли методы расследования, проведенного Комиссией в соответствии с Договором о создании ЕОС, чрезмерными (постановление от 14 декабря 1962 года по Объединенным делам 5 - 11 и 13 - [15/62](#), «Сан Мишеле и другие против Комиссии» (San Michele and Others v. Commission) [1962] ECR 449)».

Суд Европейских сообществ повторно подтвердил эту позицию в двух постановлениях от 17 октября 1989 года по делам «Компания «Доу Бенилюкс» против Комиссии» (Dow Benelux v. Commission) (дело [85/87](#) [1989] ECR 3137, пункты 28-30) и «Компания «Доу Кемикал Иберика» и другие против Комиссии» (Dow Chemical Ibérica and Others v. Commission) (Объединенные дела 97-99/87 [1989] ECR 3165, пункты 14-16).

27. Постановление от 20 апреля 1999 года по делу «Лимбургсе винил матсхаппей НВ (LVM) и другие против Комиссии» (Limburgse Vinyl Maatschappij NV and Others v. Commission) (Объединенные дела T-305/94, T-307/94, T-313/94 - T-316/94, T-318/94, T-[325/94](#), T-328/94, T-329/94 и T-335/94), суда первой инстанции Европейских сообществ гласит:

«398. ... заявители утверждали, что входе данных расследований Комиссия нарушила принцип неприкосновенности жилища в значении статьи 8 ЕКПЧ, в соответствии с толкованием в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 года по делу «Нимитц против Германии» (Niemietz v. Germany), Серия А № 251-В), обзор которой является более широким, чем обзор, выполненный в контексте законодательства ЕЭС ...

403. Комиссия начинает с утверждения, что ЕКПЧ не применяется в отношении конкурирующих процедур Сообщества. ...

404. Что касается сути заявления, Комиссия полагает, что статья 8 ЕКПЧ в толковании Европейского суда по правам человека не влияет на актуальность прецедентной практики Федерального суда (см. постановления по ранее упоминавшимся делам компаний «Хехст» и «Доу Бенилюкс»).

ВЫВОДЫ СУДА

...

(ii) Существо заявления

417. По причинам, изложенным выше ..., заявление следует понимать как предполагаемое нарушение главной правовой нормы Сообщества, обеспечивающей защиту от вмешательства органов государственной власти в сферу частной деятельности любого лица, как физического, так и юридического, если такое вмешательство является несоразмерным или произвольным (постановления по делам «Хехст», пункт 19; «Доу Бенилюкс», пункт 30; объединенным делам [97/87](#), [98/87](#) и [99/87](#) «Компания «Доу Кемикал Иберика» и другие против Комиссии» [1989] ECR 3165, пункт 16). ...

– Первая часть заявления, касающаяся юридической действительности формальных актов, относящихся к расследованиям

419. ... Поскольку заявления и аргументы, выдвинутые сегодня компаниями LVM и DSM, являются идентичными или аналогичными заявлениям и доводам, выдвинутым в свое время компанией «Хехст», Суд не видит оснований отступить прецедентной практики Федерального суда.

420. Кроме того, указанная прецедентная практика основана на наличии главной правовой нормы Сообщества, ссылки на которую приведены выше, действующей в отношении юридических лиц. Тот факт, что прецедентная практика Европейского Суда по правам человека, касающаяся применимости статьи 8 ЕКПЧ в отношении юридических лиц, имела место после [вынесения упоминавшихся выше постановлений], свидетельствует о том, что она не оказывает непосредственного влияния на существо решений, принятых по указанным делам».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

28. Компании-заявители считали, что рейды, проведенные инспекторами 19 ноября 1985 года и 15 октября 1986 года без надзора или ограничений, нарушили их право на уважение жилища. Они опирались на статью 8 Конвенции, соответствующие части которой гласят:

1. Каждый имеет право на уважение ... его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе ... в целях предотвращения ... преступлений ... или защиты прав и свобод других лиц.

29. Власти утверждали, что ордонанс 1945 года предоставлял инспекторам неконкретизированное право на проведение проверки, дополненное, в случае необходимости, правом изъятия документов. Несмотря на то, что осуществление этих прав не требовало предварительной санкции судьи, ex post facto было возможно рассмотрение дела в общегражданском или административном судах. Власти подчеркнули, что, несмотря на то, что расследования в настоящем деле были регламентированы положениями ордонанса 1945 года, применялись новые процедурные формальности, изложенные в ордонансе от 1 декабря 1986 года, поэтому компании-заявители имели возможность применять вновь установленные судебные средства правовой защиты, чтобы подать жалобы на порядок проведения проверок. Они утверждали, что действующие правила проводят различия между обычными полномочиями по проведению расследований, и полномочиями, требующими предварительной санкции судьи. Из совместного прочтения статей 47 и 48 ордонанса 1986 года следует, что право инспекторов на доступ без предупреждения могло быть реализовано исключительно в отношении производственных помещений, и исключительно в целях проверки документов. Полномочия должностных лиц DGCCRF на доступ в производственные помещения и изъятие документов должны были быть санкционированы распоряжением судьи общегражданского суда, и это распоряжение

могло быть обжаловано в Кассационном суде. Судье надлежало осуществлять надзор за выполнением таких операций.

30. Власти указали, что, несмотря на то, что Суд разъяснил, что рабочие или служебные адреса защищены статьей 8, все дела, в которых Суд пришел к такому выводу, касались помещений, в которых вело деятельность физическое лицо. На основании постановления Европейского Суда от 16 декабря 1992 года по делу «Нимитц против Германии» (Niemietz v. Germany) (Серия А № 251-В), они полагали, что в настоящем деле, которое касалось производственных помещений открытых акционерных компаний с ограниченной ответственностью, право на вмешательство «могло иметь более широкое применение». Власти утверждали, что, несмотря на то, что юридическим лицам по Конвенции могли быть предоставлены права, сходные с правами физических лиц, они не могли требовать права на защиту рабочих или служебных помещений с такой же настойчивостью, как физические лица в отношении своих рабочих и служебных адресов.

31. Власти также полагали, что указанные операции нельзя было рассматривать как обычный обыск (*perquisition*) в значении Уголовно-процессуального Кодекса, или как домашний обыск (*visite domiciliaire*) в значении Таможенного Кодекса. Характер, цель и результат этих действий были иными. Следовательно, эти действия не были выполнены старшими полицейскими должностными лицами, давшими присягу, в целях установления факта уголовного или таможенного правонарушения, за которые физические лица могут быть наказаны лишением свободы, как в делах «Функе против Франции» (Funke v. France), «Кремье против Франции» (Crémieux v. France) и «Миай против Франции» (Miaillhe v. France) (№ 1) (постановления Европейского Суда от 25 февраля 1993 года, Серия А №№ 256-А, 256-В и 256-С, соответственно). В настоящем деле инспекторы посетили помещения компаний-заявителей и осуществили общее право проверки документов в соответствии с положениями статьи 15 Ордонанса № 45-1484 от 30 июня 1945 года. Целью визита было получение документов в связи с административным расследованием практики подрыва свободной конкуренции, за которую могли быть наложены только штрафы, а не назначено уголовное наказание. Определение того, какие действия предпринять в свете расследований DGCCRF, а также необходимости наложения штрафов было поручено независимому административному органу, Совету по конкуренции, который нес ответственность за контроль соблюдения законодательства в торгово-промышленной сфере. Процедура являлась специализированной, несмотря на то, что она соответствовала принципу состязательности и подлежала утверждению судьями Апелляционного суда. В настоящем деле и Апелляционный суд города Парижа, и Кассационный суд придерживались точки зрения, что административное расследование не являлось причиной обысков или принудительных мер.

32. Власти, тем не менее, признавали, что осуществление права проверки документов представляло собой вмешательство в право компаний-заявителей на уважение жилища в значении Статьи 8 Конвенции.

Они утверждали, что проверки были проведены в соответствии со статьей 15 ордонанса от 30 июня 1945 года, который регламентировал объем и характер осуществления полномочий, закрепленных за инспекторами DGCCRF, таким образом, снижая риск произвола. Общеизвестно, что постфактум суды пересмотрели свою позицию, но она имела силу и была подлинной. Таким образом, вмешательство было

осуществлено в соответствии с законом. Власти утверждали, что вмешательство преследовало цель установить факт наличия практики подрыва свободной конкуренции. Таким образом, оно преследовало правомерные цели в соответствии со вторым пунктом статьи 8, поскольку проверки были проведены в интересах как «экономического благосостояния», так и «предотвращения преступления» (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление по делу Функе (Funke), стр. 24, пункт 52).

33. Власти считали, что вмешательство в права компаний-заявителей не являлось несоразмерным, учитывая масштаб операций, проводимых одновременно в целях предотвращения исчезновения или сокрытия доказательств, представление которых являлось необходимым для судебного преследования правонарушений. Они также основывались на свободе усмотрения, предоставленных Властям при оценке необходимости вмешательства. Были признано, что право на вмешательство могло иметь более широкое применение в случаях, когда дело касалось служебных помещений или коммерческой деятельности. В настоящем деле право на проведение проверки было осуществлено в производственных помещениях юридических лиц, которые не всегда находились по официальным адресам зарегистрированных офисов, и такие проверки не сопровождались «инвазивными» мерами, такими как обыски или принудительные меры. В любом случае, Власти утверждали, что компании-заявители не могут утверждать, что им был причинен очевидный ущерб в результате вмешательства, поскольку они заявили о нарушении своего права лишь по прошествии многих лет с момента оспариваемых мер.

34. Соответственно, Власти считали, что осуществление инспекторами права на предоставление доступа к документам не являлось нарушением статьи 8 Конвенции. В заключение, они утверждали, что жалоба была явно необоснованной, и просили Суд оставить ее без удовлетворения.

35. Компании-заявители утверждали, что в их помещениях был совершенно определенно проведен домашний обыск. Ордонанс № 45-1484 от 30 июня 1945 года предоставлял должностным лицам возможность неограниченного доступа во все помещения, за исключением жилых. Таким образом, вмешательство было осуществлено в соответствии с законом.

Они отмечали, что ордонанс от 1 декабря 1986 года был издан по прошествии более года после указанных событий. Защита, предусмотренная ордонансом в отношении обысков и изъятия документов, таким образом, отсутствовала в законодательстве, действовавшим на момент событий. Компании-заявители утверждали, что если Суд посчитал, что ему не следует выражать мнение по поводу законодательных реформ, проведенных после соответствующего срока, тот факт, что ордонанс от 1 декабря 1986 года ввел процедуру судебной санкции наряду с гарантиями судебного надзора в процессе проведения проверок, демонстрирует, что законодательные нормы, применимые в указанное время, не предусматривали возможности применения такой санкции или осуществления надзора.

36. Цель, которую преследовало вмешательство, не требовала замечаний со стороны компаний-заявителей.

Они оспаривали довод Властей о том, что инспекторы не совершили никаких действий, отличных от требования предоставления документов для проверки. На

основании дополнительных замечаний, представленных Министром экономики в ответ на заявления о предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции, они сделали вывод, что министр не делал различий между правом на проведение проверки, и правом на проведение обыска, поскольку он ссылаясь на судебный надзор, который обеспечивали положения статьи 48 ордонанса от 1 декабря 1986 года, которые применялись исключительно в отношении «обысков в любых помещениях» – а именно, как в отношении домашнего обыска, так и в отношении общего обыска. Они пришли к выводу, что и министр, и его департамент, которому были подотчетны инспекторы, рассматривали право на проведение проверки (статья 15) и право на проведение обыска (статья 16) как неделимое целое. Кроме того, тот факт, что точный характер рассматриваемых действий вызывал вопросы, свидетельствовал о том, что полномочия инспекторов не были ограничены какими-либо средствами защиты или лимитами. В отчетах инспекторов «изъятие» документов было описано без указания, были ли эти документы получены в ходе осуществления права на проведение проверки или права на проведения обыска; в любом случае средства защиты отсутствовали. Компании-заявители отмечали, что в отсутствие судебного надзора за работой инспекторы имели возможность в любой момент перейти от осуществления права на проведение проверки к осуществлению права на проведение обыска. Наконец, компании-заявители утверждали, что ссылки на постановления Апелляционного суда города Парижа и Кассационного суда в отсутствие принудительных мер были сугубо теоретическими. Поскольку инспекторы имели полномочия и практическую возможность проведения обысков, то даже в случаях, когда они просто реализовывали свое право на проведение проверки, они делали это, подразумевая угрозу возможного обыска.

37. Ссылаясь на постановления по делам Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miailhe) (№ 1), компании-заявители отмечали, что, несмотря на то, что состояние законодательства о конкуренции в указанное время было аналогично состоянию таможенного законодательства, отсутствие каких-либо средств защиты в законодательстве о конкуренции было еще более очевидным. Они полагали, что Власти не могут основываться на аргументе, что рассматриваемые меры «не были выполнены старшими полицейскими должностными лицами».

Компании-заявители утверждали, что довод о том, что процедурные формальности, изложенные в ордонансе от 1 декабря 1986 года, являлись применимыми в отношении уже ведущихся расследований, не может быть принят во внимание, поскольку указанные меры были реализованы 19 ноября 1985 года, то есть больше чем за год до вступления в силу ордонанса от 1 декабря 1986 года. Новые надзорные меры, предусмотренные ордонансом, были связаны с требованием предварительной судебной санкции в форме приказа. В настоящем деле, в отсутствие судебной санкции, судья не имел возможности осуществлять надзор за обыском и изъятием документов. Возможность пересмотра *ex post facto* была обусловлена судебным приказом, который мог быть оспорен путем обжалования со ссылкой на неправильное применение норм права в Кассационном суде. На практике, однако, компании-заявители не имели специализированного судебного средства правовой защиты в момент событий в отношении указанных мер. Они имели возможность оспаривать такие меры исключительно в ходе судебных разбирательств по существу дела спустя много лет.

38. Следовательно, компании-заявители полагали, что не было достигнуто равновесие между преследуемыми целями и доступными мерами. Даже если суд должен был

истолковать постановление по делу Нимитца (Niemietz) как допускающее большее вмешательство в право на уважение рабочих или служебных помещений, такое вмешательство не могло быть рассмотрено как законное в случаях, когда оно не сопровождалось надзором или любыми ограничениями полномочий расследования. Компании-заявители также утверждали, что аргумент о том, что примененные меры могли повлечь исключительно штрафы, а не уголовное наказание, строго говоря, не имел того веса, который придавали ему Власти. Наконец, тот факт, что заявителями являлись компании, был особенно незначим, поскольку изъятые по настоящему делу документы включали в себя не только деловые документы, но и личные документы сотрудников (письменные заметки и выдержки из дневников с назначениями личных встреч). Общее число изъятых документов было неизвестным, поскольку полный перечень документации, касающийся всех фирм, не велся; объем документов, представленных судам, составлял несколько кубических метров.

39. Компании-заявители, соответственно, утверждали, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

А. Принципы, установленные статьей 8 Конвенции, и их применимость к «жилищам» юридических лиц

40. Прежде всего Суд отмечает, что настоящее дело отличается от дел Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miaïlle) (№ 1), упоминавшихся выше, и в настоящем деле заявители являются юридическими лицами, предполагающими нарушение их права на уважение «жилища» по статье 8 Конвенции. Однако Суд желает отметить, что как он постановил ранее, слово «domicile» (в версии статьи 8 на французском языке) имеет более широкую коннотацию, чем слово «жилище», и может включать в себя, например, офис специалиста (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Нимитца (Niemietz), стр. 34, пункт 30).

В постановлении Европейского Суда от 30 марта 1989 года по делу «Чэппел против Соединенного Королевства» (Chappell v. the United Kingdom) (Серия А № 152-А, стр. 12-13, пункт 26, и стр. 26, пункт 63), суд посчитал, что обыск, проведенный в доме физического лица, где также располагается офис его компании, представляет собой нарушение его права на уважение жилища в значении статьи 8 Конвенции.

41. Суд напоминает, что Конвенция представляет собой живой документ, который надлежит толковать в свете актуальных условий (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 27 сентября 1990 года по делу «Косси против Соединенного Королевства» (Cossey v. the United Kingdom), Серия А № 184, стр. 14, пункт 35 в конце). Что касается прав, предусмотренных Конвенцией в отношении компаний, следует отметить, что Суд уже признал право компании по статье 41 на получение возмещения неимущественного вреда, причиненного в результате нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания «Комингерсол» против Португалии» (Comingersoll v. Portugal), жалоба № [35382/97](#), пункты 33-35, ECHR 2000-IV). Отталкиваясь от такого функционального толкования Конвенции, Суд считает, что пришло время постановить, что в определенных обстоятельствах права, гарантированные статьей 8 Конвенции, могут быть истолкованы как включающие в себя право на уважение зарегистрированного офиса компании, филиалов или других производственных помещений (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление по делу Нимитца (Niemietz), стр. 34, пункт 30).

42. В настоящем деле Суд отмечает, что во время проведения масштабного административного расследования должностные лица из DGCCRF посетили головные офисы и филиалы компаний-заявителей в целях изъятия нескольких тысяч документов. Суд отмечает, что Власти не оспаривают тот факт, что имело место нарушение права компаний-заявителей на уважение их жилища (см. пункт 32 выше), хотя они утверждают, что компании не могут требовать права на защиту своих производственных помещений «с такой же настойчивостью, как физические лица в отношении своих рабочих и служебных адресов» (см. пункт 30 выше) и что, следовательно, право на вмешательство «могло иметь более широкое применение». Таким образом, Суд должен определить, удовлетворяет ли нарушение права компаний-заявителей на уважение жилища требованиям пункта 2 статьи 8.

Б. Требование измерения «соответствия закону»

43. Суд напоминает, что вмешательство не может рассматриваться как «соответствующее закону» до тех пор, прежде всего, пока для него есть основания во внутригосударственном праве (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Чэппела» (Chappell), стр. 22, пункт 52). В соответствии с прецедентной практикой институтов Конвенции в отношении пункта 2 статьи 8 Конвенции термин «закон» следует понимать в «содержательном» смысле, а не в «формальном». В сфере, которую охватывает статутное право, «закон» представляет собой действующий законодательный акт в толковании компетентных судов (см., *mutatis mutandis*, постановления Европейского Суда от 24 апреля 1990 года по делам «Крюслен против Франции» (Kruslin v. France) и «Ювиг против Франции» (Huvig v. France), Серия А №№ 176-А и 176-В, стр. 21-22, пункт 29, и стр. 53-54, пункт 28, соответственно).

В настоящем деле обыски и изъятие документов инспекторами DGCCRF попадали под действие полномочий, предоставленных им в силу статьи 15 и пункт 2 статьи 16 ордонанса от 30 июня 1945 года, регламентирующих их следственные полномочия по выявлению экономических правонарушений, относящихся к конкуренции. Таким образом, Суд приходит к выводу, что вмешательство было осуществлено «в соответствии с законом».

С. Правомерная цель

44. Целью нарушения права компаний-заявителей на уважение их жилища являлось получение доказательств незаконных договоренностей между подрядчиками по строительству общественных гражданских сооружений в качестве награды за контракты на выполнение дорожных работ. Нарушение такого права было явно осуществлено в интересах как «экономического благосостояния страны», так и «предотвращения преступления».

Остается определить, является ли такое вмешательство соразмерным, и может ли оно быть рассмотрено как необходимое для достижения указанных целей.

Д. «Необходимость в демократическом обществе»

45. Суд отмечает, что Власти утверждали, что в соответствии с ордонансом 1945 года, должностные лица реализовали только общее право на проведение проверки, дополненное полномочиями на изъятие документов и что не были проведены «домашние обыски» или «обычные обыски». Несмотря на то, что осуществление инспекторами полномочий не требовало предварительной судебной санкции, этот вопрос был *ex post facto* пересмотрен судами. Власти считали, что вмешательство не было несоразмерным, и они основывались на свободе усмотрения Государства, которая могла иметь более широкое применение в случаях, когда дело касалось производственных помещений или профессиональной деятельности.

Компании-заявители считали, что в их помещениях был проведен домашний обыск, и отмечали, что статья 15 и пункт 2 статьи 16 ордонанса 1945 года наделяли должностных лиц полномочиями по проведению таких обысков и изъятию документов без предварительной судебной санкции или какого-либо надзора за ходом таких действий. Защита, предусмотренная ордонансом 1986 года в отношении обысков и изъятия документов, отсутствовала в законодательстве, действовавшим на момент событий. Компании заявители, соответственно, утверждали, что вмешательство не было соразмерным преследуемым целям.

46. Суд отмечает, что проверки по распоряжению органов власти были проведены одновременно в головных офисах и филиалах компаний-заявителей, включенных в «перечень компаний, подлежащих проверке» (см. пункт 9 выше). Инспекторы посетили помещения головных офисов и филиалов компаний-заявителей без судебной санкции, в целях получения и изъятия многочисленных документов, содержащих доказательства незаконных договоренностей. Таким образом, Суду очевидно, что указанные действия, вследствие того, каким образом они были выполнены, представляли собой вторжения в «жилища» компаний (см. пункт 11 выше). Суд считает, что, несмотря на то, что Министерство экономики, к которому в то время относился государственный орган, ответственный за заказ расследований, не делало различий между полномочиями по проведению проверки и полномочиями на проведение обыска или доступ, как подчеркнули заявители (см. пункт 18 выше), нет необходимости принимать решение по этому вопросу, поскольку в случае всех событий «вмешательство, на которое подана жалоба, является несовместимым со статьей 8 в других отношениях» (см., *mutatis mutandis*, упоминавшиеся выше постановления Европейского Суда по делам Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miaillhe) (№ 1), стр. 23, пункт 51, стр. 61, пункт 34, и стр. 88, пункт 32, соответственно).

47. Общеизвестно, что Суд неоднократно постановлял, что Высокие Договаривающиеся Стороны обладают определенной свободой усмотрения при оценке необходимости вмешательства, но она взаимосвязана с европейским надзором. Исключения, предусмотренные пунктом 2 статьи 8 не следует толковать узко (см. постановление Европейского Суда от 6 сентября 1978 года по делу «Класс и другие против Германии» (Klass and Others v. Germany), Серия А № 28, стр. 21, пункт 42), и их необходимость в определенном деле должна быть убедительно установлена (см. упоминавшиеся выше постановления по делам Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miaillhe) (№1), стр. 24, пункт 55, стр. 62, пункт 38, и стр. 89, пункт 36, соответственно).

48. Суд полагает, что, несмотря на то, что масштаб проведенных операций (как указали Власти) в целях предотвращения исчезновения или сокрытия доказательств практики подрыва свободной конкуренции оправдывал оспариваемое нарушение прав компаний-заявителей в отношении их помещений, соответствующее законодательство и практика должны были, тем не менее, обеспечивать надлежащие и эффективные защитные меры в случае злоупотреблений (там же, *mutatis mutandis*, стр. 24-25, пункт 56, стр. 62, пункт 39, и стр. 89-90, пункт 37, соответственно).

49. Однако суд считает, что в настоящем деле это было не так. В то время (и Суду нет необходимости выражать мнение по поводу законодательных реформ 1986 года, в результате которых для осуществления полномочий инспекторов по проведению расследований стала необходима санкция судьи) соответствующие органы власти имели очень широкие полномочия, которые, согласно ордонансу 1945 года, наделяли их исключительной компетенцией по определению целесообразности, числа, продолжительности и масштаба проверок. Кроме того, указанные проверки были проведены без предварительного распоряжения, вынесенного судьей, и в отсутствие старшего сотрудника полиции (там же, *mutatis mutandis*, стр. 25, пункт 57, стр. 63, пункт 40, и стр. 90, пункт 38, соответственно). Раз так, то даже если предположить, что полномочие может быть более широким в случае, когда дело касается производственных помещений юридического лица (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление по делу Нимитца (Niemietz), стр. 34, пункт 31), Суд считает, принимая во внимание характер судопроизводства, указанный выше, что оспариваемые действия в области конкуренции не могут рассматриваться как строго соразмерные преследуемым правомерным целям (см. упоминавшиеся выше постановления по делам Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miaillhe) (№ 1), стр. 25, пункт 57, стр. 63, пункт 40, и стр. 90, пункт 38, соответственно).

50. Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

51. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

52. Компании-заявители отметили, что Властям потребовалось почти три года с момента принятия Конституционным Советом решения от 29 декабря 1983 года, чтобы аннулировать ордонанс 1945 года, и что административные органы тем временем продолжали внедрять нормы, которые, как им должно было быть известно, противоречили Конституции, а также принципам, закрепленный в статье 8 Конвенции. Именно в этот период были проведены указанные проверки. Компании-заявители также утверждали, что инспекторам не были даны рекомендации по соблюдению минимальных мер предосторожности. Учитывая судебные разбирательства по возвращению дела на повторное рассмотрение в Апелляционном суде города Парижа, компании-заявители утверждали, что суд не сделал необходимые выводы из

замечаний, представленных министром в ответ на их заявления о предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции. По их мнению, аргументация министра должна была логично привести суд к выводу о том, что, в свете постановления по делам Функе (Funke), Кремье (Crémieux) и Миай (Miaillhe) (№ 1), имело место нарушение статьи 8, и, следовательно, к решению отложить судебные разбирательства по расследованию. Таким образом, был сделан вывод Апелляционного суда города Парижа о том, что в настоящем деле было реализовано исключительно право на проведение проверки *proprío motu*, и такой вывод представлял собой заявление о принципе, которые не вытекал из материалов, находящихся в распоряжении суда. Компании-заявители считали, что судебные власти «спасали» судебное разбирательство, не учитывая прецедентную практику Суда. На практике, действия, на которые была подана жалоба, привели к наложению следующих штрафов на компании-заявителей: 5 000 000 французских франков на компанию Colas Est, 3 000 000 французских франков на компанию Colas Sud-Ouest и 6 000 000 французских франков на компанию Sacer.

Компании-заявители утверждали, что присуждение справедливой компенсации должно компенсировать несправедливость необходимости уплаты штрафов, которые не подлежали бы уплате, если бы изъятые в нарушение статьи 8 документы не были представлены судам, рассматривающим дело, и не были бы использованы ими.

Таким образом, они просили Суд присудить им возмещение уплаченных ими штрафов в качестве компенсации причиненного ущерба.

53. Власти считали, что требования компаний-заявителей в отношении возмещения штрафов, которые им было предписано уплатить (в сумме 14 000 000 французских франков) являются совершенно несоразмерными. По мнению Властей, целью штрафов являлось наказание за доказанную практику подрыва свободной конкуренции, и не было оснований полагать, что если бы проверки, проведенные в офисах компаний-заявителей, были выполнены на другой правовой основе, результат разбирательства не был бы точно таким же, и штрафы не были бы наложены. Следовательно, Власти утверждали, что требования компаний-заявителей по этому пункту должны быть отклонены в силу отсутствия установленной причинно-следственной связи между предполагаемым нарушением, обстоятельствами проведения проверки в офисах компаний и ущербом, на который была подана жалоба. Соответственно, они утверждали, что вывод о нарушении является достаточной компенсацией ущерба, понесенного компаниями-заявителями. Власти отметили, что в деле Кремье (Crémieux), на которое ссылались компании-заявители, и которое касалось аналогичной жалобы, Суд постановил, что вывод о нарушении сам по себе является справедливой компенсацией.

54. Суд отмечает, что требования компаний-заявителей в отношении предполагаемого ущерба соответствуют сумме штрафов, которые им было предписано уплатить в результате вынесения постановлений национальными судами. Общеизвестно, что суд не может строить предположения, каков был бы результат работы инспекторов, если бы процедура соответствовала статье 8 Конвенции. Однако Суд хотел бы отметить, что он установил факт нарушения Статьи 8 на том основании, что разбирательство в отношении расследования не удовлетворяло требованиям указанного положения.

55. Следовательно, Суд пришел к выводу, что компаниям-заявителям был определенно причинен неимущественный вред, и, соответственно, выполнив оценку на

справедливой основе в соответствии с требованиями статьи 41, Суд присуждает каждой из компаний-заявителей сумму 5 000 евро по этому пункту жалобы.

В. Расходы и издержки

56. Компании-заявители требовали полного возмещения судебных расходов, понесенных в ходе внутригосударственных судебных разбирательств, и в подтверждение своих требований представили счета.

Суд напоминает, что если он приходит к выводу о том, что имело место нарушение Конвенции, он может присудить заявителю расходы и издержки, понесенные в национальных судах в целях предотвращения или устранения нарушения (см. постановление Европейского Суда от 13 июля 1983 года по делу «Циммерманн и Штайнер против Швейцарии» (Zimmermann and Steiner v. Switzerland), Серия А № 66, стр. 14, пункт 36, и постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 года по делу «Гертель против Швейцарии» (Hertel v. Switzerland), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-VI, стр. 2334, пункт 63).

В настоящем деле Суд отмечает, что моментом, в который компании-заявители первоначально начали отстаивать свое право на уважение жилища (право, нарушение которого было установлено), стал момент направления дела Кассационным судом на повторное рассмотрение в Апелляционный суд города Парижа. Суд также отмечает, что в подтверждение требований были представлены счета на затраты, понесенные с того момента, и что указанные суммы распределены между компаниями-заявителями следующим образом: 91 700 французских франков с компании Colas Est, 184 100 с компании Colas Sud-Ouest, и 31 700 с компании Sacer. Однако Суд также считает, что не все из указанных затрат являлись «необходимыми» и были понесены в целях устранения нарушения, которое Суд установил, а также что требование нельзя считать «обоснованным» в отношении суммы компенсации. Соответственно, Суд, выполнив оценку на справедливой основе, присуждает компаниям-заявителям следующие суммы: 3 500 евро компании Colas Est, 7 000 евро компании Colas Sud-Ouest, и 1 200 евро компании Sacer, включая любой налог на добавленную стоимость (НДС), которым они могут облагаться.

Что касается затрат, понесенных в институтах Конвенции, Суд присуждает каждой из компаний-заявителей 3 200 евро, включая любой НДС, которым они могут облагаться.

С. Проценты за просрочку платежа

57. По имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка за просрочку платежа, действующая во Франции на момент принятия настоящего постановления, составляет 4,26% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
2. Постановил,
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции Власти государства-ответчика должны выплатить компаниям-заявителям нижеприведенные суммы:

- (i) 5 000 (пять тысяч) евро каждой компании в качестве компенсации неимущественного вреда;
- (ii) 6 700 (шесть тысяч семьсот) евро компании Colas Est, 10 200 (десять тысяч двести) евро компании Colas Sud-Ouest, и 4 400 (четыре тысячи четыреста) евро компании Sacer, включая любой налог на добавленную стоимость (НДС), которым они могут облагаться, в качестве компенсации расходов и издержек;
- (b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере 4,26% годовых;

3. Отклонил остальные требования компаний-заявителей о справедливой компенсации.

2.2 Дело «Камензинд против Швейцарии» (Camenzind v Switzerland)

Жалоба № [21353/93](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

16 декабря 1997 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее - «Комиссия») 28 октября 1996 года, а также Правительством Швейцарской Конфедерации (далее - «Власти») 14 января 1997 года, в течение срока продолжительностью три месяца, предусмотренного пунктом 1 статьи 32, и статьей 47 Конвенции. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ [21353/93](#)) против Швейцарии, поданной в Комиссию по статье 25 гражданином Швейцарии, Бруно Камензиндом, 2 октября 1992 года.

Запрос Комиссии и жалоба Властей относились к статьям 44 и 48, а также к декларации, в силу чего Швейцария признала обязательную юрисдикцию Суда (статья 46). Предметом запроса и жалобы было получение решения относительно того, указывают ли факты по делу на нарушение обязательств государства-ответчика по статьям 8 и 13 Конвенции.

2. В соответствии с пунктом 1 Правила 31 Регламента Суда В, заявитель назначил адвоката, представляющего его интересы.

3. В состав созданной Палаты входили *ex officio* Л. Вильдхабер, избранный судья, являющийся гражданином Швейцарии (статья 43 Конвенции), и Р. Бернхардт, заместитель Председателя Суда (подпункт (b) пункта 4 Правила 21). 29 октября 1996 года в присутствии Секретаря Председатель Суда Р. Риссдал путем жребия определил имена семи других членов Суда, а именно, Ж. Де Мейера, А. Н. Лоизу, А. Б. Баки, Д. Мифсуда Бонничи, Е. Макарича, Е. Левитса, и П. Ван Дийка (статья 43 *in fine* Конвенции, и пункт 5 Правила 21).

4. В качестве Председателя Палаты (пункт 6 Правила 21), Бернхардт, при содействии Секретаря, проконсультировался с Уполномоченным представителем Властей, адвокатом заявителя и представителем Комиссии по вопросу организации судебного разбирательства (пункт 1 Правила 39, и Правило 40). В соответствии с распоряжением, вынесенным в результате этого, Секретарь получил петицию заявителя 27 марта 1997 года, и петицию Властей 1 апреля.

5. 16 мая 1997 года Бернхардт предоставил заявителю правовую помощь (Правило 4 Дополнения к Регламенту Суда А, *mutatis mutandis*).

6. В соответствии с решением Председателя, заседание произошло при открытых дверях в Здании Европейского суда по правам человека в Страсбурге 26 июня 1997 года. Ранее Суд назначил подготовительное заседание.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. 5 декабря 1991 года отдел контроля за беспроводной связью штаб-квартиры Управление почтовой связи и телекоммуникации Швейцарии (далее - «РТТ»), зафиксировало на частоте, зарезервированной для гражданских и военных воздушных судов, частный телефонный разговор, который велся по телефону неустановленного типа. Отдел контроля записал разговор, который велся на линии, закрепленной за Камензиндом (адвокатом, проживающим во Фрайбурге), и сообщил о данном факте соответствующим органам РТТ.

8. Заявителя подозревали в нарушении статьи 42 Федерального закона 1922 года, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение». 11 декабря 1991 года управление телекоммуникаций кантона Берн (Fernmeldekreisdirektion) РТТ начало расследование, касающееся заявителя, в соответствии с Федеральным административным Законом об отправлении правосудия по уголовным делам 1974 года.

9. 13 декабря 1991 года региональный директор РТТ в Берне издал постановление о проведении обыска в доме заявителя по статье 48 и последующим Федеральным административным Законом об отправлении правосудия по уголовным делам. В постановлении было указано, что целью обыска является обнаружение и изъятие несанкционированного беспроводного телефона.

10. В 9.50 21 января 1992 года два должностных лица РТТ посетили дом заявителя. Он признал, что в прошлом тестировал беспроводной телефон, но сказал, что больше не владеет этим устройством. После предъявления постановления на обыск он позволил официальным лицам РТТ войти в холл квартиры, в которой он фактически занимал одну комнату, а остальные пять сдавал в аренду. После разъяснения правовых аспектов обыска, он ознакомился с материалами дела и позвонил адвокату и руководителю управления РТТ в Берне.

11. Обыск проводило одно должностное лицо РТТ, по просьбе Камензинда, в его присутствии. Специалист осмотрел все комнаты двухэтажного здания, включая подвал. Он просто проверял, являются ли телефонные аппараты и комплекты телевизионного оборудования одобренными РТТ. Он ничего не трогал, не открывал ящики и не просматривал документы. Оборудование интересующего типа обнаружено не было. В 11.55 был составлен протокол, который подписали заявитель и ведущее расследование должностное лицо. Протокол, помимо прочего, содержал сведения о том, что заявитель вправе подать жалобу на проведение обыска по статьям 26-28 Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам.

А. Жалоба в Обвинительную палату Федерального суда в целях признания недействительности обыска

12. 24 января 1992 года Камензинд обратился с жалобой в Обвинительную палату Федерального суда по статье 26 Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам в целях признания недействительности обыска. Штаб-квартира РТТ утверждала, что жалоба является неприемлемой.

13. 27 марта 1992 года Федеральный суд вынес постановление об оставлении жалобы без удовлетворения в приведенной ниже формулировке (перевод с немецкого языка):

1. (a) Обвинительная палата Федерального суда обладает юрисдикцией по рассмотрению жалоб о применении принудительных мер (статья 45 и следующие [Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам]), и соответствующих административных актов (пункт (1) статьи 26 [указанного Закона]). В соответствии с пунктом (1) статьи 28 Закона существует возможность подачи жалобы любым лицом, подвергшимся воздействию спорной следственной меры, и заинтересованном в защите путем аннулирования или изменения такой меры.

(b) Заявитель не оспаривал тот факт, что в его распоряжении находился телефонный аппарат, который не был одобрен в Швейцарии. Он даже явным образом заявил в ходе проведения обыска, что он пользовался таким телефонным аппаратом; однако аппарат оказался непригодным для использования, и впоследствии был уничтожен ... Следовательно, возможность изъятия телефонного аппарата отсутствовала, поскольку он не мог быть обнаружен. Таким образом, жалоба относилась не к изъятию (которого не было), а к проведению обыска и к перехвату телефонных переговоров ...

(c) Поскольку жалоба касается обыска как такового («незаконный обыск [незаконное проникновение в жилище физического лица]», «принудительный обыск», «угроза применения силы»), а также перехвата и записи телефонных переговоров, нет необходимости рассматривать ее, поскольку у заявителя отсутствует настоящая заинтересованность в применении судебной защиты (aktuelles Rechtsschutzbedürfnis), поскольку меры прекращены, и более не оказывают воздействие на него (BGE [Bundesgerichtsentscheidungen – Постановления Федерального суда] 103 IV 117 E. 1a).

(d) Это также верно с принципиальной точки зрения в отношении перехвата и записи указанных телефонных переговоров, которые тесно связаны с обыском. В особых случаях Федеральный суд на практике не требует фактической заинтересованности в случаях, когда оспариваемое нарушение права вероятно может повториться в любое время, в случаях, когда слушание по жалобе в суды не может быть проведено по настоящему делу своевременно и в случаях, когда поднятые вопросы могут снова возникнуть в аналогичных или сравнимых обстоятельствах в любой момент и представляют значительный общественный интерес вследствие важности указанного принципа (BGE 116 Ia 150 E. 2a; 116 II 729 E. 6; Ib 59 E. 2b).

Настоящее дело удовлетворяет этим условиям, поскольку проведение обыска предполагает, что изначально лицо, использующее телефонный аппарат несанкционированного типа, было определено при помощи соответствующих средств. Указанное расследование, однако, уже было завершено к моменту проведения обыска и изъятия. По этой причине жалобу следует оставить в силе, поскольку она подана в отношении перехвата и записи переговоров, которые велись по несанкционированному телефонному аппарату заявителя.

...

По указанным причинам Федеральный суд постановил:

(1) Поскольку жалоба была объявлена приемлемой, оставить ее без удовлетворения;

...»

В. Распоряжение Управления телекоммуникаций

14. Решениями от 14 августа и 26 сентября 1995 года Федеральное Управление телекоммуникаций наложило на заявителя штраф в сумме 150 швейцарских франков за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 42 Закона, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение», а также предписало ему оплатить затраты и издержки.

15. 11 октября 1995 года Камензинд подал иск о пересмотре указанного решения в районный суд коммуны Занен (Bezirksgericht), и 18 декабря 1995 года этот иск был отклонен на основании истечения срока давности разбирательства по указанному правонарушению (absolute Verjährung).

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

А. Федеральный закон 1922 года, «регулирующий телеграфное и телефонное сообщение»

16. В то время статья 42 Федерального закона 1922 года, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение», гласила:

«(1) Любое лицо, осуществляющее настройку, эксплуатацию или применение, без наличия лицензии или разрешения, или образом, противоречащим условиям предоставления лицензии или разрешения, передатчиков или приемников, либо любого оборудования, для эксплуатации которого требуется лицензия или разрешение, и которое используется для передачи электрических или радио сигналов, изображений или звуков,

...

подлежит привлечению к ответственности в виде тюремного заключения на срок, не превышающий трех месяцев, или в виде штрафа, не превышающего 10 000 швейцарских франков, за исключением случаев, когда по статье 151 Уголовного Кодекса Швейцарии, такому лицу назначают более суровое наказание.

(2) Сумма штрафа не превышает 5 000 швейцарских франков в случае, когда правонарушение было совершено вследствие небрежности».

Б. ФЕДЕРАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЗАКОН ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

17. Административные процедуры по уголовным делам регламентированы Федеральным административным Законом об отправлении правосудия по уголовным делам от 22 марта 1974 года в действующей редакции (далее - «DPA» ”).

1. Расследование

18. Федеральные органы власти несут ответственность за судебное преследование и рассмотрение дел по определенным посягательствам на федеральное право. На них также возложены полномочия по проведению расследований таких правонарушений. Проведение необходимых опросов свидетелей (с составлением протокола), проверки

на местах, и применение принудительных мер осуществляют должностные лица, специально обученные проведению таких мероприятий (пункт (1) статьи 20 ДПА).

19. Должностные лица, призванные проводить расследование, или принимать либо подготавливать решение, должны быть отстранены, если они имеют личную заинтересованность в деле, если они имеют отношение к «подозреваемому» в силу родственных или брачных связей, являются его прямыми или боковыми потомками до третьего колена, или связаны с ним посредством брака, помолвки, усыновления (удочерения), а также в случае наличия обстоятельств, которые обеспечивают их участие в деле (статья 29).

20. «Подозреваемый» имеет право, в любых ситуациях, на представление своих интересов (статья 32). Фактически, ведущее расследование должностное лицо может позволить и «подозреваемому», и его представителю участвовать в сборе доказательств (статья 35).

21. Ведущее расследование должностное лицо может опросить «подозреваемого» (статья 39), других лиц «в целях получения информации» (статья 40) и (в присутствии «подозреваемого» и его представителя) свидетелей (статья 41). Оно также вправе распорядиться о проведении экспертной оценки (после консультации с – «подозреваемым» (статья 43)) и проведении проверки на месте, в которое имеют право участвовать «подозреваемый» и его представитель (раздел 44). Кроме того, ведущее расследование должностное лицо обладает полномочиями на осуществление «с должным уважением к заинтересованному лицу и его имуществу» изъятия материалов, обысков и предварительных арестов (статья 45 и последующие); указанные меры, известные как «принудительные», не могут быть применены в отношении «нарушения административных регламентов» (например, когда нарушение является противоречием, описанном в особом административном праве, или таким, за которое налагается административный штраф; статья 3).

22. В частности, проведение обысков регламентировано следующими положениями Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам:

Статья 48

(1) Жилые помещения и другие помещения, включая примыкающие к ним закрытые пространства, могут быть обысканы только в случае, если существует вероятность, что в них скрывается подозреваемый, или находятся предметы или ценности, подлежащие изъятию, или являющиеся доказательствами совершения правонарушения.

(2) При необходимости может быть проведен обыск подозреваемого лица. Обыск должно проводить лицо одного пола с подозреваемым или врач.

(3) Обыски проводят на основании письменного постановления, вынесенного директором или руководителем соответствующего органа, если расследование относится к сфере его компетенции, региональным начальником таможенного органа, или РТТ.

(4) В случае наличия немедленной опасности и невозможности своевременного получения постановления на проведение обыска, должностное лицо, ведущее расследование, вправе самостоятельно вынести постановление о проведении обыска и провести его. Причины применения такой меры необходимо указывать в деле».

Статья 49

(1) В начале обыска ведущее расследование должностное лицо предъявляет удостоверение личности.

(2) Лицо, находящееся в помещении, должно быть информировано о цели проведения обыска, и его просят присутствовать при проведении обыска. В случае отсутствия такого лица, при проведении обыска просят присутствовать родственника или члена семьи. Государственное должностное лицо, назначенное компетентным органом кантона или, в случае если ведущее расследование должностное лицо действует по собственной инициативе, членом муниципального органа, или чиновником кантона, района или муниципалитета, также должно присутствовать при проведении обыска в целях обеспечения соблюдения его цели. Обыск может быть проведен без присутствия государственных должностных лиц, членов семьи или родственников в случае, когда опасно откладывать обыск или в случае согласия лица, находящегося в помещении.

(3) Как правило, обыски не проводят в воскресенье, в дни государственных праздников, ночью, за исключением важных дел или случаев наличия неотвратимой опасности.

(4) Протокол обыска составляют немедленно в присутствии лиц, находившихся в помещении; по запросу указанных лиц им выдают копию постановления о проведении обыска и протокола.

Статья 50

«(1) Обыски с целью изъятия документов следует выполнять с максимальным уважением частной и конфиденциальной информации; в частности, не следует изучать документы до того, как станет очевидным, что их содержание представляет важность для расследования.

(2) Обыски проводят таким образом, чтобы сохранить профессиональную конфиденциальность, и конфиденциальность информации, находящейся в распоряжении священников, адвокатов, нотариусов, врачей, аптекарей, акушеров и их помощников при осуществлении или служения или профессии.

(3) Перед проведением обыска лицу, которому принадлежат документы, по возможности, предоставляют возможность указать их содержание. Если такое лицо не согласно с проведением обыска, документы опечатывают и хранят в надежном месте; Обвинительная палата Федерального суда принимает решение о законности проведения обыска ...»

2. Средства правовой защиты

А. Судебный пересмотр принудительных мер

23. Принудительные меры, включая обыск (статья 45 и последующие ДРА), а также соответствующие действия и бездействие могут являться предметом жалобы в Обвинительную палату Федерального суда (статья 26).

Жалобы являются приемлемыми в случае нарушения федерального законодательства (или Конвенции (см. постановление Федерального суда от 17 августа 1989 года по делу «Х. против Государственной пенсионной кассы Невшатель и административного суда кантона Невшатель» (X v. Caisse de pensions de l'Etat de Neuchâtel et tribunal administratif du Canton de Neuchâtel), Сборник постановлений Федерального суда Швейцарии, там 115, V, стр. 253)) в отношении ошибочного или неполного установления фактов, либо в случае неприемлемости. Жалоба может быть подана любым лицом, подвергшимся воздействию оспариваемой следственной меры, по поводу бездействия, или решения по жалобе, а также заинтересованном в защите путем аннулирования или изменения такой меры, бездействия или решения (статья 28). Обвинительная палата Федерального суда заявила (постановление от 23 июня 1977 года по делу X. gegen Generaldirektion PTT, Сборник постановлений Федерального суда Швейцарии, том 103, IV, стр. 115; перевод с немецкого языка):

«Только лица, (по-прежнему) находящиеся под воздействием, по меньшей мере частичным, оспариваемого решения, а также в итоге заинтересованные в его изменении, имеют право обращения в суд с целью подачи жалобы».

В. Получение постановления суда

24. Органы власти уполномочены привлекать к судебной ответственности за преступления в отношении административного уголовного права. Однако в случаях, когда департамент, которому они подчиняются, считает необходимым применить наказание или меру в виде лишения свободы, назначение таких наказаний и мер относится к юрисдикции суда. Лицо, в отношении которого принято решение в ходе разбирательства по уголовному делу вправе в течение десяти дней с момента получения уведомления о таком решении, обратиться с ходатайством о привлечении к судебной ответственности. Если лицо не поступает таким образом, то решение «считается постановлением и вступает в силу» (статьи 21 и 72).

С. Компенсация в случае отсутствия оснований для привлечения к ответственности

25. Подозреваемый, в отношении которого установлено отсутствие оснований для привлечения к ответственности, вправе требовать от органов власти компенсации за содержание под стражей в ожидании суда и другой причиненный вред. Размер компенсации может быть уменьшен, или в ней может быть отказано, если начало расследования произошло по собственной вине подозреваемого, или если подозреваемый безосновательно затруднял или задерживал судебное разбирательство. Решение органов власти по этому вопросу может быть оспорено путем подачи жалобы в Обвинительную палату Федерального суда (статьи 99 и 100).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА КОМИССИЕЙ

26. В своей жалобе (№ [21353/93](#)) в Комиссию от 2 октября 1992 года Камензинд утверждал, что обыск, проведенный в его доме, являлся нарушением статьи 8 Конвенции, и что отсутствовало справедливое слушание дела в значении статьи 6, а также эффективное средство правовой защиты в национальном органе власти, предусмотренные статьей 13.

27. Комиссия объявила жалобу приемлемой 27 февраля и 27 ноября 1995 года исключительно по статьям 8 и 13. В протоколе от 3 сентября 1996 года (статья 31), Комиссия выразила единогласное мнение, что нарушение статьи 8 отсутствовало, но имело место нарушение статьи 13. Полный текст мнения Комиссии приведен в приложении к настоящему постановлению [\[4\]](#).

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ДОВОДЫ ВЛАСТЕЙ В СУДЕ

28. В петиции Власти просили Суд «подобно Комиссии, прийти к выводу, что в настоящем деле отсутствует нарушение статьи 8 Конвенции, и рассмотреть вопрос о наличии, в отношении обыска в доме, у заявителя эффективного средства правовой защиты во внутригосударственных органах власти в значении статьи 13 Конвенции».

29. Заявитель просил Суд «подобно Комиссии, прийти к выводу, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 13 Конвенции, и установить факт нарушения пункта 2 статьи 8 Конвенции», что касается права

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

30. Камен зинд утверждал, что обыск, проведенный в ходе расследования по настоящему делу, является нарушением статьи 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

31. Власти и Комиссия не согласились с этим доводом.

A. Имело ли место вмешательство

32. заявитель считал, что обыск нарушил его право на уважение жилища не только в отношении его комнаты, которую он занимал в здании, но и в отношении других комнат, которые он сдавал в аренду другому лицу. Он утверждал, что он имел право обращения в суд от имени своего арендатора (совместно с которым он подал жалобу в Комиссию) и что как арендодатель он по договору был обязан защищать арендатора «от любого незаконного вмешательства сторонних лиц».

33. Власти не отрицали, что имело место нарушение права Камензинда на уважение его жилища. Тем не менее, они утверждали, что Камензинд (единственный заявитель в настоящем деле) мог требовать исключительно признания потерпевшим вследствие нарушения статьи 8 в отношении обыска в той части квартиры, которую он фактически занимал.

34. Комиссия не выразила мнения по последнему вопросу; она пришла к выводу, что имело место нарушение указанного права.

35. Суд не усматривает необходимости в обсуждении указанного вопроса, поскольку результат такого обсуждения не имеет отношения к настоящему делу. Суду достаточно установления того факта, что в любом случае (и это являлось общим основанием) обыск в комнате, которую занимал заявитель, представлял собой нарушение его права на уважение жилища в значении статьи 8.

Соответственно, Суду необходимо определить, было ли вмешательство обоснованным по пункту 2 статьи 8, иначе говоря, было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или несколько правомерных целей, предусмотренных данным пунктом, и являлось ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных целей или цели.

В. Обоснованность вмешательства

1. «Соответствие закону»

36. Заявитель отрицал, что обыск был проведен в порядке, «предусмотренным законом». Он утверждал, что действие, в котором его обвиняли, являлось не «преступлением», а «нарушением административных норм» в значении статьи 3 Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам от 22 марта 1974 года, в действующей редакции (далее - «ДРА»). Следовательно, действовал пункт 2 статьи 45 ДРА, который препятствовал применению любых принудительных мер в отношении заявителя. Кроме того, Закон, в отличие от общих принципов административного права, гласил, что решение о применении принудительных мер принимают должностные лица, а не судебный орган. Наконец, пункт 1 статьи 48 ДРА гласит, что разрешено проведение обыска в помещениях только в случае, если «существует вероятность» обнаружения там искомого объекта. Однако в соответствии с информацией, предоставленной заявителем присутствующим при обыске должностным лицам, он больше не являлся владельцем телефонного аппарата, и указанное требование законодательства не было соблюдено.

37. Суд напоминает, что выражение «предусмотренный законом» в значении пункта 2 статьи 8 Конвенции требует, чтобы оспариваемая мера была обоснована с точки зрения внутригосударственного права, и чтобы указанный закон был доступен соответствующему лицу (которое, помимо прочего, должно предвидеть последствия), и соответствовать принципу верховенства права (см. постановление Европейского Суда от 24 апреля 1990 года по делу «Крюслен против Франции» (Kruslin v. France) Серия А № 176-А, стр. 20, пункт 27). В настоящем деле Суд отмечает, во-первых, что в соответствии со статьей 42 Федерального закона 1922 года, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение», данное деяние являлось нарушением, *inter alia*, осуществления «[настройки, эксплуатации или применения], без наличия лицензии или разрешения ... передатчиков или приемников, либо любого оборудования, для эксплуатации которого требуется лицензия или разрешение, и которое используется

для передачи электрических или радио сигналов, изображений или звуков» (см. пункт 16 выше). Суд также отмечает, что в целях обеспечения возможности выявления правонарушений в рамках административного уголовного права, статья 48 ДРА гласит, что обыск может быть проведен в жилых и других помещениях, «если... доказательство совершения правонарушения [должно] быть найдено в них», и что закон предусматривает применение защитных мер от произвольного нарушения органами власти права на уважение жилища (см. пункты 17–25 выше, и пункт 46 ниже). Поскольку заявитель не представил доказательство, подтверждающих его предположения, Суд, как Власти и Комиссия, допускает, что мера, на которую была подана жалоба, была «предусмотрена законом».

2. Правомерная цель

38. Камензинд утверждал, что цель обыска (обнаружение доказательства совершения правонарушения) стала незаконной, поскольку он сообщил ответственным должностным лицам, что больше не является владельцем указанного телефонного аппарата.

39. Ни Власти, ни Комиссия не согласились с этим утверждением.

40. Суд отмечает, что заявителя подозревали в нарушении статьи 42 Федерального закона 1922 года, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение», путем использования беспроводного телефонного аппарата несанкционированного типа. Следовательно, не существует сомнений в том, что обыск в здании, где проживал заявитель, в целях обнаружения и изъятия телефонного аппарата, преследовал цель, которая была совместима с Конвенцией, а именно, «предотвращения беспорядков или преступлений».

3. «Необходимость в демократическом обществе»

41. Камензинд утверждал, что обыск его жилища не являлся «необходимым» в целях получения фактического доказательства преступления, и, следовательно, достижения преследуемой цели. Такое доказательство уже существовало, поскольку разговор был записан отделом контроля за беспроводной связью штаб-квартиры Управление почтовой связи и телекоммуникации Швейцарии (РТТ), и он признал факт использования телефонного аппарата. Прочие факторы свидетельствовали о том, что мера была несоразмерной: заявитель не использовал телефонный аппарат повторно в течение шести недель, которые прошли по допущению органов власти между совершением преступления и проведением обыска, деяние, в котором его обвиняли, было «малозначимым», и органы власти имели возможность принять меры, которые носили менее принудительный характер. Одним словом, вмешательство не отвечало требованию «насущной потребности общества» в значении прецедентной практики институтов Конвенции.

42. Власти утверждали, что прецедентная практика Суда позволяла Высоким Договаривающимся Сторонам прибегать к помощи определенных принудительных мер в целях получения доказательств правонарушения, поскольку их соответствующее законодательство и практика позволяли обеспечивать надлежащую и эффективную защиту от злоупотреблений, и итоговое вмешательство было соразмерным законной преследуемой цели. Тот факт, что обыск был проведено без судебного постановления, таким образом, не обязательно означает, что имело место нарушение Конвенции.

Напротив, законодательная основа, по которой было вынесено распоряжение, способ, которым обыск был проведен, и его крайне ограниченный объем свидетельствуют о «необходимости в демократическом обществе».

43. Комиссия пришла к аналогичному выводу.

44. В общепринятой прецедентной практике Суда понятие «необходимости» подразумевает, что вмешательство соответствует насущной потребности общества, и, в частности, что оно является соразмерным преследуемой правомерной цели; при определении, является ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе», Суд принимает во внимание свободу усмотрения, предоставленную Высоким Договаривающимся Сторонам (см, например, постановление Европейского Суда от 24 марта 1988 года по делу «Олссон против Швеции» (*Olsson v. Sweden*) (№ 1), Серия А № 130, стр. 31–32, пункт 67).

45. Государства-участники вправе рассматривать необходимость прибегать к таким мерам, как обыск жилых помещений и изъятия в целях получения вещественных доказательств. Суд выполнит оценку, являются ли причины, приведенные в качестве обоснования таких мер, актуальными и достаточными, а также соблюден ли вышеуказанный принцип соразмерности (см. постановления Европейского Суда от 25 февраля 1993 года по делам «Функе против Франции» (*Funke v. France*), «Кремье против Франции» (*Crémieux v. France*) и «Мийай против Франции» (*Miaillhe v. France*), Серия А № 256-А, стр. 24–25, пункты 55–57, Серия А № 256-В, стр. 62–63, пункты 38–40, и Серия А № 256-С, стр. 89–90, пункты 36–38, соответственно; и, *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 25 февраля 1997 года по делу «З. против Финляндии» (*Z v. Finland*), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-I, стр. 347, пункт 94). Что касается последнего пункта, Суд обязан, во-первых, убедиться, что соответствующее законодательство и практика обеспечивают физическим лицам «надлежащую и эффективную защиту от злоупотребления» (там же); вне зависимости от свободы усмотрения, которую Суд признает за Государствами-участниками в этой сфере, он должен быть особенно внимательным в случаях, когда, как в настоящем деле, органы власти по внутригосударственному законодательству обладают полномочиями по принятию решения и проведению обыска без судебного постановления. Если физические лица должны быть защищены от произвольного нарушения органами власти их прав, гарантированных статьей 8, необходима правовая основа и очень строгие рамки таких полномочий. Во-вторых, Суд обязан принимать во внимание определенные обстоятельства каждого дела в целях определения соразмерности законной цели вмешательства в каждом конкретном случае.

46. В настоящем деле целью обыска являлось изъятие несанкционированного беспроводного телефонного аппарата, в использовании которого Камензинда подозревали в нарушение статьи 42 Федерального закона 1922 года, «регулирующего телеграфное и телефонное сообщение» (см. пункты 7–9 выше). Общепризнанно, что органы власти уже имели доказательство совершения правонарушения, поскольку отдел контроля за беспроводной связью штаб-квартиры РТТ выполнил запись разговора заявителя, и Камензинд признал факт использования телефонного аппарата (см. пункты 7 и 10 выше). Тем не менее, Суд признает, что компетентные органы власти были вправе полагать, что изъятие вещественного доказательства (и,

следовательно, обыск) являлись необходимыми для получения доказательств преступления.

Что касается средств защиты, предусмотренных законодательством Швейцарии, Суд отмечает, что в соответствии с Федеральным административным Законом об отправлении правосудия по уголовным делам от 22 марта 1974 года в действующей редакции (см. пункты 17–25 выше), обыск может быть, в соответствии с исключениями, санкционирован только на основании письменного постановления, выдаваемого ограниченным числом назначенных должностных лиц высшего звена (статья 48), и проведен специально обученными должностными лицами (статья 20); все они имеют обязательство снять свою кандидатуру в случае наличия обстоятельств, влияющих на их беспристрастность (статья 29). Разрешается проведение обыска исключительно в «жилых помещениях и других помещениях, ... если существует вероятность, что в них скрывается подозреваемый, или находятся предметы или ценности, подлежащие изъятию, или являющиеся доказательствами совершения правонарушения» (статья 48); обыски не проводят в воскресенье, в дни государственных праздников, ночью, «за исключением важных дел или случаев наличия неотвратимой опасности» (статья 49). В начале обыска ведущее расследование должностное лицо предъявляет удостоверение личности и сообщает лицу, находящемуся в помещении, о цели обыска. В случае отсутствия такого лица, при проведении обыска просят присутствовать родственника или члена семьи. В целом, при обыске может также присутствовать государственное должностное лицо «в целях обеспечения соблюдения его цели». Протокол обыска составляют немедленно в присутствии лиц, находившихся в помещении; по запросу указанных лиц им выдают копию постановления о проведении обыска и протокола (статья 49). Кроме того, обыск в целях обнаружения документов имеет особые ограничения (статья 50). Кроме того, подозреваемые имеют право, в любых обстоятельствах, на представление своих интересов (статья 32); любое лицо, подвергшееся «следственной мере», которое «заинтересовано в защите путем аннулирования или изменения ... такой меры» может обратиться с жалобой в Обвинительную палату Федерального суда (статьи 26 и 28). Наконец, «подозреваемый», в отношении которого установлено отсутствие состава преступления, вправе требовать компенсации причиненного ему вреда (статьи 99–100).

Что касается способа, которым был проведен обыск, Суд отмечает, что по просьбе Камензинда обыск проводило одно должностное лицо (см. пункт 11 выше). Обыск проходил в присутствии заявителя после того, как он ознакомился с материалами по своему делу, и позвонил адвокату (см. пункт 10 выше). Общеизвестно, что обыск длился почти два часа, и был проведен во всем доме, но проводившее обыск должностное лицо провело простую проверку телефонов и телевизионного оборудования; оно не обыскивало мебель, не смотрело документы, и ничего не изымало (см. пункт 11 выше).

47. Учитывая средства защиты, предусмотренные законодательством Швейцарии, и, в особенности, ограниченный объем обыска, Суд признает, что нарушение права заявителя на уважение его жилища может считаться соразмерным преследуемой цели, и, таким образом, «необходимым в демократическом обществе» в значении статьи 8. Таким образом, нарушение указанной статьи отсутствует.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ в совокупности со статьей 8

48. Камензинд также жаловался, что он стал жертвой нарушения статьи 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Предварительные возражения Властей

49. К это уже было при рассмотрении жалобы Комиссией, Власти выдвинули возражение по существу о том, что настоящий пункт, который Камензинд явным образом не указал в своей жалобе, был рассмотрен Комиссией по своей инициативе.

50. Суд напоминает, что институты, учрежденные в соответствии с Конвенцией, обладают юрисдикцией пересмотра обстоятельств, на которые жаловался заявитель, в свете полного объема требований Конвенции. При выполнении своей задачи институты Конвенции имеют характерное право относить на счет фактов дела, установленных достоверно посредством представленных доказательств, описание характера права, отличное от приведенного заявителем, или, при необходимости, рассматривать факты иным образом (см., например, постановление Европейского Суда от 10 декабря 1982 года по делу «Фоти и другие против Италии» (*Foti and Others v. Italy*), Серия А № 56, стр. 15–16, пункт 44).

В настоящем деле неоспоримо, что Камензинд ссылаясь в своей жалобе на постановление от 27 марта 1992 года Обвинительной палаты Федерального суда, и на приведенную в нем аргументацию, и предполагал нарушение статьи 13. Кроме того, жалоба, находящаяся в настоящее время на рассмотрении Суда, является идентичной жалобе, которую Комиссия посчитала действительной, заслушав доводы сторон по ней. Следовательно, Суд, от которого требуется вынесения определения в свете актуального состояния дела (там же), постановил, что он обладает юрисдикцией по рассмотрению указанного вопроса.

В. Существо жалобы

51. Довод Камензинда, который был признан Комиссией, заключался в отсутствии у него «эффективного средства правовой защиты» в отношении его жалобы по статье 8 Конвенции (даже если такая жалоба была «спорной» в целях прецедентной практики институтов Конвенции), поскольку Федеральный суд отказался выносить определение о «правомерности и оправданности по существу» в отношении обыска. Общеизвестно, что после завершения разбирательства в рамках административного уголовного права он мог бы воспользоваться процедурой, изложенной в статье 99 ДРА, но указанная процедура сводилась к рассмотрению вопроса о том, были ли соблюдены условия о выплате компенсации за ущерб, причиненный в результате обыска; иск о возмещении ущерба или заявление о возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц РТТ также не был бы надлежащей мерой.

52. Власти утверждали, что до вывода о нарушении статьи 8, у заявителя не было «спорной» жалобы по Конвенции, и, следовательно, вопрос о применимости статьи 13 не возникал. Что касается существования жалобы, Власти не отрицали, что Федеральный суд не вынес определения о законности указанной меры. При этом Власти следовали принятой прецедентной практике, согласно которой «только лица, (по-прежнему) находящиеся под воздействием, по меньшей мере частичным, оспариваемого решения,

а также в итоге заинтересованные в его изменении, имеют право обращения в суд с целью подачи жалобы». Другими словами, Обвинительная палата постановила отсутствие необходимости рассмотрения жалобы Камензинда, относящейся к обыску, поскольку она уже была рассмотрена. Однако такая практика привела бы исключительно к возникновению проблемы по статье 13, если бы у заявителя отсутствовали другие средства получения решения «государственного органа» по своей жалобе на нарушение статьи 8. Фактически, у заявителя было несколько возможностей; если бы он требовал компенсации по статье 99 ДРА, подал иск о возмещении ущерба в отношении соответствующих должностных лиц, или подал заявление о возбуждении в отношении них уголовного дела за незаконное проникновение в его жилище, он бы заставил органы власти вынести определение по существу и относительно законности обыска в качестве дополнительного вопроса.

53. Статья 13 постоянно толкуется судом как требующая «эффективного средства правовой защиты в государственном органе» в отношении жалоб, которые могут считаться «спорными» в терминах Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 21 февраля 1990 года по делу «Пауэлл и Рейнер против Соединенного Королевства» (*Powell and Rayner v. the United Kingdom*), Серия А № 172, стр. 14, пункт 31).

В настоящем деле нет сомнений, что жалоба по статье 8 была «спорной», поскольку Суд пришел к выводу, что обыск представлял собой нарушение права Камензинда на уважение его жилища (см. пункт 35 выше). Соответственно, необходимо определить, обеспечивала ли правовая система Швейцарии «эффективное» средство правовой защиты, позволяющее компетентному «государственному органу» как рассмотреть жалобу, так и обеспечить надлежащее средство судебной защиты (см., например, постановление Европейского Суда от 30 октября 1991 года по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), Серия А №215, стр. 39, пункт 122).

54. Федеральный административный Закон об отправлении правосудия по уголовным делам обеспечивает особое средство правовой защиты в отношении принудительных мер (таких как обыски в домах физических лиц), применяемых в связи с разбирательствами в рамках административного уголовного права: меры или любые соответствующие действия или бездействие могут являться предметом жалобы в Обвинительную палату Федерального суда. Жалоба может быть подана «любым лицом, подвергшимся воздействию оспариваемой следственной меры, по поводу бездействия, или решения по жалобе, а также заинтересованном в защите путем аннулирования или изменения такой меры, бездействия или решения» (статьи 26 и 28) ДРА, см. пункт 23 выше).

Однако в установившейся прецедентной практике Обвинительной палаты Федерального суда вышеуказанная «заинтересованность» должна быть актуальной. В целом, только лица, которые по-прежнему подвергаются хотя бы частичному воздействию оспариваемой следственной меры, имеют право обращения в суд в целях подачи жалобы (см. пункт 23 выше). Обвинительная палата, соответственно, объявила неприемлемой часть жалобы Камензинда, касающуюся обыска, поскольку «[меры] прекращены, и более не оказывают воздействие на него» (см. пункт 13 выше).

Таким образом, даже несмотря на рассмотрение Обвинительной палатой, поскольку жалоба касалась вмешательства и записи указанного телефонного разговора, средство правовой защиты, описанное выше, не может быть названо «эффективным» в значении статьи 13.

55. Это также верно в отношении судебного разбирательства о пересмотре судом, которое заявитель инициировал по статье 72 Федерального административного Закона об отправлении правосудия по уголовным делам (см. пункт 24 выше), и которое было оставлено без удовлетворения районным судом коммуны Занен на основании истечения срока давности разбирательства по указанному правонарушению (см. пункт 15 выше).

56. Что касается других процедур, на которые приведены ссылки, Власти ссылались на дело, касающееся меры по содержанию под стражей, но не привели примера дела, «аналогичного» настоящему делу, в котором бы была применена такая процедура. Таким образом, Суд полагает, что процедуры не показали своей эффективности (см., например, постановление Европейского Суда от 19 декабря 1994 года по делу «Объединение демократических солдат Австрии и Губи против Австрии» (*Vereinigung Demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v. Austria*), Серия А № 302, стр. 20, пункт 53, по постановлению от 18 декабря 1996 года по делу «Вальзаимс против Греции» (*Valsamis v. Greece*), Сборник решений 1996-VI, стр. 2327, пункт 48 in fine).

57. Одним словом, учитывая все обстоятельства дела, в распоряжении заявителя отсутствовало «эффективное средство правовой защиты в государственном органе» для того, чтобы исключить его жалобу по статье 8. Следовательно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 8.

III. Применение статьи 50 Конвенции

58. Статья 50 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из ... настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

A. Неимущественный вред

59. В качестве возмещения неимущественного вреда, причиненного ему в результате нарушения Конвенции, заявитель требовал «символическую сумму» 100 швейцарских франков.

60. Представитель Комиссии не выразил мнения по данному вопросу.

61. Суд считает, что настоящее постановление само по себе представляет достаточную справедливую компенсацию предполагаемого неимущественного вреда.

B. Расходы и издержки

62. Заявитель требовал 13 755 швейцарских франков в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных в Федеральном суде и учреждениях Страсбурга.

63. Власти отметили, что они готовы выплатить заявителю 5 000 швейцарских франков, если Суд установит факты нарушения статей 8 и 13 Конвенции, и только половину этой суммы, если будет установлен факт нарушения только одной из статей.

64. Представитель Комиссии не выразил мнения по данному вопросу.

65. Суд, выполнив оценку на справедливой основе, присуждает Камензину 8 000 швейцарских франков за вычетом 9 184 французских франков, выплаченных за правовую помощь Советом Европы.

С. Проценты за просрочку платежа

66. По имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка за просрочку платежа, действующая в Швейцарии на момент принятия настоящего постановления составляет 5% годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД:

1. Постановил восемью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;

2. Отклонил единогласно предварительное возражение Властей, касающееся того факта, что Комиссия рассмотрела по собственной инициативе жалобу по статье 13 Конвенции в совокупности со статьей 8;

3. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 8;

4. Постановил единогласно, что факт установления нарушения сам по себе представляет достаточную справедливую компенсацию в отношении предполагаемого неимущественного вреда;

5. Постановил единогласно:

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю 8 000 (восемь тысяч) швейцарских франков в качестве компенсации расходов и издержек, за вычетом 9 184 (девяти тысяч ста восьмидесяти четырех) французских франков, подлежащих переводу в швейцарские франки по курсу, действующему на момент вынесения настоящего постановления;

(b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере 5% годовых;

6. Отклонил единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

2.3 Дело «Колесниченко против Российской Федерации» (Kolesnichenko v Russia)

(Жалоба № [19856/04](#))

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

9 апреля 2009 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

09.07.2009 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ [19856/04](#)) против Российской Федерации, поданной в Суд по статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданином РФ Алексеем Петровичем Колесниченко (далее - «заявитель»), 4 мая 2004 года.
2. Интересы властей Российской Федерации (далее - «Власти») представлял П. Лаптев, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель, в частности, жаловался на нарушение своего права на уважение жилища.
4. 12 сентября 2006 года Председатель Первой Секции решил уведомить Власти о данной жалобе. Также было принято решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости (пункт 3 статьи 29).
5. Власти возражали против одновременного рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы и по существу. После рассмотрения возражения Властей Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель 1962 года рождения проживает в Перми. В указанное время он являлся практикующим адвокатом и членом Пермской краевой коллегии адвокатов.
7. 10 июня 2003 года Прокуратура Свердловского района города Перми начала расследование по факту хищения имущества гражданином С. Хищение было, предположительно, совершено с использованием подложных документов. Заявитель выступал в качестве адвоката С. в производстве по уголовному делу против него.
8. Следователь подозревал, что документы, предположительно подделанные С., и процессуальное ходатайство, поданное заявителем в ходе производства по уголовному делу в отношении С., были напечатаны на одном устройстве. Он назначил экспертизу по изучению указанных документов. 21 августа 2003 года эксперт сообщил, что предположительно подложные документы и ходатайство заявителя могли быть напечатаны «на одном печатном устройстве, или на разных устройствах, имеющих одинаковое или более высокое разрешение...» Эксперт указал, что окончательные

выводы сделать невозможно, поскольку «документы не имеют специфических особенностей, которые позволяли бы идентифицировать печатное устройство».

9. 9 февраля 2004 года следователь направил в суд Свердловского района города Перми запрос о вынесении постановления на обыск в доме заявителя на улице Горького, и в квартире его покойных родителей на улице Куйбышева.

10. 12 февраля 2004 года Свердловский районный суд города Перми удовлетворил ходатайство следователя, и вынес два постановления о проведении обысков в доме заявителя и в квартире его покойных родителей. Общая аргументация в первом постановлении, касающемся обыска в квартире на улице Горького, гласит:

«Следователь... представил ходатайство о вынесении постановления о проведении обыска по адресу... которая является местом жительства Колесниченко, адвоката Пермской краевой коллегии адвокатов. Следователь утверждает, что определенные документы, предположительно подготовленные Г.С., в действительности не были подготовлены им, а, скорее, изготовлены электрофотографическим способом с возможным использованием того же устройства, которое было использовано для подготовки ходатайства адвокатом Колесниченко. Этот факт подтвержден экспертным заключением; соответственно, следствие полагает, что определенные предметы, имеющие отношение к следственным действиям и уголовном делу, могут быть расположены по указанному адресу.

Изучив материалы, представленные на слушании, суд считает, что ходатайство следует удовлетворить, поскольку оно является обоснованным. Поскольку в отношении адвоката Колесниченко не возбуждено уголовное дело, и ему не предъявлены обвинения, ходатайство следователя о вынесении постановления на проведение обыска было подано в соответствии с законодательством.

Суду было представлено достаточно информации в подтверждение ходатайства, и, в указанных обстоятельствах, имеются основания для санкционирования обыска в жилище Колесниченко, расположенном по [адресу на улице Горького]».

Аргументация во втором постановлении, касающемся обыска на улице Куйбышева, была аналогичной, за исключением упоминания о том, что квартира по адресу на улице Куйбышева являлась местом регистрации покойных родителей заявителя, а также адресом регистрации офиса заявителя.

11. В 21.40 в тот же день следователь в сопровождении сотрудников милиции и двух понятых («поняты»), посетил дом заявителя по адресу на улице Горького. Он попросил заявителя передать ему копировальное устройство, и последний выполнил просьбу.

12. Затем следователь и сотрудники милиции провели обыск в квартире заявителя, и изъяли два компьютера, на которых находились личные и профессиональные данные заявителя, принтер, личную записную книжку заявителя, определенные документы, относящиеся к уголовному делу в отношении С., а также другие документы, три визитницы, и другие предметы.

13. Обыск в квартире заявителя закончился в 4 часа утра 13 февраля 2004 года. Затем следователь и сотрудники милиции провели обыск в квартире на улице Куйбышева.

14. В соответствии с протоколом об обыске и изъятии от 12 февраля 2004 года, целью обыска являлось обнаружение и изъятие «копировальных устройств (принтеров, копировальных аппаратов) [и] документов, относящихся к уголовному делу».

15. 16 февраля 2004 года заявитель подал жалобу в Свердловский районный суд. Он утверждал, что следователь незаконно изъятию принадлежащее ему имущество, которое не было указано в постановлениях на обыск от 12 февраля 2004 года. Вследствие этого, он не мог исполнять свои профессиональные обязанности, и право его клиентов на защиту было нарушено.

16. 3 марта 2004 года Свердловский районный суд города Перми оставил жалобу заявителя без удовлетворения, придя к следующим выводам:

«Судебное решение от 12 февраля 2004 года санкционировало обыск в квартире на улице Горького. Из ходатайства [следователя] о вынесении постановления на обыск и судебного решения следует, что обыск был необходим, поскольку имелись достаточные основания полагать, что определенные предметы, имеющие отношение к уголовному делу, могут быть обнаружены дома у адвоката Колесниченко. В судебном решении не был указан конкретный перечень предметов или документов. Таким образом, аргумент заявителя о том, что следователь изъятию предметы и документы, не указанные в решении суда, является необоснованным».

17. Установлено, что 26 марта, 1, 14 и 27 апреля 2004 года определенные изъятые предметы и документы были возвращены заявителю.

18. 27 апреля 2004 года Пермский краевой суд оставил постановление районного суда в силе. Он отметил, что 12 февраля 2004 года районный суд санкционировал обыск и изъятие неуказанных предметов и документов, и по этой причине следователь по своему усмотрению определял, какие предметы и документы имеют отношение к уголовному делу. Предметы и документы, идентифицированные как не имеющие отношения к уголовному делу, были возвращены заявителю.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

19. Статья 25 Конституции устанавливает неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации гласит, что обыск может быть произведен при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (пункт 1 статьи 182). Обыск в жилище требует вынесения постановления суда на основании ходатайства следователя (статья 165).

21. Производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (пункт 3 статьи 164). Ночное время - промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени (пункт 21 статьи 5).

22. До начала обыска следователь предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь вправе не производить обыск (пункт 5 статьи 182).

23. По разрешению следователя при производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск (пункт 11 статьи 182).

24. Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей (пункт 3 статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

25. Заявитель жаловался, что обыск у него дома и в офисе был произведен в нарушение его права на уважение жилища, гарантированного статьей 8 Конвенции, которая гласит:

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.
2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

A. Приемлемость жалобы

26. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Также Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой.

B. Существо жалобы

1. Доводы сторон

27. Заявитель подчеркивал, что национальные органы власти были осведомлены о его особом статусе в качестве адвоката, поскольку это было указано в постановлении на обыск. Несмотря на эту осведомленность, они провели обыск в его жилище и офисе, и изъяли его материалы, которые имели отношение к его профессиональной

деятельности. Заявитель отметил, что обыск начался в 21.40, и очевидно не мог быть завершен к 22 часам, в то время как нормы внутригосударственного права запрещают проводить обыски в ночное время, которое наступает после 22 часов.

28. Власти утверждали, что обыск был проведен в соответствии с законом, поскольку нормы внутригосударственного права не содержат запрета на проведение обыска помещений адвокатов, при условии наличия постановления суда, а также поскольку процедура проведения обыска была соблюдена, и поскольку обыск был начат до начала ночного времени. Следствие имело фактические основания подозревать, что заявитель участвовал в мошенничестве; подозрение было подкреплено экспертным заключением.

2. Оценка Суда

29. Суд отмечает, что обыск был проведен по двум адресам: во-первых, в квартире на улице Горького по месту постоянной регистрации заявителя, и впоследствии в квартире на улице Куйбышева, где находился зарегистрированный офис заявителя. Суд неоднократно толковал понятие «жилища» в пункт 1 статьи 8 как относящееся как к домам физических лиц, так и к офисам специалистов (см. постановление Европейского Суда по делу «Бук против Германии» (*Buck v. Germany*), жалоба № [41604/98](#), пункт 31, ECHR 2005-IV, и постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 года по делу «Нимитц против Германии» (*Niemietz v. Germany*), Серия А № 251-В, стр. 33-34, пункты 29-31). Отсюда следует, что в настоящем деле оба обыска представляли собой нарушение права заявителя на уважение его жилища.

30. Следовательно, Суду необходимо определить, было ли вмешательство обоснованным по пункту 2 статьи 8, иначе говоря, было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или несколько правомерных целей, предусмотренных данным пунктом, и являлось ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных целей или цели. Учитывая тот факт, что обыски были санкционированы судебными решениями в соответствии с требованиями статьи 165 УПК РФ, и их целью являлось обнаружение доказательств по делу о хищении, Суд готов признать законность обысков с точки зрения внутригосударственного права, и тот факт, что они преследовали законную цель предотвращения преступления. Осталось рассмотреть вопрос о «необходимости в демократическом обществе».

31. Суд неоднократно постановлял, что преследование и притеснение юристов наносит удар с самое сердце системы Конвенции. Следовательно, обыски в помещениях адвокатов должны быть подвергнуты особенно строгому рассмотрению (см. постановления Европейского Суда от 13 ноября 2003 года по делу «Эльчи и другие против Турции» (*Elci and Others v. Turkey*), жалобы №№ [23145/93](#) и [25091/94](#), пункт 669). В целях определения, являлись ли указанные меры «необходимыми в демократическом обществе», Суду придется рассмотреть доступность эффективных мер защиты от нарушений и произвола в рамках внутригосударственного права, и проверить, как указанные меры защиты действовали в конкретном рассматриваемом деле. Факторами, рассматриваемыми в указанном отношении, являются тяжесть преступления, в связи с которым были проведены обыск и изъятие, тот факт, были ли они выполнены в соответствии с постановлением, вынесенным судьей или судебным должностным лицом (или подлежат ли судебным рассмотрением задним числом), было

ли постановление основано на обоснованном подозрении, и был ли его объем разумно ограниченным. Суд также должен рассмотреть способ, которым был произведен обыск, и (в случае, если речь идет об офисе адвоката) был ли он проведен в присутствии независимого наблюдателя в целях обеспечения сохранности материалов, относящихся к обязательству о сохранении адвокатской тайны. Наконец, Суд должен учесть степень возможных отдаленных последствий для работы и репутации лиц, у которых проведен обыск (см. постановление Европейского Суда от 16 декабря 1997 года по делу «Камензинд против Швейцарии» (Camenzind v. Switzerland), пункт 45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-VIII; упоминавшееся выше постановление по делу Бука, пункт 45; постановление Европейского Суда по делу «Смирнов против России» (Smirnov v. Russia), жалоба № [71362/01](#), пункт 44, ECHR 2007-...; и постановление Европейского Суда по делу «Визер и компания «Бикос бетейлигунген ГмбХ» против Австрии» (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria), жалоба № [74336/01](#), пункт 57, ECHR 2007-...).

32. Обращаясь к настоящему делу, суд отмечает, что постановление об обыске от 12 февраля 2004 года были вынесены районным судом по ходатайству следователя. Из текста постановления на обыск следует, что единственным доказательством, представленным следователем в поддержку своего ходатайства, являлся отчет эксперта, выполнившего сравнение документов, подготовленных С. и заявителем, в целях определения возможности их изготовления на одном печатном устройстве. Отчет гласил, что однозначный вывод сделать невозможно, поскольку документы не имели характерных особенностей, которые позволили бы выполнить идентификацию печатного устройства (см. пункт 8 выше). В ходатайстве следователя отсутствовало пояснение, каким образом изъятие печатного устройства из дома или офиса заявителя могло помочь следствию в отсутствие характерных признаков на документах, позволяющих обеспечить идентификацию определенного устройства. Следователь не ссылаясь на какие-либо доказательства, которые могли подтвердить его предположение о том, что заявитель участвовал в печати документов, предположительно подделанных С. Районный суд, со своей стороны, просто признал наличие отчета без анализа его содержания и выводов. Признавая, что заявитель является адвокатом, и что ему не предъявлено обвинение в каком-либо уголовном преступлении или незаконных действиях, районный суд не рассмотрел вопрос о том, является ли материал, собранный следствием, достаточным основанием для обоснованного подозрения в том, что заявитель участвовал в мошенничестве, предположительно организованным С. Следовательно, Суд приходит к выводу, что постановление об обыске не имело «надлежащих и достаточных» оснований.

33. Далее Суд отмечает, что в постановлениях на обыск не было указано, какие предметы или документы предполагалось обнаружить в доме или офисе заявителя, или какое отношение они имеют к следствию. Эти постановления позволили следственным органам произвести обыски в доме и офисе заявителя в общем и широком смысле (ср. с упоминавшимся выше постановлением по делу Нимитца (Niemietz), пункт 37; упоминавшимся выше постановлением по делу Смирнова, пункт 47; и постановлением Европейского Суда от 15 июля 2003 года по делу «Эрнст и другие против Бельгии» (Ernst and Others v. Belgium), жалоба № [33400/96](#), пункт 116). Последующий судебный пересмотр подтвердил, что постановления на обыск не содержали «конкретного перечня предметов или документов», и что таким образом следователю была предоставлена неограниченная свобода усмотрения при определении документов, «представляющих интерес» для уголовного следствия (см. пункты 16 и 18 выше).

Кроме того, при вынесении постановления судья не затронул вопрос о том, была ли обеспечена защита привилегированных материалов, несмотря на то, что он был осведомлен (поскольку это указано в тексте постановления), что заявитель является членом коллегии адвокатов, и в его распоряжении могут находиться документы, предоставленные ему клиентами. В соответствии с прецедентной практикой Суда, постановления на обыск необходимо составлять, по мере возможности, образом, рассчитанным на то, чтобы сохранить их воздействие в пределах разумного (см. постановление Европейского Суда от 22 мая 2008 года по делу «Илья Стефанов против Болгарии» (Iliya Stefanov v. Bulgaria), жалоба № [65755/01](#), пункт 41, и постановление Европейского Суда от 9 декабря 2004 года по делу «Ван Россем против Бельгии» (Van Rossem v. Belgium), жалоба № [41872/98](#), пункт 45). Это требование было явно проигнорировано в настоящем деле.

34. Наконец, Суд отмечает, что чрезмерная широта постановления была отражена способом его исполнения. После того как заявитель добровольно передал копировальное устройство по требованию следователя, последний тем не менее провел тщательный обыск помещений и на улице Горького и на улице Куйбышева, изъял компьютеры и периферийные устройства заявителя, личные и рабочие записи, визитные карточки и другие предметы. Суд отмечает, что во время проведения обыска отсутствовали меры защиты от нарушений профессиональной тайны, такие как, например, запрет изъятия документов, защищенных обязательством неразглашения адвокатом информации клиента, или присутствие при обыске независимого наблюдателя, способного установить, независимо от следственной группы, какие документы защищены обязательством о сохранении адвокатской тайны (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 2005 года по делу «Саллинен и другие против Финляндии» (Sallinen and Others v. Finland), жалоба № [50882/99](#), пункт 89, и, и решение Европейского Суда по делу «Тамозиус против Соединенного Королевства» (Tamosius v. the United Kingdom), жалоба № [62002/00](#), ECHR 2002-VIII). Присутствие двоих понятых очевидно не могло считаться мерой защиты, учитывая, что он являлись дилетантами и не могли отличить документы, защищенные обязательством о сохранении адвокатской тайны (см. упоминавшееся выше постановление по делу Ильи Стефанова, пункт 43). Кроме того, что касается электронных данных, находящихся на компьютерах заявителя, изъятых следователем, по-видимому, после обыска не было проведено никакой процедуры анализа (см. упоминавшееся выше постановление по делу Визера и компании «Бикос бетейлигунген ГмбХ» (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH), пункт 63).

35. Учитывая материалы, которые были проверены и изъяты, Суд приходит к выводу, что обыск нарушил профессиональную тайну в степени, которая несоразмерна с преследуемой правомерной целью. В связи с этим Суд напоминает, что в случаях с участием адвоката, посягательство на профессиональную тайну может оказывать отдаленные последствия для надлежащего отправления правосудия, и, следовательно, на права, гарантированные Статьей 6 Конвенции (см. упоминавшиеся выше постановления по делам Смирнова, пункт 48, и Нимитца (Niemitz), пункт 37).

36. В целом, Суд считает, что обыск, проведенный без надлежащих и достаточных оснований, а также при отсутствии мер защиты от нарушения профессиональной тайны, в квартире и офисе заявителя, которого не подозревали в совершении уголовного преступления, но который являлся представителем ответчика по указанному уголовному делу, не являлся «необходимым в демократическом обществе». Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

37. Наконец, основываясь на статьях 3, 6, 10 и 13 Конвенции, заявитель жаловался, что проведение обыска в ночное время было бесчеловечным, что рассмотрение его жалобы было пристрастным, что он подвергался преследованию за выражение мнения о законности действий милиции и что отсутствовало эффективное средство правовой защиты в отношении повода для жалобы.

38. Однако, учитывая все материалы, находящиеся в его распоряжении, Суд пришел к выводу, что он не усматривает нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией или ее Протоколами. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

39. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

40. Заявитель требовал 1 000 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

41. Власти утверждали, что требование было явно необоснованным и чрезмерным.

42. Суд признает, что заявителю был причинен неимущественный вред, а именно, что он испытывал страдания и чувство безысходности в связи с нарушением его права на уважение жилища, которые недостаточно компенсирует факт установления нарушения Конвенции. Однако Суд полагает сумму, требуемую заявителем, чрезмерной. Выполнив оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 3 000 евро по указанному пункту, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма.

B. Расходы и издержки

43. Заявитель также требовал 332,70 рублей РФ в качестве возмещения почтовых расходов. Он представил копии почтовых квитанций.

44. Власти утверждали, что требование было необоснованным.

45. На основании представленных ему материалов, Суд полагает, что заявленные затраты являются фактически понесенными, и считает размер возмещения обоснованным. Соответственно, Суд присуждает заявителю всю требуемую сумму, которая составляет 10 евро, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма.

С. Проценты за просрочку платежа

46. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявил жалобу на обыск в помещениях заявителя приемлемой, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. Постановил, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции;
3. Постановил,
 - (а) что в течение трех месяцев Власти государства-ответчика должны выплатить заявителю нижеприведенные суммы, конвертированные в рубли РФ по курсу, установленному на момент вынесения постановления:
 - (i) 3 000 (три тысячи евро) в качестве возмещения неимущественного вреда, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма;
 - (ii) 10 (десять) евро, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма;
 - (b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;
4. Отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

2.4 Дело «Смирнов против России»

Жалоба № 71362/01

Постановление

г. Страсбург

7 июня 2007 г.

Окончательное

12/11/2007

Доступен перевод на русский язык

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 71362/01) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации, г-ном Михаилом Владимировичем Смирновым (далее – заявитель), 27 ноября 2000 г.

2. Интересы властей Российской Федерации (далее – государство-ответчик) в Европейском Суде представлял г-н П. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. В своем обращении в Европейский Суд заявитель утверждал, в частности, что властями по делу было допущено нарушение права на уважение его жилища и права на беспрепятственное пользование своим имуществом, что касается факта обыска, произведенного по месту его жительства, и изъятия принадлежащего ему компьютера. Заявитель также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на изъятие компьютера.

4. Своим решением, вынесенным 30 июня 2005 г., Европейский Суд объявил жалобу частично приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Санкт-Петербурге. Заявитель является адвокатом; в период времени, фигурирующий по делу, он был членом Санкт-Петербургской объединённой коллегии адвокатов.

A. Обыск в доме заявителя

6. 20 января 1999 г. прокурор г. Санкт-Петербурга возбудил уголовное дело № 7806 в отношении г-на Ш., г-на Г. и пятнадцати других лиц, которые обвинялись в создании преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем, а также в совершении других тяжких преступлений.

7. 7 марта 2000 г. г-н Д., следователь управления по расследованию особо важных дел прокуратуры г. Санкт-Петербурга вынес постановление о производстве обыска, полный текст которого гласил следующее:

«Принимая во внимание, то обстоятельство, что по месту жительства [заявителя] по адресу [домашний адрес заявителя] могут находиться предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу [№ 7806], постановил произвести обыск жилых помещений по адресу [домашний адрес заявителя], где постоянно проживает [заявитель], и выемку предметов и документов, обнаруженных при производстве обыска».

8. В тот же день заместитель прокурора г. Санкт-Петербурга санкционировал обыск и утвердил постановление следователя.

9. Государство-ответчик утверждало, что заявитель не был участником уголовного дела № 7806 и не представлял интересы никого из участников или привлеченных к ответственности по этому делу. Заявитель же в своих представлениях Европейскому Суду утверждал, что он был представителем:

(а) г-на С., который сначала был подозреваемым, а затем свидетелем по уголовному делу № 7806. 21 февраля 2000 г. заявитель представлял интересы г-на С. В Октябрьском районном суде г. Санкт-Петербурга при рассмотрении жалоба на постановление, вынесенное следователем Д. Заявитель также был представителем С. по гражданскому делу, не имеющему отношения к указанному уголовному делу, на основании ордера от 25 мая 1999 г.;

(б) г-на Ю., который был обвиняемым по уголовному делу № 7806, и интересы которого заявитель представлял в период с 10 июля по 25 декабря 1998 г.;

(с) г-на Б., который был потерпевшим по одному уголовному делу об убийстве его сына. Впоследствии это дело было соединено в одном производстве с уголовным делом № 7806. Заявитель представлял интересы г-на Б. в период с 11 февраля по 23 марта 2000 г.;

(д) г-на Ш., который был обвиняемым по уголовному делу № 7806 и интересы которого заявитель представлял в Европейском Суде (жалоба № 29392/02).

10. 9 марта 2000 г. следователь Д. в присутствии заявителя и при содействии сотрудников регионального управления по борьбе с организованной преступностью, в присутствии понятых произвел обыск квартиры заявителя. Согласно протоколу обыска заявителю было предложено «добровольно выдать <...> документы, относящиеся к деятельности открытого акционерного общества “Т.” и федеральной финансово-промышленной группы “Р.”». Заявитель ответил, что у него не было таких документов, и подписал данное показание.

11. Следователь обнаружил и изъял более двадцати документов, о которых заявитель сказал, что они были его собственные, а также центральный блок компьютера заявителя. Согласно записи в протоколе обыска, у заявителя не было жалоб на то, как был произведен обыск, тем не менее он возражал против изъятия центрального блока компьютера, поскольку в нем имелось два жестких диска, и он стоил 1000 долларов США. Изъятые в ходе обыска документы включали, в частности, доверенность, выданную заявителю г-ном С. и датированную 25 мая 1999 г., а также выдержки из процессуальной записки заявителя по делу, в котором участвовал г-н Б.

12. В тот же день следователь Д. провел официальный допрос заявителя в связи с уголовным делом № 7806.

13. 17 марта 2000 г. следователь Л. вынес постановление о наложении ареста на документы, изъятые в квартире заявителя, и на центральный блок его компьютера как на «вещественные доказательства» по уголовному делу № 7806.

В. Судебная проверка законности и обоснованности постановления о производстве обыска и выемки

14. Заявитель обжаловал в судебном порядке произведенные у него на квартире обыск и выемку. Он ходатайствовал о признании незаконными произведенные у него на квартире обыск и выемку документов. Заявитель утверждал, в частности, что центральный блок компьютера, его личная записная книжка и материалы, связанные с его доверителями, не имели отношения к уголовному делу, и на них нельзя было налагать арест как на доказательства, потому что их изъятие нарушало права его доверителей на защиту.

15. 19 апреля 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга рассмотрел жалобу заявителя. Суд установил, что обыск был санкционирован и произведен в соответствии с действующими нормами российского законодательства, и потому обыск был законным. Что касается наложения ареста на компьютер, то суд постановил следующее:

«<...> цель обыска состояла в том, чтобы отыскать предметы и документы, могущие иметь значение для уголовного дела. В ходе производства обыска были изъяты ряд документов и центральный блок компьютера; они были тщательно осмотрены следователем, как это следует из протокола осмотра изъятых предметов и распечаток файлов, хранившихся в памяти центрального блока компьютера.

Соответственно, вышеуказанное свидетельствует, что цель обыска была достигнута; однако, постановление о наложении ареста на изъятые предметы и документы в качестве доказательств по уголовному делу приравнивается к конфискации имущества [заявителя], которое было изъято у него и не возвращено, тогда как заявитель не был ни подозреваемым, ни обвиняемым в уголовном деле, а допрашивался в качестве свидетеля.

При таких обстоятельствах конституционные права заявителя, который был лишен своего имущества, были нарушены. Достигнув цели обыска и запротоколировав полученные результаты, следователь без каких-либо веских и законных оснований объявил [имущество заявителя] вещественными доказательствами <...>».

16. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга постановил, чтобы документы заявителя, его записная книжка и центральный блок компьютера были заявителю возвращены.

17. 25 мая 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отменил постановление Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга, вынесенное 19 апреля 2000 г., и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Санкт-Петербургский городской суд указал, что суд первой инстанции ошибочно оценил постановление следователя о наложении ареста на изъятые при обыске предметы как свидетельство конфискации имущества заявителя.

18. 6 июня 2000 г. следователь возвратил заявителю записную книжку и определенные документы, но компьютер заявителю возвращен не был.

19. 2 августа 2000 г. заявитель обратился в суд с гражданским иском против прокуратуры г. Санкт-Петербурга и Министерства финансов Российской Федерации с требованием выплатить компенсацию за моральный вред, причинённый ему в результате изъятия принадлежащего ему имущества.

20. 17 августа 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга провел новое заседание по рассмотрению жалобы заявителя. Суд постановил, что обыск квартиры заявителя был произведен на законных основаниях, а жалобу заявителя в остальных пунктах признал не подлежащей судебной проверке.

21. 12 сентября 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отменил постановление Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга, вынесенное 17 августа 2000 г., и передал дело на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе суда. Санкт-Петербургский городской суд установил, что суд первой инстанции не изучил – с достаточной тщательностью – вопрос о том, имелись ли у следователя достаточные основания для производства обыска в квартире лица, которому не было предъявлено обвинения в совершении какого-либо преступления.

22. 17 ноября 2000 г. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга вынес окончательное постановление по жалобе заявителя. Что касается вопроса о законности обыска, суд установил следующее:

«Постановление о производстве обыска было вынесено потому, что имелись достаточные основания полагать, что [по домашнему адресу заявителя] где проживал заявитель, могли находиться предметы и документы, которые могли быть использованы в качестве доказательств в связи с од- ним эпизодом в уголовном деле № 7806. Это обстоятельство установлено судом и подтверждается материалами дела, в частности, показаниями следователя Д. от 16 ноября 2000 г., постановлением о привлечении в качестве обвиняемого по уголовному делу от 22 февраля 1999 г., постановлением об обращении за продлением сроков заключения под стражу от 10 июля [? – неразборчиво] 2000 г., письмом № 200409 от 22 сентября 1998 г. и другими материалами; поэтому суд приходит к выводу, что обыск квартире [заяви- теля] был произведен в соответствии со статьёй 168 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР <...>».

23. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга далее установил, что обыск был произведен в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Что касается остальных требований заявителя, то суд решил, что он был неправомочен рассматривать их, но указал, что заявитель был вправе обжаловать решения следователя надзирающему прокурору.

24. 19 декабря 2000 г. Санкт-Петербургский городской суд отклонил кассационную жалобу заявителя. Суд оставил в силе вывод Октябрьского районного суда о том, что обыск в квартире заявителя был обоснованным и был произведен в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства и что постановление следователя о наложении ареста на изъятые при обыске предметы не подлежало обжалованию в судебном порядке, поскольку таковое не было предусмотрено в национальном законодательстве.

25. Гражданский иск о взыскании компенсации за моральный вред, предъявленный заявителем, до сих пор не рассмотрен.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Производство обыска в жилище гражданина

26. Статья 25 Конституции Российской Федерации устанавливает, что жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

27. Статья 168 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР («Основания для производства обыска») предусматривала, что следователь производит обыск для отыскания предметов или документов, могущих иметь значение для дела, при условии, что у него имеются достаточные основания полагать, что такие предметы и документы находятся в каком-либо конкретном помещении или у какого-либо конкретного лица. Обыск мог производиться по мотивированному постановлению следователя и только с санкции прокурора.

28. При обыске и выемке должно быть обеспечено присутствие лица, у которого производится обыск или выемка, либо совершеннолетних членов его семьи. При производстве выемки или обыска обязательно также присутствие понятых (статья 169 УПК РСФСР). В качестве понятых могли быть вызваны любые не заинтересованные в деле граждане. Понятой обязан был удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых он присутствовал. Понятой вправе был делать замечания по поводу произведенных действий. Замечания понятого подлежали занесению в протокол обыска (статья 135 УПК РСФСР).

29. Жалобы на действия следователя подавались прокурору непосредственно либо через следователя, на действия которого жалоба приносилась. В последнем случае следователь обязан был в течение двадцати четырех часов направить поступившую жалобу вместе со своими объяснениями прокурору (статья 218 УПК РСФСР). Прокурор в течение трех суток по получении жалобы обязан был рассмотреть ее и уведомить заявителя о результатах рассмотрения (статья 219 УПК РСФСР).

30. 23 марта 1999 г. Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что решения и действия следователя или прокурора, связанные с производством обыска, наложением ареста на имущество, приостановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования могут быть обжалованы в судебном порядке лицами, конституционные права которых нарушены в ходе предварительного расследования.

B. Вещественные доказательства

31. Статья 83 УПК РСФСР определяла вещественные доказательства как любые «предметы, которые <...> сохранили на себе следы преступления <...> и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления,

установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого».

32. Вещественные доказательства должны были храниться до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении дела. Однако вещественные доказательства быть возвращены их владельцам и до истечения установленных, если это возможно без ущерба для производства по делу (статья 85 УПК РСФСР). В приговоре, определении или постановлении о прекращении дела суд должен был распорядиться о возвращении вещественных доказательств законным владельцам (статья 86 УПК РСФСР).

С. Рекомендация Совета Европы

33. Рекомендация № 21 2000 года Комитета министров Совета Европы государствам – участникам Совета Европы по вопросу о свободе осуществления адвокатами своих профессиональных обязанностей среди прочего предусматривает следующее:

«Принцип I – Общие принципы свободы осуществления адвокатами своих профессиональных обязанностей

<...> 6. Должны приниматься все необходимые меры для обеспечения уважения к тайне взаимоотношений между адвокатом и его доверителем. Исключения из этого принципа допускаются только в тех случаях, когда они отвечают принципу верховенства права».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

34. В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что обыск, произведённый по месту его жительства, нарушил требования статьи 8 Конвенции, которая гласит следующее:

1. Каждый имеет право на уважение <...> его жилища <...>.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

35. Государство-ответчик оспорило эту позицию заявителя.

А. Вопрос о том, имело ли место вмешательство государства в осуществление заявителем своих прав.

36. Европейский Суд замечает, что обыск и изъятие, произведенные на основании постановления следователя, касались жилых помещений, занимаемых заявителем, где он держал свой компьютер и определенные материалы, связанные с работой. Европейский Суд последовательно интерпретировал понятие «жилище», содержащееся

в пункте 1 статьи 8 Конвенции, как распространяющееся на жилища частных лиц и служебные помещения лиц, занятых в свободных профессиях (см. постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии» [Buck v. Germany], жалоба № 41604/98, § 31, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-IV; постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 г. по делу «Нимиц против Германии» [Niemietz v. Germany], серия «А», № 251-В, с. 33–34, § 29–31). Из этого следует, что в настоящем деле властями государства-ответчика было допущено вмешательство в осуществление заявителем права на уважение к его жилищу.

В. Вопрос о том, было ли вмешательство оправданным

37. Далее Европейскому Суду надлежит установить, было ли вмешательство государства в осуществление заявителем права на уважение к его жилищу оправданным в силу пункта 2 статьи 8 Конвенции, то есть было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или более правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения таковой цели или таковых целей.

1. Вопрос о том, было ли вмешательство «предусмотрено законом»

38. Заявитель утверждал, что вмешательство не было «предусмотрено законом», потому что обыск был санкционирован заместителем прокурора г. Санкт-Петербурга, а не судом, как это требуется по Конституции Российской Федерации. Европейский Суд замечает, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации в осуществление права гражданина на уважение к его жилищу можно вмешаться в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (см. выше, пункт 26 настоящего постановления). Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который в российской правовой системе имеет статус федерального закона, возложил полномочие на вынесение постановлений о производстве обысков на следователей, при этом обыск может производиться только с санкции прокурора (см. выше, пункт 27 настоящего постановления). Европейский Суд признаёт, что в этом вопросе в настоящем деле были соблюдены требования уголовно-процессуального законодательства и что вмешательство государства в осуществление заявителем права на уважение к его жилищу было поэтому «предусмотрено законом».

2. Вопрос о том, преследовало ли вмешательство правомерную цель

39. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что вмешательство государства в осуществление прав заявителя преследовало правомерную цель защиты прав и свобод других лиц.

40. Европейский Суд отмечает, что цель обыска, как указывалось в постановлении следователя, состояла в обнаружении вещественных доказательств, которые представляли интерес для расследования тяжких преступлений. Соответственно, обыск преследовал правомерные цели поддержания общественного порядка, предотвращения беспорядков или преступлений и защиты прав и свобод других лиц.

3. Вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»

41. Заявитель утверждал, что его квартира подверглась обыску с целью получить доказательства против его доверителей, включая г-на С., г-на Ю., г-на Б. и многих других, и получить доступ к компьютерным файлам, содержащим информацию о его доверителях. Обыск нарушил адвокатскую тайну, и после него последовал официальный допрос, в ходе которого следователь Д. расспрашивал его об обстоятельствах, ставших заявителю известными как представителю своих доверителей.

42. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что решение о производстве обыска в квартире заявителя было принято на основании свидетельских показаний, а обыск был необходим, потому что «предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу № 7806», могли быть обнаружены в квартире заявителя. Заявитель не возражал против производства обыска.

43. Согласно устоявшимся нормам прецедентной практики Европейского Суда понятие «необходимость» вмешательства государства в осуществление прав человека предполагает, что таковое вмешательство отвечает настоятельной социальной необходимости и, в частности, что оно пропорционально преследуемой государством правомерной цели. Определяя, был ли акт вмешательства «необходимым в демократическом обществе», Суд за Высокими Договаривающимися Сторонами сохраняет свободу усмотрения в определенных рамках (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 16 декабря 1997 г. по делу «Камензинд против Швейцарии» [Camenzind v. Switzerland], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports of Judgments and Decisions] 1997-VIII, с. 2893, § 44). Однако исключения, предусмотренные в пункте 2 статьи 8 Конвенции, надлежит толковать узко, а необходимость прибегать к ним по конкретному делу, должна быть со всей убедительностью установлена (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 44).

44. Что касается, в частности, производства обысков помещений и изъятий, то Европейский Суд последовательно указывал, что Высокие Договаривающиеся Стороны вправе счесть необходимым прибегать к таким мерам для получения вещественных доказательств совершения определенных преступлений. Суд оценит тогда, были ли основания для применения таковых мер «важными» и «достаточными», и был ли соблюден вышеупомянутый принцип пропорциональности применяемых мер. Что касается последнего тезиса, то Суд должен сначала удостовериться, что действующее законодательство и правоприменительная практика предоставляют гражданам адекватные и эффективные гарантии против злоупотреблений властью. Во-вторых, Суд должен изучить конкретные обстоятельства каждого дела с тем, чтобы установить, был ли акт вмешательства государства в осуществление прав человека в конкретном деле пропорциональным преследуемой при этом цели. Критерии, которыми руководствуется Суд при разрешении этого последнего вопроса, являются – среди прочих – обстоятельства, при которых выдавался ордер на обыск, в частности, наличие дополнительных доказательств на момент издания ордера; содержание и сфера действия ордера на обыск; способ производства обыска, включая присутствие независимых наблюдателей при производстве обыска; масштабы возможных последствий обыска, которые могут отразиться на работе и репутации лица, у которого

производится обыск (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 45; постановление Европейского Суда от 30 марта 1989 г. по делу «Чэппел против Соединенного Королевства» [Chappell v. the United Kingdom], серия «А», № 152-А, с. 25, § 60; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Камензинд против Швейцарии», с. 2894—2895, § 46; постановление Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» [Funke v. France], серия «А», № 256-А, с. 25, § 57; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35—36, § 37).

45. Что касается гарантий против злоупотреблений властью при производстве обысков, существующих в российском законодательстве, то Европейский Суд замечает: в отсутствие требования о получении предварительной санкции суда на производство обыска следственные органы располагают неограниченным усмотрением при оценке целесообразности и масштабов обыска и изъятие. В своих постановлениях по делам «Функе против Франции», «Кремиё против Франции» [Crémieux v. France] и «Миай против Франции» [Miaïlle v. France] Суд установил, что ввиду, главным образом, отсутствия судебного ордера, «ограничения и условия, предусмотренные законом, <...> представляются слишком неопределенными и полными лазеек для вмешательства в осуществление прав заявителя, которое по этой причине нельзя считать строго пропорциональным преследуемой государством правомерной цели», и постановил, что по данным делам государством-ответчиком было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Функе против Франции», а также постановления Европейского Суда от 25 февраля 1993 г. по делам «Кремиё против Франции» и «Миай против Франции (№ 1)», серия «А», № 256-В и 256-С). В настоящем деле, однако, отсутствие предварительно изданного судебного ордера на обыск и изъятие в определённой степени было сбалансировано имевшейся у заявителя возможностью обжаловать решения и действия следователя в судебном порядке после производства обыска. Заявитель мог обратиться с жалобой в суд (что он и сделал), который был призван проверить законность и обоснованность постановления на производство обыска. Реальная эффективность такой проверки, проведённой национальными судами, будет рассмотрена при дальнейшем анализе необходимости вмешательства.

46. Европейский Суд замечает, что самому заявителю не было предъявлено обвинение в совершении какого-либо преступления или противозаконной деятельности, не был он и подозреваемым по уголовному делу. С другой стороны, заявитель представил документы, показывающие, что он в разное время представлял интересы четырех лиц по уголовному делу № 7806, в связи с которым было издано постановление о производстве обыска. В этих обстоятельствах Суд выражает особую озабоченность по поводу того, что, когда было издано постановление о производстве обыска в квартире заявителя, не было принято никаких мер по обеспечению конфиденциальности материалов, защищенных адвокатской тайной.

47. Постановление о производстве обыска было составлено в самых широких выражениях с неконкретизированным указанием на «любые предметы и документы, представляющие интерес для расследования по уголовному делу [№ 7806]», без каких-либо ограничений круга отыскиваемых предметов и документов. Данное постановление не содержало никакой информации о проводимом расследовании, цели обыска или причинах, ввиду которых предполагалось, что обыск в квартире заявителя поможет отыскать доказательства какого-либо преступления (сравните с

упоминавшимся выше постановлением Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35–35, § 37, и постановлением Европейского Суда от 15 июля 2003 г. по делу «Эрнст и другие заявители против Бельгии» [Ernst and Others v. Belgium], жалоба № 33400/96, § 116). Только после того, как сотрудники милиции вошли в квартиру заявителя, ему было предложено выдать «документы, относящиеся к деятельности открытого акционерного общества “Т.” и федеральной финансово-промышленной группы “Р.”». Однако, ни в постановлении о производстве обыска, ни в устных заявлениях сотрудников милиции не содержалось указаний, почему документы, касавшиеся вопросов предпринимательской деятельности двух частных компаний, – в которых сам заявитель не занимал никакой должности, – должны были бы быть найдены в жилом помещении, занимаемом заявителем (сравните с упоминавшимся выше постановлением Европейского Суда по делу «Бак против Германии», § 50). Последующая судебная проверка законности производства обыска не дала ничего в смысле восполнения пробелов в неполном обосновании необходимости производства обыска. Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга ограничил свой вывод о том, что постановление о производстве обыска было оправданным, указанием на четыре поименованных документа и другие неидентифицированные материалы, не дав при этом описания содержания ни одного из них (см. выше, пункт 22 настоящего постановления). Октябрьский районный суд не дал никакого указания касательно относимости упомянутых им материалов, и, более того, два документа из четырех появились после того, как обыск был произведен. Европейский Суд находит, что национальные власти не выполнили свою обязанность указать «важные и достаточные» основания для вынесения постановления о производстве обыска.

48. Что касается способов производства обыска, то Европейский Суд далее замечает, что чрезмерно широкие выражения, в которых было сформулировано постановление о производстве обыска, предоставили сотрудникам милиции неограниченное усмотрение при определении, какие документы «представляли интерес» для расследования по уголовному делу; в результате был произведен обширный обыск и затем изъятие. В круг изъятых материалов входили не только те, что имели отношение к предпринимательской деятельности двух частных компаний: помимо них сотрудник милиции забрали личную записную книжку заявителя, центральный блок его компьютера и другие материалы, включая доверенность от имени его доверителя на ведение гражданского дела, не связанного с данным уголовным делом, и черновик процессуальной записки по другому делу. Как было указано выше, при проведении обыска не было никаких гарантий против нарушения адвокатской тайны, такой, как, например, запрет на выемку документов, на которые распространяется адвокатская тайна, или наблюдение за обыском со стороны независимого наблюдателя, способного указать – независимо от группы должностных лиц следствия, производивших обыск, – на какие документы распространяется адвокатская тайна (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 2005 г. по делу «Саллинен и другие заявители против Финляндии» [Sallinen and Others v. Finland], жалоба № 50882/99, § 89, и решение Европейского Суда по делу «Тамосиус против Соединенного Королевства» [Tamosius v. the United Kingdom], жалоба № 62002/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VIII). С учетом характера материалов, которые были осмотрены и изъяты, Суд находит, что обыск посягнул на адвокатскую тайну в такой степени, которая была непропорциональной какой-либо правомерной цели, преследовавшейся обыском и изъятием. Суд вновь подтверждает в этой связи, что в тех случаях, когда речь идет об адвокате, посягательство на адвокатскую тайну может иметь отрицательные последствия для надлежащего

отправления правосудия и тем самым – для прав, гарантированных статьёй 6 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Нимиц против Германии», с. 35–36, § 37).

49. Суммируя указанное, Европейский Суд считает, что обыск, произведённый без важных и достаточных оснований и в отсутствие гарантий против нарушения адвокатской тайны на квартире заявителя, который не обвинялся в совершении какого-либо преступления, но представлял интересы обвиняемых по тому же уголовному делу, не был «необходимым в демократическом обществе». По-этому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

50. В контексте положений статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции заявитель жаловался в Европейский Суд на нарушение его права собственности, выразившееся в изъятии и удержании властями его документов и компьютера. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях в Европейский Суд

51. В своем обращении в Европейский Суд заявитель указал, что изъятие центрального блока компьютера являлось актом непропорционального вмешательства государства в осуществление заявителем его права собственности и возложило на него чрезмерное бремя. Центральный блок его компьютера сам по себе не мог быть использован как доказательство по уголовному делу, потому что он не был орудием совершения какого-либо преступления, предметом, имеющим отношение к преступлению, или результатом совершения преступления и не нес на себе никаких следов какого-либо преступления. Кроме того, информация, хранившаяся в центральном блоке его компьютера, не могла иметь никакого доказательственного значения, потому что центральный блок компьютера находился в распоряжении органов государственного обвинения длительное время, и информация, хранившаяся в нем, могла быть стерта или изменена. Заявитель согласен с соображениями, изложенными в судебном постановлении, вынесенном 19 апреля 2000 г. По его мнению, органам государственного обвинения надлежало бы подчиниться этому постановлению, а не обжаловать его в вышестоящий суд. Заявитель утверждал, что действительная цель изъятия состояла в том, чтобы создать препятствия его адвокатской деятельности. Незаконное удержание его компьютера лишило его доступа более чем к двумстам файлам с информацией, касающейся его доверителей, и пагубно отразилось на его адвокатской практике в целом. Наконец, заявитель указал, что в конце концов он получил назад свою записную книжку и некоторые документы.

52. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что центральный блок компьютера заявителя был опечатан с тем, чтобы не допустить утраты информации, и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства по уголовному делу № 7806. Рассмотрение данного уголовного дела еще не завершено. Документы заявителя и центральный блок компьютера будут храниться в Санкт-Петербургском городском суде до момента вынесения приговора по уголовному делу. Соответственно, право заявителя на использование своей собственности было ограничено в интересах общества с целью установления истины по уголовному делу № 7806.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

53. Европейский Суд замечает, что вслед за обыском жилища заявителя последовало изъятие определенных документов, его записной книжки и центрального блока его компьютера – то есть той части компьютера, в которой находятся жесткие диски с записанной на них информацией. Поскольку заявитель в конце концов вернул себе свою записную книжку и документы, Суд ограничит свой анализ вопросом о соответствии удержания властями компьютера по настоящее время праву заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом, гарантируемому статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции.

54. Не вызывает сомнения тот факт, что заявитель был законным владельцем компьютера; иными словами – компьютер был его «имуществом». Следовательно постановил, что компьютер будет удерживаться властями как вещественное доказательство по уголовному делу до того момента, когда суд первой инстанции вынесет приговор по уголовному делу, в котором, в частности, разрешается вопрос, как поступить с вещественными доказательствами. Европейский Суд считает, что данная ситуация должна быть оценена с точки зрения права государства осуществлять контроль за использованием собственности в соответствии с общими интересами.

55. Первое и наиболее важное требование статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции состоит в том, что любой акт вмешательства государственного органа в осуществление права человека на беспрепятственное пользование своим имуществом должен быть законным. В частности, пункт 2 статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, признавая, что государства наделены правом осуществлять контроль за использованием собственности, оговаривает это их право условием, что оно реализуется посредством исполнения «законов». Кроме того, принцип законности предполагает, что применяемые нормы национального законодательства являются в достаточной степени доступными, точно сформулированными и предсказуемыми при их применении (см., например, постановление Европейского Суда от 9 июня 2005 г. по делу «Бакланов против России» [Baklanov v. Russia], жалоба № 68443/01, § 39–40, с дельнейшими ссылками).

56. Европейский Суд замечает, что решение об удержании компьютера властями основывалось на нормах Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регламентирующих порядок обращения с вещественными доказательствами по уголовному делу (см. выше, пункты 31 и 32 настоящего постановления). Следовательно располагал свободой усмотрения для того, чтобы распорядиться об удержании властями любого предмета, который он считал представляющим интерес для

расследования по уголовному делу, как и произошло в случае с компьютером заявителя. Европейский Суд сомневается в том, что такое широкое усмотрение, которому не сопутствует эффективный надзор суда за законностью решений и действий следователя, прошло бы проверку на «качество закона», однако Суд не видит необходимости в детальном исследовании данного тезиса по следующим основаниям.

57. Европейский Суд приемлет то, что удержание властями вещественных доказательств может оказаться необходимым в интересах надлежащего отправления правосудия, что является «правомерной целью» в «общих интересах» населения. Суд замечает, однако, что должно также существовать разумное соотношение пропорциональности между используемыми средствами и целью, преследуемой государством с помощью любых применяемых им мер, включая меры, предназначенные для контроля за использованием гражданином своей собственности. Это требование выражено в понятии «справедливое равновесие», которое должно быть установлено между требованиями соблюдать общие интересы населения и требованиями охраны фундаментальных прав личности (см. постановление Европейского Суда от 24 октября 2006 г. по делу «Эдвардс против Мальты» [Edwards v. Malta], жалоба № 17647/04, § 69, с дальнейшими ссылками).

58. Европейский Суд согласен с утверждением заявителя – не оспоренным государством-ответчиком – что сам компьютер не был орудием совершения какого-либо преступления, предметом, имеющим отношение к преступлению, или результатом совершения преступления (сравните с постановлением Европейского Суда от 24 марта 2005 г. по делу «Фризен против России» [Frizen v. Russia], жалоба № 58254/00, § 29–31). Что было ценно для следствия и представляло для него интерес, это – информация, хранившаяся на жестком диске компьютера. Из постановления Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга от 19 апреля 2000 г. следует, что данная информация была изучена следователем, распечатана и приобщена к материалам уголовного дела (см. выше, пункт 15 настоящего постановления). В этих обстоятельствах Европейский Суд не может усмотреть никакой очевидной причины для продолжающегося удержания властями центрального блока компьютера. Ни одной таковой причины не было представлено в ходе судебных разбирательств внутри страны или в Европейском Суде. Тем не менее компьютер удерживается национальными властями по сей день, то есть в течение более шести лет. Европейский Суд отмечает в этой связи, что компьютер был рабочим инструментом заявителя, который он использовал для составления юридических документов и хранения файлов с информацией, касающейся его доверителей. Удержание властями компьютера не только причинило заявителю личное неудобство, но также воспрепятствовало его профессиональной деятельности; это – как отмечалось выше – могло бы иметь отрицательные последствия для отправления правосудия.

59. Учитывая вышеизложенные соображения, Европейский Суд находит, что российские власти не установили «справедливое равновесие» между требованиями соблюдать общие интересы и требованиями защиты права заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом. Поэтому властями государства-ответчика по делу было допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ, ВЗЯТОЙ ВМЕСТЕ СО СТАТЬЕЙ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

60. В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что – в нарушение требований статьи 13 Конвенции – у него не было какого-либо эффективного средства правовой защиты, что касается незаконного ограничения его права собственности, предусмотренного статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции. Статья 13 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон, изложенные в их представлениях в Европейский Суд

61. Заявитель в своих представлениях Европейскому Суду указал, что пределы изучения поданных им в российские суды жалоб были ограничены вопросом о законности и обоснованности проведенного у него дома обыска национальные суды. Что же касается его жалоб относительно лишения собственности, то суды установили, что им такого рода жалобы не подведомственны. По его мнению, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 г. должно быть истолковано как открывающее возможности для судебной проверки законности и обоснованности всех решений, затрагивающих права собственности гражданина. Заявитель подчеркнул, что его гражданский иск с требованием выплатить компенсацию за моральный вред под различными предлогами не рассматривается в суде в течение более четырех лет.

62. Государство-ответчик в своих представлениях Европейскому Суду указало, что у заявителя имелась возможность обжаловать в суде постановление об обыске, и его жалобы были судом рассмотрены и оставлены без удовлетворения (19 декабря 2000 г. в окончательном постановлении). Кроме того, гражданский иск заявителя против прокуратуры г. Санкт-Петербурга и Министерства финансов Российской Федерации с требованием выплатить компенсацию за моральный вред, причинённый ему в результате изъятия принадлежащего ему имущества, все еще находится в производстве Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

63. Европейский Суд последовательно толковал статью 13 Конвенции как требующую, чтобы в национальном законодательстве предусматривалось бы средство правовой защиты в отношении жалоб, которые могут считаться «доказуемыми» в значении положений Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 27 апреля 1988 г. по делу «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» [Boyle and Rice v. the United Kingdom], серия «А», № 131, с. 23—24, § 54). В настоящем деле был установлен факт нарушения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, и пункт жалобы заявителя в контексте статьи 13 Конвенции должен быть поэтому рассмотрен. Соответственно необходимо определить, предоставила ли заявителю российская правовая система какое-либо «эффективное» средство правовой защиты, позволяющее компетентному «государственному органу» и рассмотреть жалобу и надлежащим

образом удовлетворить заявленное правопритязание (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Камензинд против Швейцарии», с. 2896—2897, § 53).

64. Заявитель ходатайствовал о проведении судебной проверки законности обыска и выемки, произведенных по месту его жительства, а также судебной проверки законности решения об удержании властями его компьютера в качестве вещественного доказательства по уголовному делу. В то время как национальные суды рассмотрели жалобу заявителя относительно обыска и изъятия, они объявили неприемлемой для рассмотрения по существу его жалобу на невозвращение компьютера на том основании, что решение об удержании властями изъятых при обыске не подлежит обжалованию в судебном порядке (см. выше, пункт 22 и следующие за ним пункты настоящего постановления). Вместо этого заявителю было предложено обратиться с жалобой к вышестоящему прокурору. В этой связи Европейский Суд вновь подтверждает положения своей устоявшейся прецедентной практики относительно того, что обращение с жалобой по служебной иерархии к вышестоящему прокурору не наделяет лицо, обращающееся с такой жалобой, личным правом на приведение в действие надзорных полномочий государства и по этой причине такое обращение не является «эффективным средством правовой защиты» (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Хорват против Хорватии» [Horvat v. Croatia], жалоба № 51585/99, § 47, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII).

65. Что касается гражданского иска о взыскании компенсации за моральный вред, находящегося ныне в производстве суда, на который ссылается государство-ответчик, то Европейский Суд отмечает: суд по гражданским делам не правомочен проверять законность решения, выносимого следователем по уголовному делу.

66. Из вышесказанного следует, что в этих обстоятельствах в распоряжении заявителя не имелось «эффективного средства правовой защиты в государственном органе» в отношении его жалобы по поводу нарушения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Поэтому по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции, взятой вместе со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

67. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

68. Европейский Суд указывает, что в соответствии с правилом 60 Регламента Европейского Суда какие-либо требования о выплате справедливой компенсации должны быть изложены в перечне с разбивкой по пунктам и представлены в письменном виде с приложением соответствующих подтверждающих документов или расписок, «при невыполнении чего Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично».

69. В письме от 5 июля 2005 г., после того, как жалоба заявителя была объявлена приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу, Европейский Суд предложил заявителю представить свои требования о выплате справедливой компенсации до 7 сентября 2005 г. Заявитель не представил никаких подобных требований в указанный срок.

70. В этих обстоятельствах, Европейский Суд не присуждает заявителю никакой компенсации в порядке применения статьи 41 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции;

2. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3. постановил, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции, взятой вместе со статьёй 1 Протокола № 1 к Конвенции;

4. решил не присуждать заявителю компенсацию в порядке применения статьи 41 Конвенции.

2.5 Дело «Блумберга против Латвии» (Blumberga v Latvia)

Жалоба № [70930/01](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

14 октября 2008 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

14.01.2009 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (№ [70930/01](#)) против Латвийской Республики, поданной в Суд по статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») гражданкой Латвии Инарой Блумберга (далее - «заявитель»), 19 апреля 2001 года.

2. Несмотря на то, что заявителю была предоставлена правовая помощь, она представила свои замечания о приемлемости и по существу жалобы самостоятельно.

3. Интересы Властей Латвии (далее - «Власти») представлял уполномоченный представитель государства И. Рейне.

4. Заявитель утверждала, что она понесла имущественные потери в результате неисполнения обязанностей полицией и что она не смогла получить возмещение понесенного ущерба вследствие длительного и неэффективного предварительного следствия по уголовным делам и отказа гражданских судов рассмотреть ее иск. Она основывалась на статьях 6 и 13 Конвенции, а также на Статье 1 Протокола №1 к Конвенции.

5. 14 декабря 2005 года по решению Суда жалоба была доведена до сведения Властей. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. 19 апреля 1995 года заявитель 1939 года рождения, проживающая в г. Вентспилс, была задержана полицией г. Елгава, и помещена под стражу до 13 июня 1995 года. В течение указанного срока некоторое имущество заявителя, хранившееся в ее доме в Елгаве, где располагалось принадлежащее ей кафе, и в ее втором доме в Добеле, было похищено. В связи с этим было возбуждено уголовное дело.

1. Судебные разбирательства в отношении кражи со взломом в Елгаве

7. 23 мая 1995 года было возбуждено уголовное дело № 22546495 по факту кражи со взломом в г. Елгава.

8. 25 мая 1995 года полиция г. Елгава решила признать заявителя гражданским истцом по уголовному делу №22546495, с требованием 763 латвийских латов (LVL) (около 1 090 евро).

9. 11 июля 1995 года было возбуждено еще одно уголовное дело № 22564195 по факту кражи со взломом в г. Елгава. В тот же день полиция г. Елгава решила признать заявителя гражданским истцом по уголовному делу №22564195 с требованием 6 725,60 латвийских латов (LVL) (около 9 607 евро). Согласно копии указанного решения, представленной заявителем, полицейский следователь вычеркнул указанную сумму, указав вместо нее 12 103 латвийских лата (около 17 290 евро). Заявитель ходатайствовала о признании ее гражданским истцом с требованием указанной суммы на допросе 11 сентября 1995 года.

10. 28 февраля 1997 года полиция Елгавы объединила два уголовных дела в одно за номером 22564195.

11. 17 сентября 1997 года государственный прокурор при Земгальском районном суде (далее - «прокурор Земгальского судебного округа») сообщил заявителю, что после ее жалобы в Генеральную Прокуратуру, была проведена проверка следствия по уголовному делу в отношении кражи ее имущества со взломом. Во время проверки были выявлены серьезные нарушения Уголовно-процессуального кодекса. В связи с этим, по словам прокурора Земгальского судебного округа, 27 января 1997 года она направила запрос начальнику полиции г. Елгава об устранении выявленных нарушений, а также об установлении личностей сотрудников полиции, которые не исполнили обязанность по обеспечению сохранности имущества заявителя после ее заключения под стражу, в соответствии с требованиями статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса. Было проведено официальное расследование неисполнения обязательства по обеспечению сохранности имущества заявителя, и возбуждено уголовное дело в отношении кражи ее имущества со взломом. В результате были установлены личности двоих сотрудников полиции, ответственных за неисполнение обязательства по обеспечению сохранности имущества заявителя. Один из них был привлечен к дисциплинарной ответственности, а профессиональную этику второго оценила комиссия по профессиональной аттестации.

12. 20 августа 2000 года заявитель обратилась письменно к прокурору Земгальского судебного округа с запросом о ходе уголовного дела.

13. 26 сентября 2000 года прокурор Земгальского судебного округа сообщила заявителю, что ее жалоба в отношении отсутствия прогресса уголовного разбирательства являлась обоснованной, поскольку полиция Елгавы не провела оперативно-розыскные мероприятия, и следствие по уголовному делу незаконно затягивалось. По сообщению прокурора, руководитель полицейского управления Министерства внутренних дел был информирован о данном факте 25 сентября 2000 года.

14. 20 января 2001 года заявитель обратилась в Генеральную Прокуратуру с жалобой на неэффективность работы прокурора Земгальского судебного округа, которая задерживала возвращение ее похищенного имущества. 5 февраля 2001 года Генеральная Прокуратура сообщила заявителю, что ее жалоба передана на рассмотрение прокурору Земгальского судебного округа.

15. 13 февраля 2001 года прокурор Земгальского судебного округа сообщила заявителю, что следствие по уголовному делу № 22564195 все еще ведется. Она обратилась к начальнику полиции Елгавы с запросом об ускорении следствия, и

исполнении указаний, которые она дала 27 января 1997 года полиции Елгавы в срок до 25 февраля 2001 года. Впоследствии планировалось провести дополнительную проверку хода следствия.

16. 12 мая 2001 года заявитель обратилась в Генеральную Прокуратуру с жалобой на отсутствие прогресса в расследовании уголовного дела.

17. 20 июня 2001 года прокурор Земгальского судебного округа подтвердила, что заявитель была признана гражданским истцом по уголовному делу № 22564195, следствие по которому велось в указанный момент.

18. 19 июля 2001 года Генеральная Прокуратура сообщила заявителю, что ее жалоба от 12 мая 2001 года передана на рассмотрение прокурору Земгальского судебного округа 21 мая 2001 года.

19. 23 июля 2001 года прокурор Земгальского судебного округа направила заявителю решение от 20 июня 2001 года без ответа по существу на вопросы заявителя о ходе следствия по уголовному делу.

20. 24 июля 2001 года прокурор Земгальского судебного округа сообщила заявителю, что оба решения о признании гражданским истцом были ей направлены.

21. 11 декабря 2001 года полиция г. Елгава в соответствии с пунктом 5 статьи 139 Уголовного Кодекса решила признать заявителя гражданским истцом по уголовному делу №22564195, с требованием 32 789,10 латвийских латов (LVL) (около 46 840 евро).

22. 5 мая 2005 года заявитель обратилась письменно к прокурору Земгальского судебного округа с запросом о ходе уголовного дела.

23. 13 мая 2005 года прокурору Земгальского судебного округа сообщила заявителю, что ее запросы, касающиеся следствия по уголовному делу № 22564195 были переданы в прокуратуру г. Елгава, а запросы, касающиеся следствия по уголовным делам №№ 20517495 и 2503000802 (пункт 33 ниже) - в прокуратуру Добельского района.

24. 7 июня 2005 года прокуратура г. Елгава сообщила заявителю, что следствие по уголовному делу № 22564195 все еще ведется. Отделу полиции г. Елгава было дано указание ускорить расследование.

25. 30 июня 2005 года полиция Елгавы приняла решение о передаче уголовного дела в Городскую прокуратуру Елгавы для привлечения к уголовной ответственности. В ходе предварительного следствия было установлено, что в период между 19 апреля и 13 июня 1995 года, во время содержания заявителя под стражей, Р. З., Е. Р., В. И. и И. Б. похитили и потребили пищевые продукты и алкогольные напитки, а также похитили денежные средства, одежду, кухонную утварь и другие предметы на общую сумму 32 798,10 латвийских латов (приблизительно 46 841 евро) у заявителя. Таким образом, Р. З., Е. Р., В. И. и И. Б. совершили преступление, предусмотренное пунктом 5 статьи 139 Уголовного Кодекса. Это решение было направлено заявителю 1 июля 2005 года.

26. 8 июля 2005 года Городская прокуратура Елгавы выдвинула обвинение в отношении И. В. за кражу со взломом на сумму 2 642 латвийских лата (около 3 774

евро). В отношении нее была избрана мера пресечения в виде запрета менять место проживания.

27. 17 августа 2005 года Городская прокуратура Елгавы выдвинула обвинение в отношении Е. Р. за кражу со взломом на сумму 2 622 латвийских лата (около 3 746 евро).

28. 8 сентября 2005 года прокурор Городской прокуратуры Елгавы принял решение о прекращении уголовного дела № 22564195 в связи с отсутствием достаточных доказательств. Было заявлено, *inter alia*, что поскольку в ходе опросов заявитель постоянно увеличивала сумму ущерба, который она предположительно понесла, к ее показаниям в этом отношении следует относиться с осторожностью. Было установлено, что во время проведения допроса И. Б., Е. Р., Р. З. и В. И. отрицали факт хищения имущества заявителя, и на основании оценки доказательств отсутствовала возможность выяснить, какое именно имущество заявителя было похищено, и при каких обстоятельствах. Кроме того, с момента возбуждения уголовного дела в 1995 году не было получено доказательств в отношении лиц, ответственных за ущерб или хищение имущества заявителя. Прокурор считал, что дело следует прекратить на основании отсутствия возможности получить дополнительные доказательства, и доказать обвинения, выдвинутые в отношении указанных лиц. По информации, предоставленной Властями, решение было направлено заявителю 14 сентября 2005 года, и ей сообщили, что решение может быть обжаловано в прокуратуре Земгальского судебного округа. Заявитель оспаривала это заявление, утверждая, что она не получила решение.

2. Судебное разбирательство в отношении кражи со взломом в Добеле

29. 28 июня 1995 года полиция Добеле возбудила уголовное дело № 20517495 в отношении кражи со взломом в доме заявителя в Добеле.

30. 8 августа 1995 года полиция Добеле признала заявителя гражданским истцом по требованию в сумме 9 439 латвийских латов (13 484 евро).

31. 28 февраля 1996 года государственный прокурор Добельского района приняла решение о частичном прекращении уголовного дела, и частично оставила без удовлетворения гражданский иск заявителя. Было установлено, что обвиняемый Е. Р. признался в краже нескольких предметов, которые заявитель объявила похищенными, и, следовательно, нес ответственность в сумме 1 005 латвийских латов (1 436 евро). Принимая во внимание тот факт, что заявитель не представила подробного описания всех похищенных предметов и их стоимости, прокурор решила считать понесенный заявителем ущерб приблизительным, и, в соответствии с пунктом 2 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса, приняла решение о прекращении уголовного дела в отношении Е. Р. частично в связи с отсутствием доказательств, а также об оставлении гражданского иска заявителя на сумму 8 434 латвийских лата (около 12 049 евро) без удовлетворения как необоснованного.

32. 16 декабря 1996 года государственный прокурор Добельского района приняла решение о прекращении уголовного дела по остальным статьям. Она установила, что в ходе предварительного следствия не было получено доказательств, подтверждающих обвинение И. Б. в краже со взломом. Что касается Е. Р., учитывая тот факт, что он

отбывал наказание, назначенное ему по другому уголовному делу 25 ноября 1996 года, он не мог совершать новые преступления, и прокурор решила прекратить уголовное дело в отношении него по оставшейся части иска.

33. 10 декабря 2002 года прокурор Земгальского судебного округа отменила решение прокурора Добельского района об оставлении гражданского иска заявителя на сумму 8 434 латвийских лата (12 049 евро) без удовлетворения на необоснованное. Прокурор сообщил, что на этапе предварительного следствия следовало проверить возможность совершения кражи со взломом другим лицом, и следовало провести подробный опрос заявителя в отношении предположительно похищенного имущества, его описания и стоимости. Прокурор распорядилась о возбуждении нового уголовного дела № 2503000802 в отношении хищения имущества заявителя на сумму 8 434 латвийских лата (12 049 евро).

34. 31 мая 2005 года государственный прокурор Добельского района сообщила заявителю о прекращении уголовного дела № 20517495 16 декабря 1996 года в соответствии с пунктом 4 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса; следствие по уголовному делу № 2503000802 (касательно похищенного имущества на сумму 8 434 латвийских лата (12 049 евро)) продолжал отдел полиции г. Добеле, и виновный не был установлен.

35. Согласно письму Прокуратуры Добельского района, уголовное дело № 2503000802 было передано в отдел полиции г. Добеле для проведения предварительного следствия 7 января 2003 года. Прокурор, ответственный за надзор за следствием, рассмотрел дело 1 июля 2005 года.

36. В соответствии с доводами Властей, следствие по уголовному делу продолжалось.

3. Судебные разбирательства, инициированные заявителем

37. 10 июня 2001 года заявитель подала гражданский иск о возмещении ущерба в отношении государственной полиции в Рижский окружной суд, и ходатайствовала об освобождении от уплаты судебных издержек по причине своего неудовлетворительного финансового положения. По документам, представленным Суду, она приложила копию пенсионного удостоверения от 15 мая 1996 года, удостоверяющего получение пенсии по старости в сумме 35,91 латвийских латов (около 50 евро), и ответы прокурора Земгальского судебного округа от 13 февраля 2001 года, 26 сентября 2000 года, и 17 сентября 1997 года на ее жалобы. Она ходатайствовала перед судом о присуждении ей компенсации в сумме 250 000 латвийских латов (около 357 143 евро) за похищенное имущество, а также в качестве компенсации неимущественного вреда, причиненного ей вследствие действий полиции Елгавы, противоречащих требованиям статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса.

38. 14 июня 2001 года судья Палаты по гражданским делам Рижского окружного суда сообщил заявителю, что она ходатайствовала об освобождении от уплаты судебных издержек без представления доказательств финансовой невозможности нести такие издержки. Далее судья отметил, что заявитель не представила документов, подтверждающих обстоятельства, на которых был основан ее иск. Судья установил предельный срок 23 июля 2001 года для устранения этих нарушений.

39. 27 июня 2001 года заявитель дополнила свое исковое заявление, указав в нем, что поскольку полиция действовала в нарушение статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса, ее права, гарантированные статьей 13 Конвенции, и статьей 1 Протокола №1 Конвенции, были нарушены. Она повторно ходатайствовала об освобождении от уплаты судебных издержек, приложив копию пенсионного удостоверения, и копии ответов прокурора Земгальского судебного округа от 26 сентября 2000 года и 17 сентября 1997 в качестве обоснования своего иска.

40. 29 июня 2001 года судья Рижского окружного суда ответил заявителю, что ее дополнения от 27 июня 2001 года являются недостаточными, и что ей необходимо устранить нарушения в срок до 23 июля 2001 года.

41. 15 июля 2001 года заявитель дополнила свое исковое заявление, представив копию решения полиции Елгавы от 11 июля 1995 года, в котором она была признана гражданским истцом, и в котором было указано, что в целях оценки стоимости остального похищенного имущества ей было необходимо пригласить свидетелей для дачи показаний.

42. 13 августа 2001 года судья Рижского окружного суда счел, что недостатки, на которые он указал, не были устранены, и, придя к выводу о ненадлежащем порядке подачи искового заявления, вернул его заявителю без рассмотрения.

43. 4 октября 2001 года Палата по гражданским делам Верховного Суда, в ответ на дополнительную жалобу заявителя от 21 августа 2001 года, оставила решение Рижского окружного суда без изменений. Суд счел, что заявитель не представила доказательств своего финансового положения, и не представила документы, устанавливающие обстоятельства, лежащие в основе ее жалобы. Решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Уголовно-процессуальный кодекс Латвии (Latvijas Kriminālprocesa Kodekss), действовавший до 1 октября 2005 года

44. Статья 80 гласила, что «если задержанное лицо имело имущество или жилое помещение, которое оставалось без присмотра, полиция, прокуратура или суд должны были обеспечивать его сохранность и защиту».

45. Статья 101 предусматривала возможность подачи гражданского иска лицом, которое понесло ущерб в результате совершения преступления. Гражданский иск мог быть подан в отношении обвиняемого или лица, которое несло косвенную ответственность за действия обвиняемого (пункт 1). Гражданский иск мог быть подан после возбуждения уголовного дела, на этапе предварительного следствия, или в суд до возбуждения дела (пункт 2). В случае прекращения рассмотрения дела судом, гражданский иск также мог быть подан до начала рассмотрения дела на последующем судебном слушании (пункт 3). Физическое лицо имело право подачи гражданского иска путем гражданского судопроизводства, если требование не было заявлено в уголовном деле, или если требование не было рассмотрено вследствие прекращения уголовного дела, либо на основании вынесения вердикта о невиновности (пункт 7).

46. В соответствии со статьей 102, лицо, которому был причинен имущественный ущерб в результате уголовного преступления, вправе подать гражданский иск в отношении обвиняемого или лица, которое несло косвенную ответственность за действия обвиняемого, и такой иск мог быть рассмотрен судом совокупно с уголовным делом. Далее, лицо, которое было признано гражданским истцом по решению полиции, государственного прокурора или суда, имело право на подачу жалобы в отношении действий вышеуказанных государственных органов.

47. Статья 140 гласила, что лицо, которому был причинен ущерб в результате преступления, могло быть объявлено гражданской стороной на этапе предварительного следствия.

48. В соответствии с пунктами 2 и 4 статьи 208, уголовное дело или его часть подлежали прекращению в случае если обвинение не было доказано, и в случае отсутствия возможности получения дополнительных доказательств, а также в случае признания (вследствие изменившихся обстоятельств) в ходе следствия по делу, что преступление, совершенное физическим лицом, перестало представлять общественную опасность, или что указанное лицо более не представляет опасности для общества.

49. Гражданский истец мог подать жалобу на действия полиции или государственного прокурора. Жалоба могла быть подана непосредственно прокурору, или при посредничестве лица, в отношении которого была подана жалоба. Жалоба, поданная сотруднику полиции, подлежала передаче наряду с его разъяснениями прокурору в течение двадцати четырех часов (статья 220). Прокурор должен был принять решение по жалобе в течение трех дней с момента ее получения, и уведомить лицо, подавшее жалобу, о результате. В случае отклонения жалобы необходимо было указать причины. Решения и действия государственного прокурора могли быть обжалованы вышестоящему прокурору, который должен был рассмотреть жалобу в соответствии с указанной выше процедурой (статьи 221 и 222).

50. В соответствии со статьей 308, в случае если гражданский иск был оставлен без рассмотрения по причине прекращения уголовного дела, он мог быть подан вновь в рамках гражданского судопроизводства.

2. Уголовный Кодекс Латвии (Latvijas Kriminālkodekss), действовавший до 1 апреля 1999 года

51. Пункт 5 статьи 139 гласил, что совершение грабежа при отягчающих обстоятельствах влечет наказание в виде тюремного заключения сроком от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

3. Закон о гражданском судопроизводстве (Civilprocesa likums), действующий с 1 марта 1999 года

52. В соответствии с пунктом 1 статьи 7, гражданские иски о возмещении имущественного ущерба и неимущественного вреда в уголовных делах могут быть поданы в соответствии с процедурами, предусмотренными уголовно-процессуальным правом.

53. Пункт 3 статьи 96 гласит, что постановление, вынесенное по уголовному делу, является обязательным для исполнения в гражданском судопроизводстве в той степени, в которой оно касается определения преступления, за которое ответчику назначено наказание, и ответственности ответчика.

54. Суд обязуется приостановить судебное разбирательство, если вынесение решения невозможно до принятия решения по другому вопросу, решение по которому должно быть принято в соответствии с уголовным судопроизводством (соответствующая часть статьи 214).

4. Гражданский закон (Civillikums)

55. Статья 1635 гласит, что любое неправомерное действие или нарушение само по себе дает лицу, которому был причинен ущерб, основание требовать возмещение от нарушителя, в степени, в которой на него или на нее может быть возложена ответственность за такое действие или нарушение.

56. Любое лицо обязано компенсировать причиненный им в результате действий или нарушений ущерб (статья 1779). Под ущербом следует понимать любое лишение, которое может быть оценено с финансовой точки зрения (статья 1770). Ущербом могут являться либо уже понесенные убытки, или убытки, которые будут понесены; они являются основанием для получения возмещения (статья 1771). Уже понесенные убытки могут представлять собой уменьшение стоимости имущества потерпевшего, или уменьшение его или ее ожидаемой прибыли (статья 1772).

5. Конституция Латвийской Республики (Latvijas Republikas Satversme)

57. Каждый может защищать свои права и законные интересы в справедливом суде. В случае необоснованного ущемления прав каждый имеет право на соответствующее возмещение (статья 92).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №1 КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель жаловалась, что она понесла имущественные потери в результате неисполнения обязанностей полицией, и что она не смогла получить возмещение понесенного ущерба вследствие длительного и неэффективного предварительного следствия по уголовным делам, а также отказа гражданских судов рассмотреть ее иск в отношении полиции. Она утверждала, что имело место нарушение статьи 1 протокола №1, соответствующая часть которой гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права».

A. Приемлемость жалобы

59. Власти утверждали, что «собственность» в значении статьи 1 Протокола №1 отсутствовала на этапе предварительного следствия по уголовным делам, в которых заявитель принимала участие в качестве стороны гражданского иска. По утверждению

Властей, сам факт, что заявитель принимала участие в разбирательстве по уголовному делу в качестве гражданского истца, не являлся основанием для возникновения «имеющего исковую силу требования», которое могло составлять «собственность» в значении статьи 1 Протокола №1. Кроме того, заявитель не имела «оправданных ожиданий» по эффективному пользованию определенным материальным активом в целях статьи 1 Протокола №1, поскольку вопрос о приемлемости окончательной суммы гражданского иска не был решен национальными судами ни в рамках разбирательства по уголовному делу, ни в рамках отдельного гражданского судопроизводства. В связи с этим Власти отметили, что требование получало исковую силу только после его полного или частичного признания судом. Кроме того, они подчеркнули, что исключительно национальные суды обладали правом оценивать стоимость иска заявителя, и, в частности, рассматривать вопрос о том, почему сумма искового требования увеличилась с 763 до 32 798,10 латвийских латов (приблизительно от 1 090 до 46 854 евро) на этапе предварительного следствия. Таким образом, Власти утверждали, что имущественные права заявителя никогда не были установлены постановлением суда, и что ее право на возмещение никогда не имело исковой силы в целях статьи 1 Протокола №1, который, соответственно, не является применимым в настоящем деле. Следовательно, Власти пришли к выводу, что жалоба заявителя должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции. Власти также утверждали, что заявитель никогда не обжаловала решения от 16 декабря 1996 года и 8 сентября 2005 года, и не подавала гражданского иска по статье 308 Уголовно-процессуального кодекса.

60. Заявитель утверждала, что наличие у нее прав собственности подтверждено документами, относящимися к предварительному следствию по уголовным делам. Что касается аргумента Властей о том, что она значительно увеличила сумму своего гражданского иска на этапе предварительного следствия, заявитель утверждала, что 25 мая 1995 года, когда она впервые была признана гражданским истцом, она находилась под стражей, и в тот момент не могла знать точную сумму ущерба. Кроме того, поскольку ее имущество оставалось без надзора до момента ее освобождения, она понесла дополнительный ущерб. Заявитель приложила письменные показания дочери и троих своих знакомых, содержащие утверждения о том, что она утратила имущество стоимостью от 50 000 до 100 000 латвийских латов (приблизительно от 71 429 до 142 857 евро). Заявитель также утверждала, что она не получила решение от 8 сентября 2005 года о прекращении уголовного дела в отношении кражи со взломом в Елгаве. В любом случае обжалование в тех же государственных органах, в которые она безрезультатно обращалась с многочисленными жалобами прежде, не обеспечивало ей разумной перспективы успеха.

61. Суд отклоняет доводы Властей о том, что заявитель не обжаловала решение от 16 декабря 1996 года, поскольку прокурор Земгальского судебного округа в любом случае вынесла постановление о возбуждении уголовного дела 10 декабря 2002 года в указанном отношении, и разбирательства по указанным делам еще не окончены. Суд полагает, что остальная часть возражений Властей тесно связана с существом жалобы заявителя, и что их рассмотрение следует, таким образом, объединить с рассмотрением по существу дела. Далее Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям, и, следовательно, объявляет жалобу приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

62. Власти утверждали, что даже в случае установления судом применимости статьи 1 Протокола №1 в настоящем деле, Государство не может быть назначено ответственным за предполагаемое нарушение прав заявителя в связи с вышеизложенным. Власти утверждали, что Латвия не может нести ответственность за действия отдельных физических лиц (в данном случае - предполагаемых правонарушителей, совершивших кражу со взломом), в отношении которых заявитель подала гражданские иски на этапе предварительного следствия. Далее Власти повторили свою точку зрения, что предполагаемые имущественные права заявителя никогда не были установлены постановлением суда, и что ее право на возмещение никогда не имело исковой силы в целях статьи 1 Протокола №1, который, соответственно, не является применимым в настоящем деле. Наконец, Власти отметили, что, несмотря на прекращение уголовного дела № 225641955, заявитель по-прежнему могла подать гражданский иск о возмещении ущерба.

63. Заявитель утверждала, что имело место нарушение ее права на беспрепятственное пользование имуществом.

2. Оценка Суда

64. Суд напоминает, что концепция «собственности» в статье 1 Протокола №1 имеет самостоятельное значение, и что статья 1 Протокола №1 по сути гарантирует право собственности (см. постановление Европейского суда от 13 июня 1979 года по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium), пункт 63, Серия А № 31). «Собственность» в значении вышеуказанного положения может представлять собой либо «существующую собственность» или активы, включая требования, в отношении которых заявитель может утверждать, что он имеет по меньшей мере «оправданные ожидания» осуществления права беспрепятственного пользования имуществом (см. постановление Европейского суда от 29 ноября 1991 года по делу «Пайн Велли Девелопментс» против Ирландии» (Pine Valley Developments v. Ireland), пункт 51, Серия А № 222, и постановление Большой Палаты по делу «Копецки против Словакии» (Korcský v. Slovakia) № [44912/98](#), пункт 35, ECHR 2004-IX). Суд постановил, что его прецедентная практика не предусматривает наличия «спора по существу дела» или «небезосновательного требования» в качестве критерия, определяющего наличие «оправданных ожиданий», защищенных статьей 1 Протокола №1 (см. упоминавшееся выше постановление по делу Копецки (Korcský), пункт 52). Для того, чтобы требование считалось «активом» в рамках статьи 1 Протокола №1, оно должно иметь достаточные основания с точки зрения внутригосударственного права (см. постановление Большой Палаты от 6 октября 2005 года по делу «Драон против Франции» (Draon v. France), № [1513/03](#), пункт 65 и упоминавшееся выше постановление по делу Копецки (Korcský), пункт 52). В установленных случаях может вступать в действие концепция «оправданных ожиданий», которая должна по своей природе являться более конкретной, чем простая надежда, и должна быть основана на правовой норме или законодательном акте, такой как судебное решение (см. упоминавшееся выше постановление по делу Драона (Draon), пункт 65, и решение Европейского Суда по делу «Гратцингер и Гратцингерова против Чехии» (Gratzinger and Gratzingerova v. the Czech Republic) жалоба № [39794/98](#), пункт 73, ECHR 2002-VII).

65. Далее Суд напоминает, что истинное эффективное осуществление права, гарантированного статьей 1 Протокола №1, не просто зависит от обязательства Государства не нарушать указанное право, но также может требовать позитивных мер по защите, особенно в случаях наличия прямой связи между мерами, которые заявитель вправе законно ожидать от государственных органов, и своим беспрепятственным пользованием имуществом (см. постановление Большой Палаты по делу «Онерылдыз против Турции» (Öneryıldız v. Turkey), жалоба №[48939/99](#), пункт 134, ECHR 2004-XII, и постановление Большой Палаты по делу «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland), жалоба № [31443/96](#), пункт 143, ECHR 2004-V).

66. Прежде всего, Суд отмечает, что у него отсутствуют основания сомневаться в том факте, что имущество, принадлежащее заявителю, было похищено из ее двух домов в Елгаве и Добеле после ее помещения под стражу. В указанном отношении суд отмечает, что в отношении обеих краж со взломом были возбуждены уголовные дела и что в ходе следствия по уголовному делу было установлено, что имущество, принадлежащее заявителю, в действительности было похищено (пункты 25 и 31 выше). Кроме того, Власти не оспаривают тот факт, что кражи со взломом в домах заявителя имели место. Следовательно, Суд считает, что имело место бесспорное нарушение права заявителя на беспрепятственное пользование имуществом. Действительно, как утверждают Власти, нарушение включало в себя действия физических лиц, за которые Государство не несет непосредственной ответственности. Тем не менее, Суд отмечает, что государственные органы имели определенное правовое обязательство по защите (nodrošināt aizsardzību) помещений заявителя во время ее содержания под стражей, в соответствии со статьей 80 Уголовно-процессуального кодекса (пункты 6, 11 и 44 выше), и неисполнение полицией этого обязательства было признано на внутригосударственном уровне фактом применения дисциплинарных мер в отношении соответствующих сотрудников полиции (см. пункт 11 выше). Однако Суд не считает необходимым принимать решение по вопросу о наличии достаточно тесной связи между неисполнением указанных обязательств и хищением имущества заявителя, чтобы установить ответственность государства в отношении нарушения прав собственности заявителя как таковых.

67. Суд считает, что в контексте статьи 1 Протокола №1, в случаях, когда нарушение права на беспрепятственное пользование имуществом совершает физическое лицо, у Государства возникает позитивное обязательство по обеспечению в национальной правовой системе достаточной защиты имущественных прав по закону, а также наличия надлежащих средств правовой защиты, в силу чего пострадавший от нарушения прав может отстаивать их, включая, в соответствующих случаях, отстаивание путем требования возмещения в отношении понесенного ущерба. Кроме того, в случаях, когда нарушение носит уголовный характер, это обязательство дополнительно требует от государственных органов проведения эффективного уголовного разбирательства и, в соответствующих случаях, судебного преследования (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по делу «М. С. против Болгарии», (M.C. v. Bulgaria), жалоба №[39272/98](#), пункт 151-153, ECHR 2003-XII). В указанном отношении очевидно, что обязательство, подобное обязательствам по статьям 2 и 3 Конвенции, о проведении эффективного расследования смерти или предположительного жестокого обращения, является одним из средств, а не результатом; другими словами, обязательство государственных органов по расследованию и судебному преследованию таких действий не может являться абсолютным, поскольку очевидно, что многие преступления остаются нераскрытыми

или безнаказанными, вне зависимости от разумных усилий государственных органов. Скорее, обязательством, возложенным на Государство, является обеспечение должного и надлежащего уголовного расследования, и компетентных и эффективных действий соответствующих государственных органов. Кроме того, Суд принимает во внимание практические сложности, с которыми могут сталкиваться органы власти при расследовании преступления, а также учитывает необходимость совершения функционального выбора и установления приоритетов расследования наиболее тяжких преступлений. Следовательно, обязательство по расследованию является менее строгим в отношении менее серьезных преступлений, таких как преступления в отношении имущества, и более строгим в отношении более серьезных преступлений, таких как преступления против личности, и, в частности, преступления, подпадающие под действие статей 2 и 3 Конвенции. Таким образом, Суд полагает, что в делах, относящихся к менее серьезным преступлениям, Государство нарушает исполнение своего позитивного обязательства в этом отношении только в случаях возможности установления вопиющих и серьезных недостатков уголовного расследования или судебного преследования (см. там же, пункт 167-168).

68. Кроме того, Суд полагает, что возможность возбуждения гражданского судебного разбирательства в отношении предполагаемых лиц, совершивших преступление против права собственности, может обеспечивать потерпевшему эффективные альтернативные средства защиты его прав, даже в случае если уголовное судебное разбирательство не имело успешного завершения, при условии, что гражданский иск имеет обоснованные перспективы успеха (см. решение Европейского Суда от 3 июня 2008 года по делу «Плотина против Латвии» (*Plotiņa v. Latvia*), жалоба № [16825/02](#)). Несмотря на то, что результат уголовного судебного разбирательства может иметь существенное или даже решающее влияние на перспективы гражданского иска, поданного в контексте уголовного разбирательства или в виде отдельного гражданского разбирательства, Государство не может быть назначено ответственным за отсутствие перспектив такого иска просто в силу того, что уголовное расследование в итоге не привело к вынесению приговора. Скорее, Государство не выполнит свои позитивные обязательства по статье 1 Протокола №1, если отсутствие перспектив гражданского иска является прямым следствием исключительно серьезных и вопиющих нарушений ведения уголовного следствия, возникшего в результате того же комплекса факторов, который указан в предыдущем пункте.

69. Позитивное обязательство, возложенное на Государство по статье 1 Протокола № 1, возникает в отношении первоначального нарушения третьими лицами права на беспрепятственное пользование имуществом; само по себе оно не создает новых имущественных прав в отношении Государства, и оно возникает независимо от любых требований, которые могут существовать по отношению к правонарушителям или Государству (в случаях, когда Власти, предположительно, не соблюли особое обязательство, как в настоящем деле). Таким образом, действительно, как заявляли Власти, решения по гражданским искам, которые заявитель подал в рамках соответствующего уголовного разбирательства, никогда не были приняты судами, и ее жалобы в отношении полиции также никогда не были рассмотрены по существу. Следовательно, указанные требования не являются «собственностью» в значении статьи 1 Протокола №1. Однако, как установил Суд, в обстоятельствах дела было нарушено право на беспрепятственное пользование имуществом (см. пункт 68). Следовательно, Суд отклоняет возражение Властей о том, что жалоба заявителя является несовместимой ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения.

70. Установив факт возникновения определенных позитивных обязательств в отношении нарушения права собственности, Суд переходит к рассмотрению вопроса о том, обеспечило ли уголовное разбирательство, возможность подачи гражданского иска и действия заявителя в отношении полиции ей достаточную защиту прав собственности.

71. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что расследование кражи со взломом в Добеле, которое началось более тринадцати лет назад, все еще продолжается (пункт 36 выше), в то время как разбирательства, касающиеся кражи со взломом в Елгаве, были прекращены после безрезультатного следствия длиной более десяти лет (пункт 28 выше). Действительно, в нескольких случаях нарушения, допущенные в ходе расследования уголовного дела, относящегося к краже со взломом в Елгаве, были признаны национальными государственными органами, и следственным органам были даны соответствующие распоряжения (см, в частности, пункты 11, 13, 15, 24 и 33 выше), и что, по-видимому, распоряжения не были выполнены, и следствие не было ускорено. Кроме того, при поведении разбирательств, относящихся к краже в Добеле, прокурор распорядился о возбуждении нового уголовного дела через шесть лет после прекращения начального следствия, из-за ошибок, допущенных в ходе указанного следствия (пункт 33 выше). Тем не менее, Суд не может прийти к выводу, что характер и степень нарушений, допущенных в ходе уголовного следствия, были такими, что Государство может быть признано не выполнившим обязательство по статье 1 Протокола № 1, в части, относящейся к расследованию и судебному преследованию за преступления. В связи с этим Суд, в частности, отмечает, что судебные разбирательства, относящиеся к краже со взломом в Елгаве, были прекращены в связи с невозможность получения достаточных доказательств для предъявления обвинений определенным физическим лицам, в то время как в судебных разбирательствах, относящихся к краже со взломом в Добеле, по-видимому, отсутствует установление правонарушителей. В указанных обстоятельствах Суд не считает установленным, что отсутствие успешного результата уголовного разбирательства явилось результатом вопиющих и серьезных нарушений при его проведении.

72. Что касается возможности подачи гражданского иска, Власти утверждали, что, несмотря на то, что уголовное дело № 225641955 в отношении кражи со взломом в Елгаве было прекращено, заявитель имела возможность подачи гражданского иска в целях возмещения ущерба. Суд далее отмечает, что в соответствии с нормами внутригосударственного права, окончательное решение по уголовному делу не является обязательным условием для подачи иска о возмещении ущерба путем гражданского судебного разбирательства (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Плотина против Латвии» (*Plotiņa v. Latvia*)). Следовательно, у заявителя была возможность подачи отдельных гражданских исков, если она считала, что уголовное разбирательство неэффективно, и что ее гражданские требования, заявленные в ходе указанных разбирательств, не были рассмотрены надлежащим образом. В свете выводов Суда о проведении уголовного разбирательства, Суд не может прийти к выводу о том что гражданское разбирательство не имело обоснованных перспектив успеха. В действительности, Суд отмечает, что, несмотря на то, что уголовное разбирательство в отношении кражи в Елгаве было прекращено в связи с отсутствие достаточных доказательств в целях предъявления обвинения, определенные подозреваемые были установлены (хотя и десять лет спустя), в то время как

подозреваемые по уголовному делу в отношении кражи в Добеле были установлены на более раннем этапе. Неоспоримо, что заявитель могла подать отдельные гражданские иски в отношении указанных подозреваемых, в контексте которых бремя доказывания было бы менее строгим. Суд считает, что такие иски в принципе обеспечили бы надлежащую защиту интересов заявителя. Кроме того, Суд отмечает, что на каждом этапе уголовного разбирательства у заявителя была возможность прибегнуть к возбуждению гражданского судопроизводства, и что обязанность подачи гражданских исков в отношении подозреваемых была возложена на нее, если она считала уголовное расследование ненадлежащим или неполным. Поскольку заявитель не сделала этого, Суд приходит к выводу о невозможности установить, что такие разбирательства не представляли собой надлежащие средства, в силу которых Государство могло выполнить свои позитивные обязательства по статье 1 Протокола № 1.

73. В свете вышеизложенного, Суд приходит к выводу о том, что нарушение статьи 1 Протокола №1 отсутствовало. В указанных обстоятельствах Суд считает, что нет необходимости дополнительно рассматривать возражения Властей в части, относящейся к факту отсутствия обжалования заявителем решения от 8 сентября 2005 года, и подачи гражданских исков.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 6 И 13 КОНВЕНЦИИ

74. Заявитель жаловалась по статье 6 Конвенции, что она была лишена возможности обратиться в суд вследствие необоснованного отказа гражданских судов рассмотреть ее гражданский иск, а также длительности и неэффективности предварительного следствия по уголовным делам. Ссылаясь на вышеуказанные нарушения, заявитель жаловалась по статье 13 Конвенции, что внутригосударственные средства правовой защиты, имеющиеся в ее распоряжении для защиты прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1, оказались неэффективными в ее случае. Соответствующие части указанных статей гласят:

Статья 6

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах ... имеет право на справедливое ... разбирательство дела в разумный срок ... судом, созданным на основании закона ...»

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Приемлемость жалобы

75. Власти не представили замечаний в отношении жалобы заявителя по статье 6, и утверждали, что жалоба по статье 13 является неприемлемой, поскольку соответствующая жалоба по статье 1 Протокола № 1 была явно необоснованной.

76. Суд приходит к выводу, что жалобы заявителя по пунктам 1 и 13 статьи 6 не являются явно необоснованными в значении пунктов 3 и 4 статьи 35. Кроме того, они не являются неприемлемыми по каким-либо другим основаниям, и, следовательно, должны быть объявлены приемлемыми.

Б. Существо жалобы

77. Прежде всего Суд отмечает, что иск, поданный заявителем в Рижский окружной суд против полиции в связи с неисполнением государственными органами правового обязательств по защите ее имущества в период ее содержания под стражей (пункт 37 выше) носил материальный характер, и без сомнения касался права, основанного на внутригосударственном праве, и являлось гражданским правом в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункты 57-59 выше).

78. Суд отмечает, что национальные суды отказались рассматривать иск по существу на том основании, что он не был подан надлежащим образом. В этой связи Суд отмечает, что заявитель приложила к исковому заявлению документы, доказывающие ее финансовое положение, а также соответствующие ответы прокурора Земгальского судебного округа, которые, по ее мнению, являлись разумным и достаточным основанием для подачи иска (пункты 39 и 41 выше). Суд также отмечает, что национальные суды не указали заявителю, какие дополнительные документы было необходимо представить в целях подтверждения ее финансовой ситуации и обстоятельств, на которых был основан ее иск (пункты 38 и 40 выше). Суд не может согласиться с выводом национальных судов (пункты 42 и 43 выше), что заявитель не представила достаточных доказательств в отношении своей финансовой ситуации и оснований для своего иска. Таким образом, Суд придерживается мнения, что отказ национальных судов рассматривать иск заявителя по существу был явно безосновательным. Следовательно, несмотря на наличие формальной возможности обращения в суд, отказ суда рассматривать требования заявителя по существу лишил ее такой возможности.

79. Суд приходит к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции. Кроме того, Суд напоминает, что гарантии, предусмотренные статьей 13, входят в число гарантий, предусмотренных статьей 6, и приходит к выводу об отсутствии отдельных вопросов по статье 13 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

80. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

1. Доводы сторон

81. Что касается имущественного ущерба, заявитель требовала 50 000 латвийских латов (LVL) (около 71 429 евро) в качестве компенсации за похищенное имущество. По утверждениям заявителя, эта сумма представляла собой приблизительную оценку величины ущерба. Заявитель приложила письменные показания дочери и троих своих знакомых, содержащие утверждения о том, что она утратила имущество стоимостью от 50 000 до 100 000 латвийских латов (приблизительно от 71 429 до 142 857 евро).

Эти показания содержали не подробный перечень предметов, а лишь общие заявления о том, что в доме заявителя была роскошная обстановка.

82. Она также требовала 60 000 латвийских латов (около 85 714 евро) в качестве компенсации неимущественного вреда за психологические страдания, которые она испытала вследствие нарушения ее прав, гарантированных Конституцией.

83. Власти не представили замечаний в этой связи.

2. Оценка Суда

84. Суд не усматривает причинно-следственной связи между установленным нарушением и имущественным ущербом, предположительно понесенным заявителем. Таким образом, Суд не присуждает возмещения в этой связи. Однако Суд полагает, что может считаться, что заявителю был причинен неимущественный вред в результате нарушения ее возможности обращения в суд, которое не может быть компенсировано самим фактом установления нарушения Судом. Однако требуемая сумма является чрезмерной. Выполнив оценку на справедливой основе, в соответствии с требованиями статьи 41 Конвенции, Суд присуждает заявителю 8 000 евро, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма.

В. Расходы и издержки

1. Доводы сторон

85. Заявитель требовала 2 600 латвийских латов (около 3 714 евро) в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных ей на внутригосударственном уровне в связи с ее делом и разбирательством в Суде. Указанные суммы включали в себя затраты на поездки в Елгаву, где она, предположительно, посещала местные государственные органы. Заявитель представила подтверждения оплаты топлива и почтовых расходов. Заявитель также требовала 2 000 латвийских латов (около 2 857 евро) в качестве компенсации расходов и затрат, относящихся к представлению ее интересов при разбирательстве в Суде, а также вознаграждения за правовую помощь, за которой она обращалась во время рассмотрения ее дела национальными органами власти. Заявитель приложила копию договора от 10 июня 1997 года, заключенного ей и физическим лицом Е. Е., который не являлся адвокатом, об оказании юридических услуг в государственных органах и Суде.

86. Власти не представили замечаний в этой связи.

2. Оценка Суда

87. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в том случае, если он демонстрирует, что такие расходы и издержки были фактически и при необходимости понесены, и являются обоснованными. В настоящем деле, учитывая информацию, имеющуюся в распоряжении Суда, а также вышеуказанные критерии, Суд отклоняет требование о возмещении расходов и издержек, понесенных в ходе внутригосударственных разбирательств и разбирательств в Суде.

С. Проценты за просрочку платежа

88. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Присоединился по существу к предварительному возражению Властей, касающемуся предположительного отсутствия права собственности, и оставляет указанное требование без удовлетворения;
2. Присоединился по существу к предварительным возражениям Властей, касающимся отсутствия обжалования решения от 8 сентября 2005 года, а также отсутствия гражданского иска в соответствии со статьей 308 Уголовно-процессуального кодекса;
3. Объявил жалобу приемлемой;
4. Постановил, что нарушение статьи 1 Протокола №1 Конвенции отсутствовало;
5. Постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, пришел к выводу об отсутствии отдельных вопросов по статье 13 Конвенции;
6. Постановил,
 - (а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции Власти государства-ответчика должны выплатить заявителю 8 000 (восемь тысяч) евро, включая любой налог, которым может облагаться такая сумма, в качестве возмещения неимущественного вреда;
 - (b) что по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;
7. Отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

3 ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА ПО ВОЗРАСТУ АКТИВОВ, УТРАЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, И ЗАЩИТЕ СОБСТВЕННОСТИ

3.1 Дело «Эйр Канада» против Соединенного Королевства» (Air Canada v United Kingdom)

Жалоба № [18465/91](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

5 мая 1995 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее - «Комиссия») 11 марта 1994 года, в течение срока продолжительностью три месяца, предусмотренного пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 Конвенции. Дело было возбуждено на основании жалобы (№[18465/91](#)) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, поданной Комиссии по статье 25 (ст. 25) компанией Air Canada (Эйр Канада), учрежденной в соответствии с законодательством Канады, и зарегистрированной в Соединенном Королевстве как иностранная компания 2 мая 1991 года.

Запрос Комиссии содержал ссылки на статьи 44 и 48 (ст. 44, ст. 48), а также на заявление, в котором Соединенное Королевство признало обязательную юрисдикцию Суда (статья 46) (ст. 46). Предметом запроса было получение решения относительно того, являлось ли разглашение фактов по делу нарушением обязательств государства-ответчика по статье 6 (ст. 6) Конвенции и статье 1 Протокола №1 (P1-1) Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом (d) пункта 3 Правила 33 Регламента А Суда, заявитель заявил о своем желании принимать участие в судебном разбирательстве, и назначил адвокатов, которые представляли его интересы (правило 30).

3. Также была созвана Палата, в состав которой ex officio вошел сэр Джон Фрилэнд, избранный судья, имеющий гражданство Великобритании (статья 43 Конвенции) (ст. 43), и Р. Рисдал, Председатель Суда (подпункт (b) пункта 3 Правила 21). 24 марта 1994 года, в присутствии Секретаря Суда, Председатель путем жребия определил имена семи других членов Суда, а именно, Ф. Гюльчюкю, Ф. Матшера, Б. Уолша, К. Руссо, А. Шпильмана, З. К. Мартенса, и Р. Пекканена (статья 43 in fine Конвенции и пункт 4 Правила 21) (ст. 43).

4. В качестве Председателя Палаты (пункт 5 Правила 21) Р. Рисдал, при содействии Секретаря, проконсультировался с Уполномоченным представителем Властей Соединенного Королевства (далее - «Власти»), адвокатами заявителя и представителем Комиссии по вопросу организации судебного разбирательства (пункт 1 Правила 37 и Правило 38). В соответствии с распоряжением, вынесенным в результате этого 11 мая 1994 года, Секретарь получил петицию заявителя 29 августа 1994 года, и петицию Властей 2 сентября 1994 года. 6 октября 1994 года Секретарь Комиссии отметил, что Представитель Комиссии представит свои замечания на слушании.

5. В соответствии с решением Председателя, заседание произошло при открытых дверях в Здании Европейского суда по правам человека в Страсбурге 21 ноября 1994 года. Ранее Суд назначил подготовительное заседание.

ФАКТЫ

I. ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Предпосылки судебного процесса

6. В период между 1983 и 1987 годами несколько инцидентов вызвали тревогу, связанную с достаточностью процедур обеспечения безопасности компании-заявителя в аэропорту Хитроу, Лондон:

- (1) В период между ноябрем 1983 года и сентябрем 1984 года ряд грузов, в которых, по предположениям Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства, содержались наркотики, исчез из хранилища транзитных грузов компании Air Canada.
- (2) В марте 1986 года 809 килограммов смолы каннабиса были обнаружены в грузе из Индии (Нью-Дели).
- (3) В мае 1986 года был перехвачен груз из Таиланда, вынесенный за пределы контролируемой зоны, в котором были обнаружены 300 килограммов смолы каннабиса. Впоследствии двум сотрудникам компании Air Canada были вынесены обвинительные приговоры за преступления, связанные с ввозом смолы каннабиса.
- (4) 11 июня 1986 года Государственная таможенно-акцизная служба Соединенного Королевства написала письмо управляющему грузового терминала компании, в котором выражала обеспокоенность большим количеством наркотиков, провозимых контрабандой в страну при содействии персонала компании Air Canada. В ответном письме компания Air Canada пообещала усилить безопасность.
- (5) 15 декабря 1986 года Государственная таможенно-акцизная служба Соединенного Королевства написала письмо всем операторам авиaperевозок в Хитроу и Гатвике, предупредив их о возможных штрафах в случае обнаружения незаконного импорта на борту их воздушных судов. В письме было указано, *inter alia*, что в случаях, когда воздушное судно использовалось для перевозки чего-либо, подлежащего изъятию, комиссары «рассматривают вопрос об осуществлении своих полномочий в рамках закона, включая изъятие или задержание воздушного судна, или наложение денежных штрафов за такое нарушение».
- (6) 31 декабря 1986 года Государственная таможенно-акцизная служба Соединенного Королевства снова написала письмо компании-заявителю, сообщив ей о вычете 2 000 фунтов стерлингов из гарантии компании Air Canada в соответствии со статьей 152 Закона об Управлении таможенных пошлин и акцизных сборов 1979 года (далее - «Закон 1979 года») за ранее выявленные нарушения безопасности.

- (7) В период между ноябрем 1986 года и январем 1987 года еще один груз был изъят из грузового терминала компании Air Canada без надлежащего разрешения, о чем компания-заявитель не сообщала Государственной таможенно-акцизной службе в течение длительного времени. Было принято решение о вычете 5000 фунтов стерлингов из гарантии компании Air Canada.

В. Обнаружение груза смолы каннабиса

7. 26 апреля 1987 года воздушное судно Трайстар стоимостью свыше 60 миллионов фунтов стерлингов, собственником и эксплуатирующей организацией которого являлась компания-заявитель, приземлилось в аэропорту Хитроу, Лондон, где с него произошла разгрузка груза, содержащего контейнер, в котором при вскрытии было обнаружено около 331 килограмма смолы каннабиса на сумму приблизительно 800 000 фунтов стерлингов. Номера авианакладной контейнера был поддельным, в грузовом компьютере компании-заявителя отсутствовали подробные сведения о грузе, и в отношении него не была составлена и отправлена авианакладная.

Воздушное судно выполняло регулярный рейс из Сингапура в Торонто с транзитными посадками в Бомбее и Хитроу. Воздушное судно перевозило коммерческих пассажиров и грузы.

С. Действия комиссаров Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства

8. Утром 1 мая 1987 года комиссары Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства (далее - «комиссары»), действуя на основании полномочий, предоставленных им пунктом 1 статьи 139 Закона 1979 года, арестовали воздушное судно как подлежащее изъятию в соответствии с пунктом 1 статьи 141 указанного Закона. Пассажиры ожидали на борту воздушного судна.

9. В тот же день комиссары, действуя на основании полномочий, предусмотренных пунктом 5 статьи 139, и пунктом 16 Приложения 3 к Закону 1979 года, передали воздушное судно обратно компании-заявителю после выплаты штрафа, а именно, после оформления банковской тратты на сумму 50 000 фунтов стерлингов.

10. В тот момент компании-заявителю не были названы причины ни ареста воздушного судна, ни наложения штрафа. Только в процессе разбирательства в Европейской Комиссии по правам человека Власти предложили версию возникновения раньше проблем безопасности (см. пункт 6 выше) в качестве пояснения действий комиссаров.

Д. Рассмотрение дела в Высоком суде

11. 20 мая 1987 года компания-заявитель направила уведомление о судебном иске, оспаривающем арест и конфискацию воздушного судна. Таким образом, комиссары начали принудительное отчуждение до того как суд подтвердил, *inter alia*, что воздушное судно подлежало изъятию в момент ареста в соответствии с пунктом 6 Приложения 3 (см. пункт 18 ниже).

12. 18 июня 1988 года судебный распорядитель Высокого суда вынес распоряжение с согласия сторон о проведении предварительного слушания по следующим вопросам:

- (1) Являются ли сами по себе факты **(а)** обнаружения смолы каннабиса в контейнере ULD6075AC; и **(б)** перевозки контейнера на воздушном судне рейсом AC859 26 апреля 1987 года, «использованием воздушного судна для транспортировки груза, подлежащего изъятию» в значении подпункта (а) пункта 1 статьи 141 Закона об Управлении таможенных пошлин и акцизных сборов 1979 года, являющегося основанием для последующего ареста воздушного судна 1 мая 1987 года;
- (2) Является ли защитой от иска Истцов [комиссаров] в данном деле утверждение Ответчиков о том, что они не были осведомлены, что в указанном контейнере находится смола каннабиса, и не пренебрегли правилами, не обнаружив ее;
- (3) Является ли защитой от иска Истцов в данном деле утверждение Ответчиков о том, что они не могли с разумной осмотрительностью обнаружить, что указанный каннабис был спрятан и перевозился в контейнере, а также разумная осмотрительность не могла предотвратить сокрытие такого груза в контейнере;
- (4) Должны ли Истцы предоставлять доказательства по этому делу:
 - i. что Ответчики знали или должны были знать о том, что смола каннабиса находилась на борту воздушного судна 26 апреля 1987 года; и (или)
 - ii. что воздушное судно совершало рейс, отличный от регулярного и законного».

13. 7 ноября 1988 года при вынесении постановления Высшего суда ([1989] 2

Еженедельный сборник судебных решений 589), Джастис Такер пришел к следующему выводу:

«Не могу представить, чтобы авторы Закона 1979 года имели ввиду эту ситуацию. Я не могу поверить, что намерение Парламента заключалось в том, чтобы невиновный и добросовестный оператор крайне дорогостоящего воздушного судна, выполняющего международный регулярный рейс, должен подвергаться риску конфискации воздушного суда, если без его ведома и без пренебрежения правилами с его стороны некий злоумышленник провозит контрабандные или запрещенные товары на борту воздушного судна».

Он дал следующие ответы на предварительные вопросы:

1. Нет. Сами по себе указанные факты не представляют собой «использования воздушного судна для транспортировки груза, подлежащего изъятию».
2. Да. Это защита.
3. Да. Это защита.
4. Истцам необходимо предоставить доказательства по этому делу:
 - i. что ответчики знали или должны были знать о том, что смола каннабиса находилась на борту воздушного судна 26 апреля 1987 года; или (а не «и»)

- ii. что воздушное судно совершало рейс, отличный от регулярного и законного».

Е. Рассмотрение дела Апелляционным судом

14. 14 июня 1990 года Апелляционный суд аннулировал решение высшего суда (решение по делу «Комиссары Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства против компании «Эйр Канада» (Customs and Excise Commissioners v. Air Canada), [1991] 2 Судебная коллегия королевской скамьи 446). Лорд-судья Перчас сделал следующее заявление (на стр. 467-68):

«Формулировка статьи 141 является, по моему мнению, ясной и недвусмысленной, и не допускает ни подтекста или толкования, направленного на привнесение элемента, аналогичного *mens rea* [преступному умыслу], ни участия в любом случае любого лица в самом широком смысле, такого как пользователь, правообладатель или собственник, но зависит исключительно от «предмета», используемого при совершении преступления, в котором находились товары, подлежащие изъятию ... На мой взгляд, смягчающие положения, включенные в статью 152, и пункт 16 Приложения 3, ясно указывают на то, что Парламент намеревался полагаться на комиссаров при решении указанных вопросов усмотрения.

В остальном осуществление этого усмотрения легко подлежит пересмотру судом в соответствии с Приказом R.S.C. 53 ... Я бы лишь отметил, что вполне может иметь место случай исключения по статье 141 в отношении межконтинентальных или больших пассажирских реактивных воздушных судов, совершающих регулярные рейсы.

(1) так же как и исключение действует в отношении судов определенного размера, и предусмотрено в отношении них статьей 142 ...»

На предварительные вопросы были даны следующие ответы:

1. Да
2. Нет
3. Нет
4. Нет

15. Несмотря на то, что Апелляционный суд признал воздушное судно конфискованным, этот факт не лишил компанию Air Canada права собственности, поскольку она уплатила сумму, требуемую для возврата воздушного судна (см. пункт 7 Приложения 3 в пункте 19 *in fine* ниже).

16. В рамках этого постановления лорд-судья Перчас добавил (на стр. 464 и 467):

«Господин Уэбб от имени компании Air Canada, полагаясь на вышеуказанные государственные органы, привел следующие доводы ... что фактически, положение об уголовной ответственности, предусмотренное статьей 141, в соответствии с которым серьезные штрафы могли быть фактически наложены на собственника или правообладателя судов, а именно, больших воздушных судов, и что, следовательно, по усмотрению указанных государственных органов в терминах настоящей статьи следовало применять требование в том,

что комиссары должны в ходе принудительного отчуждения получить сведения определенного рода об авиакомпании от их сотрудников или агентов, чтобы соблюсти презумпцию *mens rea* в положениях об уголовной ответственности.

...

По моему мнению, ответом на этот довод, который демонстрирует свою ошибочность, является то, что процедура, применяемая в результате действия пункта 1 статьи 141, статьи 139 и Приложения 3, является по описанию гражданской процедурой. Само по себе, если все другие аспекты говорят об обратном, это не является препятствием для того, чтобы оно по природе являлось положением об уголовной ответственности. Набор слов не обязательно носит окончательный характер, несмотря на то, что процедура в гражданских судах, указанная в Приложении 3, должна иметь определенный вес. Вопрос, однако, находится за пределами аргументов, приведенных в более ранних делах ... [в которых принято решение, что] статья 141 и предшествующие ей статьи в Законе 1952 года, и в Законе 1876 года гласили, что процедура *in rem* относится к любому судну, контейнеру или иному предмету, который фактически был использован в процессе контрабанды ...»

В своих мнениях лорд-судья Балкомб и сэр Дэвид Крум-Джонсон согласились, что пункт 1 статьи 141 не является основанием для квалификации уголовного преступления (на стр. 468 и 469).

17. Апелляционный суд отказал в праве на обжалование в Палате лордов по указанному основанию, а Палата лордов отказала в праве на обжалование 7 ноября 1990 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Закон об Управлении таможенных пошлин и акцизных сборов 1979 года

18. Обязательство по конфискации

Пункт 1 статьи 141

«... в случае если в отношении любого объекта действует обязательство по конфискации в соответствии с Законами о таможенных пошлинах и акцизных сборах - любого корабля, воздушного судна, транспортного средства, животного, контейнера (включая любые единицы пассажирского багажа) или иного объекта любого рода, который используют для хранения, транспортной обработки, размещения или сокрытия предметов, подлежащих конфискации, либо в условиях наличия такого обязательства, либо в целях совершения преступления, за которое впоследствии наступает указанная ответственность; ... также действует обязательство пол конфискации».

Пункт 6 Приложения 3

«В случае направления надлежащего уведомления в отношении любого предмета [пункты 3 и 4 выше] комиссары возбуждают дело о наложении ареста на указанный предмет судом, и если суд приходит к выводу, что указанный

предмет на момент изъятия подлежал конфискации, суд налагает на него арест как на конфискованный».

19. Полномочия комиссаров после изъятия

Пункт 5 статьи 139

«В соответствии с подпунктами (3) и (4), а также в соответствии с Приложением 3 Закона любой предмет, изъятый или арестованный в соответствии с Законом о таможенных пошлинах и акцизных сборах, решение о конфискации или передаче которого находится на рассмотрении, подлежит обращению, или, в случае вынесения решения о предположительном аресте или конфискации, подлежит передаче таким способом, который определяют комиссары».

Статья 152

«Комиссары вправе, по своему усмотрению,

- а) приостанавливать, прекращать или отказываться от любых разбирательств в отношении правонарушения, или от наложения ареста на любой предмет, изъятый по условиям Законов о таможенных пошлинах и акцизных сборах; или
- б) возвращать, в соответствии с такими положениями (при наличии) по своему усмотрению любые предметы, арестованные или изъятые в соответствии с указанными Законами; или
- с) после вынесения постановления уменьшать или снимать любой денежный штраф, наложенный в соответствии с указанными Законами ...»

Пункт 16 Приложения 3

«В случаях наложение ареста на любой предмет как на подлежащий конфискации комиссары вправе в любой момент, по своему усмотрению и вне зависимости от того, что на предмет еще не наложен арест, или он не считается арестованным, как подлежащий конфискации:

- а) передать его любому взыскателю после уплаты комиссарам суммы, назначенной по их усмотрению, но не превышающей сумму, которая, по их мнению, соответствует стоимости указанного предмета, включая любые пошлины или налоги, подлежащие уплате с такой суммы, которые не были уплачены ...»

Пункт 7 Приложения 3

«В случае наложения ареста или признания необходимости наложения ареста на любой предмет как на конфискованный в соответствии с пунктом 5 или 6 выше, без ущерба для права передачи или продажи такого предмета комиссарами по условиям пункта 16 ..., обращение взыскания вступает в силу с момента возникновения обязательства по конфискации».

В. Судебный пересмотр

20. Осуществление полномочий, предоставленных комиссарам таможенно-акцизного управления, является предметом судебного пересмотра. Три традиционными основаниями для судебного пересмотра, в соответствии с описанием лорда Диплока в деле «Совет Союза государственных служащих против Министра по делам государственной службы» (Council of Civil Service Unions v. Minister for the Civil Service) ([1985] Сборник решений по апелляции 375 (Палата лордов)) являются незаконность, иррациональность и процессуальные нарушения.

«Незаконность» означает, что лицо, принимающее решение, должно правильно понимать законодательство, регламентирующее его полномочия на принятие решений, и обязано исполнять его.

«Иррациональность» или то, что также часто именуют «основание разумности Веднесбери», применяется в отношении решения, которое является настолько вопиющим с точки зрения отсутствия логики или общепринятых нравственных норм, что ни один здравомыслящий человек, который задумывался над вопросом, который необходимо решить, не принял бы такое решение.

«Процессуальные нарушения» означает несоблюдение основных правил естественной справедливости, или бездействие с точки зрения процессуальной справедливости по отношению к лицу, на которое воздействует такое решение, а также несоблюдение явно изложенных процессуальных норм, даже в случае, когда такое бездействие не содержит отрицания естественной справедливости.

21. В деле «Р. против Министра внутренних дел Великобритании» (R. v. Secretary of State for the Home Department), ex parte Бринд ([1991] 1 Сборник решений по апелляции 696) Палата лордов постановила, что отсутствие соразмерности обычно не рассматривается как отдельное основание для пересмотра в рамках английского административного права.

Лорд Акнер при рассмотрении вопроса о том, что административное решение, характеризуемое полным отсутствием соразмерности, было бы необоснованным в смысле Веднесбери, указал на то, что до момента включения Парламентом Конвенции в рамки внутригосударственного права, отсутствовали основания, исходя из которых суды Соединенного Королевства могли бы следовать доктрине о соразмерности, которую применяет Европейский Суд по правам человека (стр. 762-63).

Лорд Лоури (стр. 767) с одобрением ссылаясь на следующее утверждение из Свода законов Холзбери (том 1 (1) пункт 78):

«Соразмерность: Суды аннулируют осуществление дискреционных полномочий, при котором отсутствует разумная связь между достижением преследуемой цели и применяемыми для этого средствами, или в случае если наказания, назначенные административными органами или судами низшей инстанции, являются полностью несоразмерными соответствующим правонарушениям. Принцип соразмерности хорошо определен в европейском праве, и будет применяться английскими судами в случаях, когда нормы европейского права являются исполнимыми в национальных судах. Принцип

соразмерности в английском праве все еще находится на этапе развития; отсутствие соразмерности обычно не рассматривают как отдельное основание для пересмотра дела в рамках английского права, но считают одним из указаний на явную необоснованность».

22. Разбирательства по судебному пересмотру решений комиссаров велись по двум делам. В постановлении от 17 июля 1985 года по делу «Р. против Комиссаров Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства» (R. v. Commissioners of Customs and Excise), ex parte Хэуорт из Высокого суда пришел к выводу о том, что комиссары действовали необоснованно в том смысле, что они не предоставили собственнику товаров, изъятых при попытке контрабандного провоза, необходимую информацию о вынесенных не в его пользу постановлениях, и возможности ответа на них.

Аналогично в постановлении от 11 декабря 1989 года по делу «Р. против Комиссаров Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства» (R. v. Commissioners of Customs and Excise) Высокий суд требовал от комиссаров указать в качестве даны оценки бриллиантов, которые они конфисковали, в целях определения суммы к выплате за их возврат, дату возврата, а не дату ввоза в страну.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА КОМИССИЕЙ

23. Компания-заявитель обратилась с жалобой (№[18465/91](#)) в Комиссию 2 мая 1991 года. Компания-заявитель жаловалась, что арест ее воздушного судна и последующее возвращение на условиях являлись нарушением ее права на беспрепятственное пользование имуществом, гарантированного статьей 1 Протокола №1 (P1-1). Далее компания-заявитель утверждала, что проведенные разбирательства не соответствовали требованиям пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции.

24. Комиссия объявила жалобу приемлемой 1 апреля 1993 года. В своем докладе от 30 ноября 1993 года (статья 31) (ст. 31) Комиссия выразила мнение, то нарушение статьи 1 Протокола №1 (P1-1) отсутствовало (девятью голосами против пяти), и что нарушение статьи 6 (ст. 6) также отсутствовало (восемью голосами против шести).

25. Полный текст мнения Комиссии и особые мнения, приведенные в докладе, содержатся в приложении к настоящему постановлению (1).

1. Примечание Секретаря: из практических соображений настоящее приложение приведено лишь в печатной версии постановления (том 316-А Серии А Публикаций Суда), но копию доклада Комиссии можно получить в секретариате.

Окончательные доводы Властей в суде

26. В петиции Власть просили Суд принять решение и объявить, что раскрытые факты не нарушают прав заявителя по статье 1 Протокола №1 и по статье 6 (P1-1, ст. 6) Конвенции.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №1 КОНВЕНЦИИ (P1-1)

27. Компания-заявитель жаловалась на то, что арест воздушного судна и последующее требование выплатить 50 000 фунтов стерлингов за его возврат представляли собой необоснованное нарушение права на беспрепятственное пользование имуществом, противоречащее статье 1 Протокола № 1 (P1-1)

Конвенции, которое гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

28. Стороны, представившие перед Судом, не спорят о том, что указанные вопросы представляют собой нарушение права на беспрепятственное пользование имуществом, находящимся в распоряжении заявителя. Это разногласие по вопросу о том, имело ли место лишение имущества в соответствии с первым пунктом (P1-1), или контроль его использования в соответствии со вторым пунктом (P1-1).

A. Применимое правило

29. Суд напоминает, что статья 1 (P1-1), по существу, гарантирует право собственности, и содержит три четких правила. Первое правило, выраженное первым предложением первого пункта (P1-1), и которое носит общий характер, закрепляет принцип беспрепятственного пользования имуществом. Второе правило, выраженное вторым предложением первого пункта (P1-1), касается лишения имущества, и содержит определенные условия. Третье правило, приведенное во втором пункте (P1-1), признает, что государства вправе осуществлять контроль использования собственности в соответствии с общими интересами, или обеспечивать уплату налогов или других сборов или штрафов.

30. Однако три правила не являются «четкими» в смысле отсутствия связи между ними: второе и третье правила связаны с правом пользования имуществом, и, следовательно, должны толковаться в свете общего принципа, изложенного в первом правиле (см., среди прочих источников, постановление европейского Суда от 24 октября 1986 года по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (AGOSI v. the United Kingdom), Серия А № 108, стр. 17, пункт 48).

31. Заявитель считал, что его лишили принадлежащего ему воздушного судна, хоть и временно, а в дальнейшем в качестве постоянной меры лишили 50 000 фунтов стерлингов, которые от него требовали уплатить в качестве условия возврата

принадлежащего ему имущества. Таким образом, имело место лишение собственности.

32. По мнению Властей, с которым согласилась Комиссия, это не было дело о лишении имущества, поскольку отсутствовал переход права собственности в отношении воздушного судна заявителя. Арест судна и требование выплаты следует рассматривать как часть системы контроля использования воздушного судна, на котором был осуществлен ввоз запрещенных наркотических веществ.

33. Суд придерживается такой же точки зрения. Он отмечает, в первую очередь, что арест воздушного судна представлял собой временное ограничение его использования, и не включал в себя передачу прав собственности, а также, во вторую очередь, что решение Апелляционного суда о признании имущества подлежащим конфискации не означало лишение компании Air Canada прав собственности, поскольку сумма, требуемая за освобождение воздушного судна, была уплачена (см. пункт 15 выше).

34. Кроме того, из проекта законодательства очевидно, что освобождение воздушного судна, за которое надлежит выплатить денежный штраф, фактически является мерой, принятой во исполнение политики, направленной на предотвращение провоза перевозчиками, *inter alia*, запрещенных наркотических веществ на территорию Соединенного Королевства. По этой причине, такая мера представляет собой контроль использования имущества. Таким образом, она относится ко второму пункту статьи 1 (P1-1), которая является применимой в настоящем деле (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше постановление по делу АГОСИ (AGOSI), стр. 17, пункт 51).

В. Соблюдение требований второго пункта

35. Остается решить, было ли нарушение имущественных прав заявителя совместимым с правом Государства по второму пункту статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) «обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами».

36. В соответствии с общепринятой прецедентной практикой Суда, второй пункт статьи 1 (P1-1) следует толковать в свете принципа, изложенного в первом предложении статьи (P1-1) (см., в качестве последнего по времени руководства, постановление Европейского Суда от 23 февраля 1995 года по делу ««Газус Дозье- унд Фёрдертехник ГмбХ» против Нидерландов» (Gasus Dosier- und Fördertechnik GmbH v. The Netherlands), Серия А № 306-В, стр. 49, пункт 62). Следовательно, вмешательство должно достигать «справедливого равновесия» между требованиями общих интересов общества и требованиями защиты основополагающих прав отдельных лиц. Забота о достижении этого равновесия отражена в структуре статьи 1 (P1-1) в целом, включая второй пункт: следовательно, должно существовать разумное отношение соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью.

37. В указанном отношении заявитель считал, что нарушение его имущественных прав не было оправдано по статье 1 Протокола №1 (P1-1). В первую очередь, компания-заявитель жаловалась на то, что

полномочия по аресту воздушного судна и требование платежа в качестве условия его возврата не зависели от демонстрации того, что собственник, оператор или авиакомпания были в какой-либо степени виноваты. В действительности компания-заявитель подчеркнула, что иски, поданные в суды Соединенного Королевства были поданы на основании согласованных заявленных допущений, фактически, о том, что компания Air Canada не была виновата в случившемся.

Во-вторых, соответствующие полномочия были осуществлены без слушания в судебном органе. В частности, отсутствовали надлежащие правовые гарантии защиты компании Air Canada от осуществления усмотрения со стороны должностных лиц Государственной таможенно-акцизной службы Соединенного Королевства.

В-третьих, временный арест воздушного судна являлся несоразмерным по сравнению с возможным нарушением, также как и требование уплаты 50 000 фунтов стерлингов.

38. Что касается Властей, в настоящем деле существовали серьезные причины, связанные с интересами общества, и являющиеся основанием для действий комиссаров. Ранее были случаи, когда ненадлежащие процедуры компании Air Canada повлекли перевозку опасных грузов. Несмотря на обещания усовершенствовать процедуры, компания не сделала этого. События, которые привели к аресту воздушного судна, включали в себя очень серьезные нарушения безопасности (см. пункт 6 выше). Кроме того, необходимо упомянуть, что после спорных событий дальнейшие проблемы безопасности у компании Air Canada отсутствовали. Таким образом, комиссары действовали в пределах свободы усмотрения, предоставленной им вторым пунктом статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) в целях содействия принятию более строгих стандартов безопасности компанией-заявителем.

Кроме того, у компании Air Canada была возможность оспаривать осуществление комиссарами свободы усмотрения путем подачи иска о судебном пересмотре, если компания-заявитель считала, что разумная основа для требования выплаты денежных средств отсутствует, или имело место злоупотребление полномочиями. Если бы компания Air Canada поступила таким образом, суды могли бы рассмотреть любые спорные вопросы факта, а также вопросы права. Кроме того, комиссары, на основании действующих норм права (см. пункты 20-22 выше), были бы обязаны представить причины своих действий.

В целом, по утверждению Властей, в настоящем деле был нарушен справедливый баланс.

39. Комиссия также считала, что имелась возможность судебного пересмотра дела, и что принятые меры были соразмерными цели контроля использования воздушного судна, участвовавшего во ввозе запрещенных наркотических веществ.

40. В первую очередь, Суд отмечает, что из решения Апелляционного суда очевидно, что и арест воздушного судна, и требование выплаты, в отсутствие любого вывода о вине или небрежности со стороны заявителя, соответствовали определенным положениям Закона 1979 года (см. пункты 18-19 выше).

41. Несмотря на то, что широта полномочий по обращению взыскания, предоставленных комиссарам статьей 141 (1) указанного Закона, является

поразительной, арест воздушного судна и его освобождение на условиях выплаты были, несомненно, исключительными мерами, к которым прибегли, чтобы добиться улучшения процедур безопасности компании. Эти меры были приняты после обнаружения контейнера, груз в котором имел различные транспортные нарушения и содержал 331 килограмм смолы каннабиса (см. пункт 7 выше). Кроме того, этот случай стал последним в длинной череде предполагаемых нарушений безопасности, которые были доведены до сведения компании Air Canada , включая незаконный ввоз наркотических веществ в Соединенное Королевство в период 1983-87 годов (см. пункт 6 выше). В частности, компания Air Canada (вместе с другими операторами) получила предупреждение в письме от комиссаров от 15 декабря 1986 года о том, что в случае перевозки запрещенных грузов, будет рассмотрен вопрос об осуществлении полномочий, предоставленных комиссарам по Закону 1979 года, включая арест и обращение взыскания на воздушное судно.

42. Учитывая такую историю вопроса, нет сомнений в том, что принятые меры соответствовали общим интересам по борьбе с международным оборотом наркотиков.

43. Однако заявитель утверждал, что комиссары не назвали причины своих действий в момент событий, в отношении которых подана жалоба, и что фактически они действовали по своим собственным основаниям. Только в ходе разбирательства дела Комиссией была дана ссылка на ранее выявленные нарушения безопасности (см. пункт 10 выше).

44. Суд не может принять этот аргумент. Он отмечает, что компания Air Canada имела возможность инициировать разбирательство по судебному пересмотру, чтобы оспорить отказ комиссаров от указания причин ареста воздушного судна, или чтобы фактически заявить, что действия комиссаров представляли собой злоупотребление полномочиями. Несмотря на то, что это не было бы обжалованием по существу дела, доступность и эффективность такого средства правовой защиты в отношении осуществления свободы усмотрения комиссарами в рамках их законных полномочий уже была отмечена Судом в постановлении по делу АГОСИ (AGOSI) (в процитированном месте, стр. 20-21, пункты 59-60).

Кроме того, несмотря на то, что указание причин с самого начала содействовало бы прояснению ситуации, у заявителя не могло быть реальных сомнений в отношении причин для решения комиссаров, учитывая многочисленные инциденты, касающихся различных нарушений безопасности и недостатков, которые имели место в прошлом (см. пункт 6 выше) (которые заявитель не отрицал в разбирательстве в Суде), а также письмо с предупреждением комиссаров, которое было направлено, *inter alia*, компании Air Canada , содержащее указание на возможность обращения взыскания на воздушное судно (см. пункт 6 в пункте (5) выше).

45. Далее компания-заявитель утверждала, что разбирательство по судебному пересмотру лишь давало судам возможность рассматривать «обоснованность» осуществления усмотрения. Она отметила, что суды постановили, что принцип соразмерности не является частью английского права (см. пункт 21 выше).

46. Суд напоминает, что в прошлый раз он пришел к выводу о том, что объем судебного пересмотра по английскому законодательству является достаточным для

того, чтобы удовлетворять требованиям второго пункта статьи 1 Протокола № 1 (P1-1). В частности, у национальных судов существует возможность постановить, что осуществление усмотрения комиссарами было незаконным на том основании, что оно было запятнано незаконностью, нерациональностью и процессуальными нарушениями (см. пункт 20 выше, и упоминавшееся выше постановление по делу АГОСИ (AGOSI) там же).

Также были дела, в которых суды пришли к выводу, что комиссары действовали необоснованно при осуществлении полномочий, предоставленных им Законом 1979 года (см. пункт 22 выше).

Нет оснований для того, чтобы прийти к иному заключению по этому вопросу в настоящем деле, несмотря на установленное исключение принципа соразмерности в качестве отдельного основания для пересмотра (см. пункт 21 выше).

47. Наконец, учитывая большое количество каннабиса, обнаруженного к контейнеру, его стоимость на черном рынке (см. пункт 7 выше), а также стоимость воздушного судна, которое было арестовано, Суд не считает требование о выплате 50 000 фунтов стерлингов несоразмерным преследуемой цели, а именно, противодействию ввозу запрещенных наркотических веществ в Соединенное Королевство.

48. Учитывая все вышеизложенное, а также свободу усмотрения Государства в этой области, Суд полагает, что в обстоятельствах настоящего дела было достигнуто справедливое равновесие. Следовательно, нарушение статьи 1 Протокола №1 (P1-1) отсутствует.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 (ст. 6-1) КОНВЕНЦИИ

49. Также компания-заявитель жаловалась на то, что она была, фактически, подвергнута уголовному наказанию. В качестве альтернативы, арест воздушного судна представлял собой определение, без судебного разбирательства, гражданских прав и обязательств компании в нарушение пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1), соответствующая часть которой гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом ...»

A. Применимость

1. Уголовное обвинение

50. Компания Air Canada считала, что она была фактически оштрафована комиссарами, и что ни принудительное отчуждение, ни теоретическая возможность судебного пересмотра не удовлетворяли требованиям пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1).

51. Власти, с другой стороны, с которыми согласна Комиссия, отметили, что в соответствии с нормами внутригосударственного права против заявителя не были

выдвинуты уголовные обвинения, и что уголовные суды не участвовали в разбирательстве.

52. Суд согласен с замечанием Властей. Также необходимо упомянуть, что Апелляционный суд определенно отклонил аргумент представителя защиты компании Air Canada, что статья 141 Закона 1979 года является равносильной положению уголовного кодекса (см. пункт 16 выше). В связи с этим Апелляционный суд отметил, что описание соответствующих положений как «гражданских» не мешает ему прийти к выводу, что положение было, по сути, «уголовным» по характеру. Однако вопрос был решен со ссылкой на ранее рассмотренные дела, в которых было принято решение о том, что статья 141 предусматривала процедуру *in rem* в отношении, *inter alia*, любого транспортного средства, на котором осуществлена контрабанда.

По указанным причинам Суд придерживается аналогичной точки зрения.

Кроме того, факторы, на которые приведены ссылки выше (отсутствие уголовного обвинения или положения, которое является «уголовным» по характеру, а также отсутствие участия в деле судов по уголовным делам), наряду с тем фактом, что угроза уголовного разбирательства в случае невыполнения требований отсутствовала, являются достаточными для того, чтобы провести различие между настоящим делом и постановлением от 27 февраля 1980 года по делу «Девеер против Бельгии» (*Deweer v. Belgium*) (Серия А № 35), в котором заявитель был обязан выплатить денежную сумму вынужденно при временном закрытии своего бизнеса во избежание возбуждения в отношении него уголовного дела.

53. Далее Суд напоминает, что аналогичный аргумент был приведен заявителем в деле АГОСИ (AGOSI) (в процитированном месте). По этому пункту Суд постановил, что обращение взыскания на указанные грузы внутригосударственным судом было мерой, последовавшей за контрабандным провозом, совершенным третьим лицом, и что по указанному поводу в отношении АГОСИ (AGOSI) не были выдвинуты уголовные обвинения. Тот факт, что это неблагоприятно повлияло на имущественные права АГОСИ (AGOSI), сам по себе не может повлечь вывод об «уголовном обвинении» в целях статьи 6 (ст. 6), и не может считаться возбуждением иска в отношении компании-заявителя (в процитированном месте, стр. 22, пункты 65-66).

54. Принимая во внимание то, что в отличие от дела АГОСИ (AGOSI), от компании-заявителя требовалась выплата денежной суммы, и что ее имущество не было конфисковано, Суд предлагает придерживаться аналогичного подхода.

55. Соответственно, пункты, по которым была подана жалоба, не включали в себя «предъявление уголовного обвинения».

2. Гражданские права и обязательства

56. Стороны, представшие перед Судом, не спорят о том, что настоящее дело касается спора, относящегося к гражданским правам компании-заявителя.

На основании общепринятой прецедентной практики Суд не усматривает причины отступить от этой точки зрения (см. постановление Европейского Суда от 26 марта

1992 года по делу «Эдисон Перископ» против Франции» (Editions Périscope v. France), Серия А №234-В, стр. 66, пункт 40).

В. Соблюдение пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1)

57. Компания-заявитель также утверждала, что ее гражданские прав и обязательства были определены процедурами по Закону 1979 года. В этом отношении она также утверждала, что ни принудительное отчуждение, ни средство правовой защиты в виде судебного пересмотра не удовлетворяли требованию пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1). В частности, соразмерность мер, на которые была подана жалоба, не могла быть рассмотрена в ходе судебного пересмотра, и, чем шире законодательная норма, подвергающаяся внимательному рассмотрению, тем уже область пересмотра. Кроме того, средство правовой защиты было дискреционным по своему характеру.

58. По утверждению Властей, комиссары не могли обратить взыскание на воздушное судно до выполнения принудительного отчуждения в Высшем Суде, где компания-заявитель имела возможность отстаивать свои интересы. Кроме того, компания-заявитель имела возможность начать судебный пересмотр в целях оспаривания решения по требованию денежной выплаты в обмен на воздушное судно.

59. Что касается Комиссии, жалоба компании-заявителя в отношении принудительного отчуждения относилась больше к содержанию прав и обязательств в рамках национального права, чем к каким-либо процессуальным правам, связанным с определением гражданских прав. Далее, что касается разбирательства по судебному пересмотру, Комиссия не была готова выразить теоретическое мнение, поскольку компания Air Canada в действительности не возбуждала дело.

60. Суд отмечает, что жалоба компании-заявителя относилась и к аресту воздушного судна, и к выплате 50 000 фунтов стерлингов.

61. Что касается ареста, соответствующие положения законодательства Соединенного Королевства требовали от комиссаров возбудить дело об обращении взыскания в случае оспаривания ареста воздушного судна (см. пункты 11 и 18 выше). Такое дело было фактически возбуждено и, по соглашению сторон, было ограничено определением особых вопросов права. В указанных обстоятельствах требование обеспечения возможности обращения в суд, предусмотренное пунктом 1 статьи 6 (ст. 6-1) было удовлетворено.

62. Кроме того, у компании Air Canada была возможность добиться судебного пересмотра дела путем оспаривания решения комиссаров о требовании выплаты в качестве условия возврата воздушного судна. Как отмечено выше (см. пункт 44 выше), в случае возбуждения такого дела компания Air Canada имела возможность оспорить фактические основания, лежащие в основе наличия свободы усмотрения комиссаров. Однако по какой-то причине указанные иски не были поданы. В указанных обстоятельствах Суд не считает уместным рассматривать теоретический вопрос о том, является ли область судебного пересмотра, применяемая английскими судами, удовлетворяющей требованиям пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции.

Вывод

63. Соответственно, нарушение пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции отсутствовало.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. Постановил пятью голосами против четырех, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) отсутствовало;
2. Постановил пятью голосами против четырех, что нарушение пункта 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции отсутствовало.

Составлено на английском и французском языках, вручено на публичном слушании в Здании Европейского суда по правам человека в Страсбурге 5 мая 1995 года.

Подписано: Ролф Риссдал
Председатель

Подписано: Герберт Петцольд

3.2 Дело «Раймондо против Италии» (Raimondo v Italy)

Жалоба № [12954/87](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

22 февраля 1994 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской Комиссией по правам человека (далее - «Комиссия») 18 января 1993 года, в течение срока продолжительностью три месяца, предусмотренного пунктом 1 статьи 32 и статьей 47 ст. 32-1, ст. 47) Конвенции. Дело было возбуждено на основании жалобы (№12954/87) против Итальянской Республики, поданной Комиссии по статье 25 (ст. 25) гражданином Италии Джузеппе Раймондо 23 апреля 1987 года.

Запрос Комиссии содержал ссылки на статьи 44 и 48 (ст. 44, ст. 48) а также на заявление, в котором Италия признала обязательную юрисдикцию Суда (статья 46) (ст. 46). Предметом запроса было получение решения относительно того, являлось ли разглашение фактов по делу нарушением обязательств государства-ответчика по пункту 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции, статье 1 Протокола № 1 (P1-1) и статье 2 Протокола №4 (P4-2).

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подпунктом (d) пункта 3 Правила 33 Регламента Суда, Пителли, жена Раймондо, и их трое сыновей сообщили Секретарю Суда о смерти мужа и отца 7 июня 1993 года. Они заявили, что желают продолжить судебные разбирательства и принять участие в них, и что их интересы будет представлять назначенный ими адвокат (Правило 30). Из соображений удобства Раймондо будет продолжать именоваться «заявителем», несмотря на то, что в настоящее время этот статус закреплен за его вдовой и тремя сыновьями (см., *inter alia*, постановление Европейского Суда от 27 февраля 1992 года по делу «Пандольфелли и Палумбо против Италии» (Pandolfelli and Palumbo v. Italy), Серия А № 231-В, стр. 16, пункт 2).

Пителли и ее сыновья также дали согласие на раскрытие личности Раймондо, которого первоначально обозначали инициалами Дж. Р.

3. Также была созвана Палата, в состав которой *ex officio* вошел К. Руссо, избранный судья, имеющий гражданство Италии (статья 43 Конвенции) (ст. 43), и Р. Риссдал, Председатель Суда (подпункт (b) пункта 3 Правила 21). 27 февраля 1993 года Р. Бернхардт, заместитель Председателя Суда, путем жребия в присутствии Секретаря определил имена семи других членов Суда, а именно, Бернхардта, Ф. Матшера, Э. Палм, И. Фойгеля, Ф. Биги, Л. Вильдхабера и Д. Гочева (статья 43 *in fine* Конвенции и пункт 4 Правила 21) (ст. 43).

4. В качестве Председателя Палаты (пункт 5 Правила 21) Р. Риссдал, при содействии Секретаря, проконсультировался с Уполномоченным представителем Властей Италии (далее - «Власти»), адвокатом заявителя и представителем Комиссии по вопросу организации судебного разбирательства (пункт 1 Правила 37 и Правило 38). В соответствии с распоряжением, вынесенным в результате этого, Секретарь получил

петицию заявителя 12 июля 1993 года, и петицию Властей 30 июля. Представитель Комиссии не представил письменные замечания.

5. 6 сентября 1993 года Комиссия представила материалы по разбирательству, в соответствии с запросом Секретаря по распоряжению Председателя.

6. В соответствии с решением Председателя (который предоставил заявителю право представлять материалы на итальянском языке, пункт 3 Правила 27) заседание произошло при открытых дверях в Здании Европейского суда по правам человека в Страсбурге 20 сентября 1993 года. Ранее Суд назначил подготовительное заседание.

ФАКТЫ

I. ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Джузеппе Раймондо, частный предприниматель в области строительства, проживал в Даволи (Катандзаро) до момента своей смерти 11 июля 1992 года.

В отношении него было возбуждено уголовное дело, поскольку его подозревали в принадлежности к мафиозной организации, действующей в регионе Соверато. Одновременно в отношении него были приняты различные меры пресечения.

A. Уголовное дело

8. 24 июля 1984 года государственный прокурор Катандзаро вынес постановление о задержании семнадцати лиц, включая заявителя. После того, как он изначально избегал ареста, заявитель сдался государственным органам 7 ноября 1984 года, и был немедленно помещен под стражу.

9. Следствие было закрыто 24 июля 1985 года, и Раймондо был предан суду в Окружном суде Катандзаро вместе с четырнадцатью сообвиняемыми. Нахождение под стражей было заменено на домашний арест (*arresti domiciliari*).

10. 8 октября 1985 года, на первом слушании, Окружной суд вынес решение об объединении дела заявителя с двумя другими делами, и включении определенных документов в материалы дела. Затем он перенес заседание на 16 января 1986 года.

30 января 1986 года Окружной суд вынес Раймондо оправдательный приговор на основании недостатка доказательств (*assoluzione per insufficienza di prove*), и аннулировал постановление о помещении под домашний арест.

11. При вынесении постановления от 16 января 1987 года после обжалования государственным прокурором и Раймондо, Апелляционный суд Катандзаро вынес последнему оправдательный приговор на том основании, что не были установлены существенные факты преступления (*perchè il fatto non sussiste*). Обжалования этого решения в Кассационном суде не последовало.

B. Судебное разбирательство, касающееся мер пресечения

1. В Окружном суде Катандзаро

12. 16 января 1985 года государственный прокурор Катандзаро обратился в окружной суд за постановлением о помещении Раймондо под особый полицейский надзор, а также превентивном наложении ареста на некоторые активы в целях их возможной конфискации (Закон №1423 от 27 декабря 1956 года, и Закон № 575 от 31 мая 1965 года, в редакции Закона № 646 от 13 сентября 1982 года - см. пункты 16-18 ниже). В основе ходатайства прокурора лежат рапорт полиции Соверато от 27 декабря 1984 года.

13. 13 мая 1985 года окружной суд вынес постановление о конфискации шестнадцати объектов недвижимости (десяти земельных участков и шести зданий), а также шести транспортных средств, которые, по-видимому, все находились в распоряжении заявителя. Мера была внесена в соответствующий государственный реестр 15 мая 1985 года.

16 октября Окружной суд отменил постановление о конфискации определенного имущества, принадлежащего третьим лицам; с другой стороны, он вынес постановление о конфискации некоторых арестованных зданий, собственниками которых являлись заявитель и его жена, и четырех транспортных средств, на основании отсутствия доказательств «законного приобретения» указанных активов. Конфискация была зафиксирована секретариатом суда 9 ноября 1985 года.

Этим ж постановлением Раймондо был помещен под особый полицейский надзор, который, тем не менее, не вступил в силу до 30 января 1986 года, дня вынесения ему оправдательного приговора Окружным судом (см. пункт 10 выше); от него также требовалось гарантийное обеспечение в сумме 2 000 000 лир в качестве гарантии соблюдения ограничений, закрепленных за этой мерой, а именно, запрета покидать дом без сообщения об этом полиции; обязательство предоставлять полиции отчет о соответствующим образом обозначенных днях; обязательство возвращаться домой до 21.00, и не покидать его до 7.00, за исключением случаев наличия уважительных причин, с первоначальным уведомлением соответствующих государственных органов о своем намерении.

2. В Апелляционном суде Катандзаро

14. На основании кассационной жалобы заявителя Апелляционный суд Катандзаро вынес постановление на заседании за закрытыми дверями 4 июля 1986 года. Он отменил меру по осуществлению особого надзора, и вынес распоряжение о возврате гарантийного обеспечения, а также изъятого и конфискованного имущества. Это решение (decreto) относилось к «бескомпромиссно небрежному образу, которым были приняты оспариваемые меры пресечения, касающиеся личности и имущества Раймондо, эффективно постановляющие прекращение его гражданской и экономической деятельности».

Решение было приобщено к материалам дела секретариатом суда 2 декабря 1986 года и подписано соответствующим должностным лицом следственного органа 10 декабря. В тот же день 2 декабря секретариат Апелляционного суда уведомил соответствующий орган полиции (questura), который 5 декабря сообщил местной полиции о принятом решении. Последняя сообщила о решении заявителю 20 декабря.

Решение вступило в силу 31 декабря 1986 года.

15. Сведения об аннулировании ареста недвижимого имущества и аннулировании конфискации транспортных средств были внесены в соответствующие реестры 2 февраля (недвижимость), 10 февраля (два легковых автомобиля и фургон) и 10 июля 1987 года (грузовой автомобиль).

Гарантийное обеспечение было возвращено заявителю 24 апреля 1987 года.

Что касается конфискованного недвижимого имущества, ходатайство о его внесении в реестр аннулирования меры датированы 9 августа 1991 года.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Законодательство, действовавшее в соответствующее время

1. Закон от 27 декабря 1956 года

16. Закон №1423 от 27 декабря 1956 года (далее - «Закон 1956 года») регламентирует различные меры пресечения в отношении «лиц, представляющих угрозу безопасности и общественной нравственности». Соответствующие положения суммарно приведены в постановлении Европейского суда от 6 ноября 1980 года по делу «Гудзарди против Италии» (Guzzardi v. Italy) (Серия А № 39, стр. 17-19, пункты 46-49):

«46. В соответствии со статьей 1, Закон действует, в частности, ... для физических лиц, которые, в силу их поведения и образа жизни (*tenore di vita*), должны считаться обыкновенно проживающими, даже частично, на доходы, полученные преступным путем, или на вознаграждения за соучастие в преступлениях (*con il favoreggiamento*), или лиц, внешнее поведение которых дает достаточные основания полагать, что они имеют преступные наклонности (*che, per le manifestazioni cui abbiano dato luogo, diano fondato motivo di ritenere che siano proclivi a delinquere*).

Начальник полиции [(*questore*)] вправе направить таким лицам предупреждение (*diffida*) ...

...

47. ...

48. ... [такое лицо] может быть, в соответствии со статьей 3, помещено под особый полицейский надзор (*sorveglianza speciale della pubblica sicurezza*); в случае необходимости эта мера может сочетаться либо с запретом проживания в одном или нескольких определенных районах или провинциях или, в случае, если речь идет о лице, представляющим особую опасность (*particolare pericolosità*), с приказом об обязательном проживании в точно определенном районе (*obbligo del soggiorno in un determinato comune*).

Только Окружной суд главного города провинции обладает полномочиями на принятие таких мер; он принимает их на основании обоснованного ходатайства полиции [(*questore*)] председателю суда (первый пункт статьи 4). Окружной суд обязан вынести мотивированное решение (*provvedimento*) на закрытом судебном заседании в течение тридцати дней. Сначала суд заслушивает департамент государственного прокурора и указанное лицо, и последнее вправе

представить письменные объяснения, и пользоваться помощью адвоката (второй пункт статьи 4).

Следственные органы и указанное лицо вправе в течение десяти дней подать кассационную жалобу, которая не имеет приостанавливающего эффекта; Апелляционный суд выносит мотивированное решение (*decreto*) на закрытом судебном заседании в течение тридцати дней (пятый и шестой пункт статьи 4). Это решение, в свою очередь, может быть на аналогичных условиях в дальнейшем обжаловано в Кассационном суде, который должен вынести определение на закрытом заседании в течение тридцати дней (седьмой пункт статьи 4).

49. При принятии мер, указанных в статье 3, Окружной суд указывает срок их действия (не менее одного, и не более пяти лет (четвертый пункт статьи 4)) и дает указания, которым должно следовать указанное лицо (первый пункт статьи 5).

...»

2. Закон от 31 мая 1965 года

17. Закон №575 от 31 мая 1965 года (далее - «Закон 1965 года») дополняет Закон 1956 года путем дополнительных положений, направленных на противодействие мафии (*disposizioni contro la mafia*). Статья 1 гласит, что она является применимой к физическим лицам (таким как Раймондо), в отношении которых имеются доказательства, свидетельствующие о принадлежности к мафиозным группировкам (*indiziati di appartenere ad associazioni mafiose*).

18. Вышеприведенная законодательная норма была подкреплена Законом № 646 от 13 сентября 1982 года (далее - «Закон 1982 года») с добавлением, *inter alia*, статьи 2 *ter* в Закон 1965 года. Этот закон предусматривает применение различных мер в ходе судебных разбирательств, относящихся к применению мер пресечения, доступны по Закону 1956 года в отношении лиц, подозреваемых в принадлежности к такой организации:

«... Окружной суд может вынести мотивированное решение, даже по собственной инициативе, о конфискации имущества, находящегося в непосредственном или опосредованном распоряжении лица, в отношении которого возбуждено судебное разбирательство, в случае наличия достаточных косвенных доказательств, таких как существенное несоответствие между его образом жизни и очевидным или декларированным доходом, чтобы продемонстрировать, что указанное имущество представляет собой доходы, полученные от незаконной деятельности или их повторного инвестирования.

Наряду с применением мер пресечения Окружной суд выносит распоряжение о конфискации любых арестованных товаров, в отношении которых отсутствуют доказательства их законного приобретения. В случаях сложных расследований эта мера может быть применена позднее, но не позже чем через год после даты ареста имущества.

Окружной суд аннулирует постановление об аресте в случае отклонения ходатайства о применении мер пресечения или в случае наличия доказательств законного приобретения указанного имущества».

В. Прецедентная практика, касающаяся применения мер пресечения, особенно материального характера

19. В своем докладе (пункт 43), Комиссия приводит краткую справку по прецедентной практике в этой области:

« ... Существование мер пресечения само по себе не противоречит Конституции Италии. Конституционный суд постановил, что основанием для применения этих мер является необходимость гарантировать упорядоченный и мирный ход общественных отношений, не только посредством совокупности законодательных норм, карающих за незаконные действия, и также при помощи положений, направленных на противодействие совершению таких действий (постановление №27 Конституционного Суда 1959 года, и постановление № 23 1964 года).

В силу наличия определенного объекта, меры пресечения относятся не к совершению определенных противоправных действий, а к шаблону поведения, которое законодательство определяет как поведение, указывающее на наличие опасности для общества (постановление №23 Конституционного Суда 1964 год).

Следовательно, в законодательной системе Италии существует основополагающее различие между уголовным наказанием и мерами пресечения. Первое представляет собой реакцию на противоправное действие и последствия такого действия; второе является средством противодействия совершению такого деяния.

Другими словами, уголовное наказание относится к уже совершенному преступлению, в то время как мера пресечения направлена на снижение риска будущих правонарушений (см., *mutatis mutandis*, постановление №53 Конституционного Суда 1968 года, касающееся мер безопасности).

...
Поскольку уголовные наказания и меры пресечения являются, по сути, различными, не все конституционные принципы, которые лежат в основе первого, обязательно применяются в отношении второго. Например, презумпция невиновности, провозглашенная Статьей 27 Конституции, не касается мер пресечения, которые не основаны на уголовной ответственности или соответствующего вине лица (постановление №23 Конституционного Суда 1964 года).

Аналогично, такие меры не подпадают под действие части 2 Статьи 25 Конституции, которая запрещает ретроспективное применение норм уголовного права. Нарушение этого принципа было несколько раз обжаловано в Кассационном суде в отношении постановлений о конфискации в соответствии со статьей 2 *ter* Закона 1965 года. В первую очередь Конституционный Суд постановил, что вышеуказанный принцип не является применимым в отношении мер пресечения (см., например, постановление Кассационного суда по делу Пираино (Piraino) от 30 января 1985 года). Во-вторых, Кассационный суд отметил, что оспариваемое положение фактически не имеет обратной силы, поскольку оно относится к имуществу, находившемуся в распоряжении указанного лица в момент вынесения постановления о конфискации

(постановление Кассационного суда по делу Оливери (Oliveri) от 12 мая 1986 года), и к незаконному использованию этого имущества после вступления постановления в силу (постановление Кассационного суда по делу Пипитоне (Pipitone) от 4 января 1985 года).

Несмотря на указанные ограничения, остается возможность тщательного изучения мер пресечения на предмет их совместимости с Конституцией.

Еще в 1956 году Конституционный Суд постановил, что ограничение права на свободу не может быть введено ни в коем случае, за исключением ситуаций, когда такое ограничение предусмотрено законодательством, в случае, когда с этой целью возбуждено законное судебное разбирательство, а также когда причины такого ограничения указаны в судебном решении (постановление №1 Конституционного Суда 1956 года).

Далее суд постановил, что меры пресечения не могут быть приняты на основании простого подозрения, и являются оправданными только в случаях, основанных на объективном установлении и оценке фактов, раскрывающих поведение и образ жизни указанного лица (постановление №23 Конституционного Суда 1964 года).

Недавно он подтвердил, что конституционность мер пресечения по-прежнему зависит от уважения верховенства права и возможности обращения в суд за правовой защитой. Кроме того, два приведенных выше условия тесно связаны. Таким образом, недостаточно указывать в законодательстве определенные критерии оценки опасности; необходимо указывать их с достаточной точностью, чтобы придать значимость праву на возможность обращения в суд и состязательное производство (постановление №177 Конституционного Суда 1980 года).

Прецедентная практика Кассационного суда в этом отношении полностью совпадает с аналогичной практикой Конституционного Суда; она совершенно четко подтверждает, что судебное разбирательство о применении мер пресечения должно быть состязательным и проведенным с уважением права на защиту, и любое нарушение указанных прав влечет их ничтожность (см., например, постановление №1255 Кассационного суда от 29 июня 1984 года по делу Санторо (Santoro)).

Кассационный суд оставил без удовлетворения ряд жалоб о предположительной неконституционности мер по аресту и конфискации, предусмотренных статьей 2 ter Закона 1965 года. В частности, он постановил, что презумпция, касающаяся незаконного происхождения имущества лиц, подозреваемых в принадлежности к организации мафиозного типа, не является несовместимой со Статьей 24 Конституции, которая гарантирует права на защиту, поскольку конфискация может произойти исключительно в случае, когда имеются достаточные косвенные доказательства, касающиеся незаконного происхождения указанного имущества, а также в отсутствие контрдоказательств (ранее упоминавшееся постановление Кассационного суда по делу Пипитоне (Pipitone)).

...

Принимая во внимание совместимость мер по аресту и конфискации с правом на свободное осуществление частной экономической деятельности, а также с правом на беспрепятственное пользование частной собственностью (Статьи 41 и 42 Конституции), Кассационный суд постановил, что указанные права не являются абсолютными, и могут быть ограничены в соответствии с общими интересами. Это правило применяется в связи с имуществом незаконного происхождения или его использованием (ранее упоминавшиеся постановления Кассационного суда по делам Оливери (Oliveri) и Пипитоне (Pipitone).

...»

20. В своем мнении № [1489/86](#) от 18 ноября 1986 года Государственный Совет постановил, что «несмотря на то, что конфискация в силу своего определения обеспечивает Государству возможность приобретения указанного объекта собственности ..., она сама по себе не обеспечивает передачу права собственности государственным органам ...». Такая передача будет осуществлена исключительно в случае дополнительного решения о безотзывном порядке конфискации (Окружной суд Палермо, приказ от 19 апреля 1989 года).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА КОМИССИЕЙ

21. Раймондо пожал ходатайство Комиссии 23 апреля 1987 года. Он жаловался на следующее: (а) незаконность и длительность его содержания под стражей (пункты 1 и 3 статьи 5 Конвенции) (ст. 5-1, ст. 5-3); (b) длительность различных касающихся его разбирательств, и, в частности, разбирательства по уголовному делу (пункт 1 статьи 6) (ст. 6-1); (c) неисполнение обязательства по уважению права на презумпцию невиновности ввиду примененных в отношении него мер пресечения (пункт 2 статьи 6) (ст. 6-2); (d) обязательство по предоставлению залога в целях обеспечения соблюдения вышеуказанных мер (статья 1 Протокола № 4) (P4-1); (д) нарушение его имущественных прав в результате ареста и конфискации определенного имущества (статья 1 Протокола № 1) (P1-1); и (е) факт лишения права на свободу передвижения (статья 2 Протокола № 4) (P4-2).

22. 6 декабря 1991 года Комиссия объявила жалобу (№ [12954/87](#)) приемлемой по пунктам, основанным на праве заявителя на беспрепятственное пользование имуществом, праве передвижения, и решении о применении мер пресечения в разумные сроки; она объявила оставшуюся часть жалобы неприемлемой. В своем докладе от 21 октября 1992 года (на основе статьи 31) (ст. 31), Комиссия выразила следующее мнение:

(а) нарушение статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) отсутствовало в отношении ареста (восемнадцатью голосами против одного) и конфискации (шестнадцатью голосами против трех) имущества заявителя до 31 декабря 1986 года, а также в связи с ущербом, обусловленным распоряжением арестованными и конфискованными активами до указанного дня (восемнадцатью голосами против одного);

(b) имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 (P1-1), поскольку конфискация девяти объектов недвижимости и одного грузового автомобиля продолжила действовать после 31 декабря 1986 года (единогласно);

(c) имело место нарушение статьи 2 Протокола № 4 (P4-2) в силу того, что заявитель был лишен прав на свободу передвижения с 4 июля по 20 декабря 1986 года (единогласно);

(d) нарушение пункта 1 статьи 6 6 (ст. 6-1) в отношении длительности судебного разбирательства, относящегося к аресту и конфискации, отсутствовало (единогласно).

Окончательные доводы Властей в суде

23. В петиции Власть просили Суд «постановить и вынести решение об отсутствии нарушения Конвенции или Протоколов №1 и №4».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №1 К КОНВЕНЦИИ (P1-1)

24. Раймондо жаловался на арест 13 мая 1985 года шестнадцати объектов недвижимости и шести транспортных средств, а также распоряжение о конфискации нескольких указанных активов 16 октября 1985 года (см. пункт 13 выше). Он ссылался на статью 1 Протокола №1 (P1-1), которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

25. Чтобы определить, представляли ли оспариваемые меры контроль «использования собственности» в значении второго пункта, или нарушение имущественных прав в значении первого пункта, Суд сначала рассмотрит их применение до 31 декабря 1986 года, когда вступило в силу решение Апелляционного суда Катандзаро (см. пункт 14 выше). Затем Суд рассмотрит вопрос об остальных объектах, внесенных в государственные реестры до указанной даты (см. пункт 15 выше).

A. Применение мер пресечения, касающихся имущества, до 31 декабря 1986 года

26. Власть не отрицали, что имело место нарушение права заявителя на беспрепятственное пользование имуществом. Однако они утверждали, что арест и конфискация были являлись оправданными на основании исключений, допускаемых статьей 1 (P1-1) из принципа, изложенного в первом предложении указанного положения.

1. Арест имущества

27. Подобно Комиссии Суд приходит к выводу, что арест имущества был осуществлен в соответствии со статьей 2 ter Закона 1965 года (см. пункт 18 выше), и подразумевал не лишение заявителя имущественных прав, а имел целью лишь воспрепятствовать пользованию имуществом. Таким образом, в этой ситуации применим второй пункт статьи 1 Протокола №1(P1-1).

Кроме того, заявитель не утверждал, что 13 мая 1985 года окружной суд безосновательно постановил, что имелись достаточные косвенные доказательства, свидетельствующие о том, что арестованное имущество представляло собой доходы от незаконной деятельности или их последующего инвестирования. Он жаловался, скорее, на то, что такая жесткая мера была принята на этом этапе судебного разбирательства. Однако арест имущества на основании статьи 2 ter Закона 1965 года является очевидно временной мерой, направленной на обеспечение возможности последующей конфискации имущества в случае необходимости, которое, по-видимому, представляет собой результат противоправной деятельности, осуществленной в ущерб интересам общества. Следовательно, указанная мера является оправданной общими интересами, и, ввиду крайне опасной экономической мощи такой «организации», как мафия, нельзя сказать, что применение такой меры на этом этапе судебного разбирательства было несоразмерным преследуемой цели.

Следовательно, по этому пункту нарушение статьи 1 Протокола №1 (P1-1) отсутствует.
2. Конфискация имущества

28. По мнению заявителя, даже в случае признания того факта, что конфискация не лишает его имущественных прав, внесение в государственные реестры представляло собой форму обеспечения исполнения меры до обжалования заявителем решения.

29. Несмотря на то, что конфискация имущества включает в себя лишение имущества, она не обязательно подпадает под действие второго предложения первого пункта статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 года по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. the United Kingdom*), Серия А № 24, стр. 30, пункт 63, и постановление Европейского Суда от 24 октября 1986 года по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (*AGOSI v. the United Kingdom*), Серия А № 108, стр. 17, пункт 51).

В соответствии с итальянской прецедентной практикой, конфискация такого рода, как в настоящем деле, не могла стать переходом права собственности к Государству до момента принятия безотзывного решения (см. пункт 20 выше). В настоящем деле такое решение принято не было, поскольку Раймондо оспорил постановление Окружного суда Катандзаро 16 октября 1985 года (см. пункт 13 выше). Следовательно, это вторая причина применения второго пункта статьи 1 (P1-1).

30. Подобно Властям и Комиссии Суд отмечает, что конфискация (также предусмотренная статьей 2 ter Закона 1965 года) преследовала цель в общих интересах, а именно, цель обеспечить, чтобы использование указанного имущества в интересах заявителя или криминальной организации, в принадлежности к которой его подозревали, не вредило обществу.

Суд полностью осведомлен о сложностях, с которыми сталкивается Италия при борьбе с мафией. В результате незаконной деятельности, в частности, незаконного оборота наркотиков, а также международных связей указанная «организация» имеет огромный оборот, который впоследствии инвестирует, *inter alia*, в сектор недвижимости. Конфискация, целью которой является блокирование указанных перемещений подозрительного капитала, является эффективным и необходимым оружием в борьбе с этой раковой опухолью. Таким образом, она является соразмерной преследуемой цели,

тем более, что она фактически не влечет дополнительных ограничений в отношении ареста.

Наконец, профилактическая цель конфискации оправдывает ее немедленное применение, несмотря на любые жалобы.

В заключение, Государство-ответчик не превысило предел свободы усмотрения, предоставленный ей в соответствии со вторым пунктом статьи 1 (P1-1).

3. Наблюдение за арестованным и конфискованным имуществом

31. Снова опираясь на статью 1 Протокола № 1 (P1-1), Раймондо утверждал, что, поскольку муниципальная полиция не обеспечила надлежащее наблюдение, имущество, в отношении которого были избраны меры пресечения, подверглась масштабным актам вандализма.

32. Власти отрицали это. Ввиду официального статуса лиц, ответственных за охрану имущества (офицеров муниципальной полиции, назначенных судебными властями) в отношении них не было выдвинуто обвинение в халатности. Кроме того, был принят закон 1989 года, регулирующее это положение, в первую очередь, путем защиты интересов лиц, имущество которых было возвращено им после ареста, и во вторую очередь - путем обозначения использования имущества, арестованного и затем конфискованного на постоянной основе, в интересах общества.

33. Как и Комиссия, Суд отмечает, что любой арест или конфискация неизбежно влекут причинение ущерба. Комиссия установила, что предположения заявителя не обеспечивали достаточно четкую основу для рассмотрения вопроса о том, превышал ли такой фактически понесенный ущерб в настоящем деле неизбежный ущерб. Заявитель не представил более подробную информацию Суду. Следовательно, Суд не может не принять подход Комиссии, и постановил, что по этому пункту также отсутствует нарушение статьи 1 Протокола № 1 (P1-1).

В. Факт наличия сведений об оспариваемых мерах в государственных реестрах после 31 декабря 1986 года

34. По утверждению заявителя, компетентные государственные органы задерживали вступление в силу решения Апелляционного суда Катандзаро от 4 июля 1986 года.

35. Власти утверждали, что недвижимое и движимое имущество было возвращено 2 февраля 1987 года, лишь через два месяца после того, как указанное решение было внесено в реестр. Они допустили, что формальности при внесении в государственный реестр сведений об отмене спорных мер могли занять некоторое время, но Раймондо имел возможность и ему следовало обратиться в соответствующий департамент с копией решения об отмене мер. Статья 619 бывшей Уголовно-процессуального кодекса, приведенная его адвокатом на слушании, не была применимой, поскольку она касалась исключительно отмены органами уголовного преследования залогов и ареста, наложенных в целях обеспечения выплаты задолженностей ответчиком после обвинительного приговора (судебных расходов, штрафов и затрат на содержание в тюрьме).

36. В первую очередь Суд отмечает, что указанное имущество было возвращено заявителю 2 февраля 1987 года, через два месяца после внесения решения Апелляционного суда в реестр. Тем не менее, Суд должен рассмотреть вопрос о том, являлся ли факт наличия сведений в соответствующих реестрах нарушением права, гарантированного статьей 1 Протокола № 1 (P1-1).

Такое нарушение не имело место в отношении недвижимого имущества, арестованного 13 мая 1985 года, а также в отношении трех транспортных средств, конфискованных 16 октября 1985 года, поскольку соответствующие сведения были внесены быстро, 2 и 10 февраля 1987 года (см. пункт 15 выше). С другой стороны, имело место нарушение, касающееся грузового автомобиля, а также девяти объектов недвижимого имущества, конфискованных 16 октября 1985 года, поскольку сведения о грузовом автомобиле не были внесены в реестр до 10 июля 1987 года, а сведения, касающиеся недвижимого имущества - до 9 августа 1991 года (см. пункт 15 выше).

В задачи Суда не входит определение того, кому следовало принимать необходимые меры в этом случае.

Тем не менее, и вне зависимости от причин, представленных Властями, государственные органы несли ответственность. Суд приходит к выводу, что сложно понять, почему было необходимо ждать, соответственно, семь месяцев (2 декабря 1986 года - 10 июля 1987 года), и четыре года и восемь месяцев (2 декабря 1986 года - 9 августа 1991 года) для урегулирования правового статуса некоторых объектов собственности заявителя Раймондо, когда Апелляционный суд Катандзаро вынес постановление о возврате всех объектов собственности владельцам «после удаления сведений из реестра» (*previa cancellazione delle formalità concernenti le eseguite trascrizioni*).

Кроме того, нарушение прав не было ни «предусмотренным законом», ни необходимым для «осуществления контроля использования имущества в соответствии с общими интересами» в значении статьи 1 Протокола № 1 (P1-1).

Таким образом, имело место нарушение указанной статьи.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 ПРОТОКОЛА №4 КОНВЕНЦИИ (P4-2)

37. Заявитель жаловался, что особый полицейский надзор, под который он был помещен, представлял собой нарушение статьи 2 Протокола № 4 (P4-2), согласно которому:

«1. Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора местожительства.

...

3. Не допускаются ограничения осуществления этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

...»

38. Власти оспаривали эту точку зрения. Решение, принятое на закрытом заседании, об отмене особого наблюдения, не имело юридической силы согласно соответствующим положениям, до того дня, в который оно было внесено в реестр, а именно, до 2 декабря 1986 года. До этого момента оно оставалось «исключительно внутренним событием». Апелляционный суд Катандзаро не может быть подвергнут критике за невынесение этого решения в течение тридцати дней, как предусмотрено статьей 4 Закона 1956 года, поскольку предельный срок не являлся обязательным.

39. В первую очередь, Суд считает, что вне зависимости от противоположного утверждения заявителя, указанная мера не представляла собой лишение собственности в значении пункта 1 статьи 5 (ст. 5-1) Конвенции. Простое ограничение свободы передвижения, возникшее в результате особого надзора, регламентировано статьей 2 Протокола № 4 (P4-2) (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гудзарди против Италии» (*Guzzardi v. Italy*) , стр. 33, пункт 92).

Ввиду угрозы, которую представляет мафия для «демократического общества», мера являлась вдобавок необходимой для «поддержания общественного порядка» и «предотвращения преступления» . Она была, в частности, соразмерна преследуемой цели до момента, в который Апелляционный суд Катандзаро принял решение об ее отмене 4 июля 1986 года (см. пункт 14 выше).

Остается рассмотреть вопрос о периоде с 4 июля по 20 декабря 1986 года, когда заявитель был уведомлен о решении (см. тот же пункт). Даже если признать, что указанное решение, принятое на закрытом заседании, не могло иметь юридической силы до момента внесения в реестр, Суд приходит к выводу, что сложно понять причину, по которой имела место задержка продолжительностью почти в пять месяцев при формулировании оснований для принятия решений, которое могло немедленно быть исполнено, и касалось основополагающего права, а именно, права заявителя на свободное передвижение; кроме того, последний не был информирован об отмене решения в течение восемнадцати дней.

40. Суд приходит к выводу, что по меньшей мере в период со 2 по 20 декабря 1986 года указанное нарушение не было ни предусмотренным законом, ни необходимым. Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Протокола №4 (P4-2).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ (ст. 6-1)

41. Наконец, Раймондо жаловался на длительность судебного разбирательства, относящегося к его жалобе на конфискацию имущества и особый надзор. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 (ст. 6-1) Конвенции, которая гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на ... разбирательство дела ... судом ...»

42. Рассматриваемый период начался 16 октября 1985 года, в день, когда Окружной суд Катандзаро вынес постановление об указанных мерах (см. пункт 13 выше). Он

закончился 31 декабря 1986 года, когда решение Апелляционного суда вступило в силу. Таким образом, срок составил один года, два месяца и две недели.

43. Суд разделяет мнение Властей и Комиссии, что особый надзор несравним с уголовным наказанием, поскольку его целью является предотвращение совершения преступлений. Из этого следует, что судебные разбирательства по этому вопросу не включали в себя «определение ... уголовного обвинения» (см. упоминавшееся выше постановление по делу Гудзарди (Guzzardi), стр. 40, пункт 108).

Что касается конфискации, следует отметить, что статья 6 (ст. 6) применяется в отношении любого иска, предмет которого является «материальным» по характеру, и в основе которого лежит предполагаемое нарушение прав, которые также носят материальный характер (см. постановление Европейского Суда от 26 марта 1992 года по делу «Эдисон Перископ» против Франции» (Editions Périscope v. France), Серия А №234-В, стр. 66, пункт 40). Такова позиция Суда по настоящему делу.

44. Однако учитывая факт рассмотрения дела двумя национальными судами, Суд не считает общую продолжительность разбирательства необоснованной (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 12 октября 1992 года по делу «Салерно против Италии» (Salerno v. Italy), Серия А № 245-D, стр. 56, пункт 21).

Следовательно, нарушение пункт 1 статьи 6 (ст. 6-1) отсутствует.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 50 (ст. 50) КОНВЕНЦИИ

45. В соответствии со статьей 50 (ст. 50) Конвенции,

«если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из ... настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

А. Ущерб

46. Раймондо требовал возмещения имущественного ущерба и неимущественного вреда без указания каких-либо сумм. Тот факт, что ему пришлось приостановить строительные работы после конфискации имущества, а также неудовлетворительные условия содержания имущества привели к причинению серьезного ущерба зданиям и транспортным средствам. Применение меры в виде особого надзора создало сложности в передвижении, и сделало невозможным ведение бизнеса. Кроме того, задержка при внесении сведений об отмене конфискации означала, что любая попытка распорядиться указанным имуществом была обречена на провал, что повлекло увеличение и без того больших долгов.

47. По утверждениям Властей, заявитель не сумел продемонстрировать, что предполагаемые нарушения причинили ему имущественный ущерб. Что касается неимущественного вреда, Власти придерживались мнения, что в случае установления

нарушения, факт установления нарушения сам по себе представляет достаточную справедливую компенсацию.

48. Представитель Комиссии считал, что заявитель несомненно понес имущественный ущерб, и ему был причинен немущественный вред. Однако в отсутствие особых требований, Представитель не был уверен в принятом подходе.

49. Суд оставляет без удовлетворения требования о возмещении имущественного ущерба, поскольку они сформулированы слишком общо, и информация в материалах дела не способствует прояснению вопроса. С другой стороны, Суд учитывает, что Раймондо был причинен немущественный вред, и присуждает ему в качестве компенсации 10 000 000 итальянских лир.

В. Расходы и издержки

50. На слушании адвокат заявителя требовал компенсации в сумме 10 552 325 лир (включая налог на добавленную стоимость) в отношении расходов и издержек, понесенных в учреждениях Конвенции.

51. Власти оставили решение этого вопроса на усмотрение Суда, но отметили, что присужденная сумма должна быть соразмерной степени успеха, в случае удовлетворения жалобы Раймондо.

Представитель Комиссии не выразил мнения по данному вопросу.

52. Ввиду отклонения некоторых пунктов жалобы Раймондо Суд, учитывая представленные доказательства, а также соответствующую прецедентную практику, присуждает ему 5 000 000 лир.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Постановил, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 (P1-1) отсутствует как в отношении ареста и конфискации имущества заявителя до 31 декабря 1986 года, так и в отношении ущерба, причиненного в результате этих мер;

2. Постановил, что имело место нарушение указанной статьи (P1-1), поскольку сведения о конфискации 16 октября 1985 года грузового автомобиля и девяти объектов недвижимого имущества были внесены в соответствующие реестры до 31 декабря 1986 года, и прочие нарушения этой статьи отсутствовали;

3. Постановил, что имело место нарушение статьи 2 Протокола №4 (P4-2) по меньшей мере в силу того, что особый полицейский надзор за заявителем продолжался после 2 декабря 1986 года;

4. Постановил, что статья 6 (ст. 6) Конвенции не применяется в отношении указанного особого надзора;

5. Постановил, что нарушение указанного положения в отношении длительности судебного разбирательства о конфискации отсутствовало;

6. Постановил, что в течение трех месяцев Власти государства-ответчика должны выплатить заявителю Раймондо 10 000 000 (десять миллионов) итальянских лир в качестве возмещения имущественного ущерба, и 5 000 000 (пять миллионов) лир в качестве компенсации расходов и издержек;

7. Отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском и французском языках, вручено на публичном слушании в Здании Европейского суда по правам человека в Страсбурге 22 февраля 1994 года.

3.3 Компания «Маркасс кар хайер Лтд.» против Кипра

Жалоба № 51591/99)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 июля 2002 г. года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

06.11.2002 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№[51591/99](#)), поданной в Европейский Суд компанией Markass Car Hire Ltd (Маркасс кар хайер Лтд.) (далее – «заявитель») 5 августа 1999 года против Республики Кипр в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).
2. Интересы заявителя в Суде представлял С. Клеридис — адвокат, практикующий в г. Никосии. Интересы Властей Кипра (далее - «Власти») были представлены А. Маркидисом, генеральным прокурором Республики Кипр.
3. Заявитель жаловался на нарушение пункта 1 статьи 6 о длительности производства по отмене ex parte временного распоряжения, изданного Окружным судом Никосии.
4. Жалоба была передана в Третью Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках данной Секции, в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда был сформирован состав Палаты для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).
5. Решением от 23 октября 2001 года Суд признал жалобу приемлемой.
6. Заявитель и Власти представили свои замечания по существу (пункт 1 правила 59).
7. 1 ноября 2001 года состав Секций Суда был изменен (пункт 1 Правила 25).

Данное дело было передано во вновь созданную Вторую Секцию.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Компания-заявитель является владельцем и арендатором парка транспортных средств, зарегистрированных на Кипре и имеющие лицензию серии «Z».
9. 1 июля 1996 года Окружной суд Никосии вынес решение по гражданскому иску, поданному заявителем в отношении другой компании, Diprose Ltd, также работающей в сфере проката автомобилей. Окружной суд утверждал, inter alia, что заявитель, юридически расторгнувший договор с компанией Diprose, допускающий использование и эксплуатацию последней парка автомобилей серии «Z», имел право вступить во владение ими и продать их для уплаты долга в размере 667 776 кипрских фунтов, причитающихся ему компанией Diprose с целью аренды в соответствии с указанным договором, а также оплатить оставшуюся сумму в уплату долга заявителя в

банках, которые финансировали покупку парка заявителем. Кроме того Окружной суд обязал компанию Diprose передать автомобили заявителю. Компания Diprose получила отсрочку исполнения приговора при условии, что она регулярно будет частями платить заявителю за использование транспортных средств, которые заявитель передал ему в прошлом для сдачи в аренду третьим лицам.

10. Компания Diprose не смогла произвести платежи и, как следствие, 8 января 1998 года, Окружной суд Никосии разрешил заявителю забрать транспортные средства. В то же время, компания Diprose находилась в состоянии ликвидации и письмом от 11 февраля 1998 года ликвидатор заявил, что он хочет вернуть транспортные средства, которые были незаконно переданы другой компании, Kemtours Ltd, принадлежащей к той же группе компаний, что и компания Diprose, без согласия заявителя.

11. В то же время, компания Kemtours возбудила судебное дело (жалоба [3315/98](#)) о возмещении с заявителя ущерба в результате нарушения соглашения, предположительно заключенного 3 февраля 1997 года. Компания Kemtours утверждала, что, согласно этому соглашению, она арендовала у заявителя 127 автомобилей, однако некоторые из них по-прежнему находятся у заявителя. Кроме того компания Kemtours пыталась добиться решения, не позволяющего компании-заявителю вмешиваться в деятельность компании Kemtours согласно соглашению и предписывающего ей передать компании Kemtours ряд автомобилей, принадлежащих заявителю.

12. Несмотря на то, что заявитель находился в процессе сбора транспортных средств, в новом судебном разбирательстве в Окружном суде Никосии компания Kemtours ex parte добилась вынесения временного распоряжения, предписывающего заявителю поставить вышеуказанные транспортные средства в компанию Kemtours. Данное распоряжение было издано 31 марта 1998 года и в тот же день доведено до сведения заявителя.

13. Распоряжение было приведено в исполнение 13 апреля 1998 года. В этот же день адвокат заявителя обратился в суд с просьбой предоставить ему время для обжалования распоряжения в апелляционном порядке. Суд назначил слушание дела на 5 мая 1998 года, а затем на 7, 20 и 25 мая, чтобы предоставить сторонам время для урегулирования спора. Суд предложил адвокату подать апелляцию как минимум за четыре дня до 5 мая 1998 года.

14. Однако заявитель подал апелляцию 5 мая 1998 года. Заявитель утверждал, что суд был введен в заблуждение компанией Kemtours, которая не смогла раскрыть реальные обстоятельства дела и предыдущее постановление и решение Окружного суда. Заявитель попросил Окружной суд провести слушание как можно скорее, поскольку парк автомобилей серии «Z» стоил более 500 000 кипрских фунтов. Кроме того, заявитель утверждал, что несанкционированное использование транспортных средств в соответствии с временным распоряжением повлечет за собой снижение их стоимости и помешает заявителю представить их в компетентные органы для продления лицензии. Наконец, заявитель утверждал, что никогда не заключал подобное соглашение с компанией Kemtours.

15. Поскольку стороны не достигли никакого согласия по делу 27 мая 1998 года, Окружной суд назначил слушание на 8 июля 1998 года. В этот день судья остановил

слушание в полдень из-за позднего часа и отложил его до 17 июля 1998 года во время перерыва на летние каникулы. Однако судья отметил, что будет работать в это время.

16. Слушание началось 17 июля 1998 года. В тот же день компания Kemtours дала свидетельские показания.

17. По мнению заявителя, слушание должно было быть завершено в том же месяце или в начале августа 1998 года. Тем не менее, оно неоднократно приостанавливалось из-за болезни адвоката истца или судьи, ведущего данное дело, а также в связи с переводом последнего для участия в других рассматриваемых судебных разбирательствах.

18. В конце слушания 17 июля 1998 года адвокат заявителя указал пять дней в июле, когда он свободен для участия в слушании, однако адвокат истца заявил, что он не сможет участвовать, поскольку у него есть другие судебные обязательства.

19. Таким образом, слушания были перенесены на 7 и 9 сентября 1998 года (поскольку адвокат истца должен был перенести операцию), 5 ноября 1998 года, 12 ноября 1998 года, 17 декабря 1998 года (в связи с отсутствием время и болезни адвоката истца), 7 января 1999 года, 14 января 1999 года, 25 февраля 1999 года (в этот день дело рассматривалось другим судьей, поскольку судья, ведущий дело, был болен), 18 марта 1999 года, 22 апреля 1999 года, 13 мая 1999 года, 2 июня 1999 года, 17 июня 1999 года, 1 июля 1999 года, 6 июля 1999 года и 9 и 10 сентября 1999 года.

20. 27 апреля 1999 года в результате неоднократных отсрочек, заявитель подал заявку на истребование дела и запрещение производства по делу Верховным Судом. Он стремился отменить временное распоряжение из-за чрезмерной задержки в разбирательстве в окружном суде. Заявитель также утверждал, что суд превысил свою юрисдикцию по вопросу толкования, которое влечет за собой раздел 9 Гражданско-процессуального права. 27 мая 1999 года Верховный суд отклонил ходатайство. В тот же день заявитель обжаловал это решение, и письмом председателю Верховного Суда попросил ускорить производство.

21. В ответ на письмо адвоката заявителя, который жаловался на задержку в производстве, 10 июня 1999 года. председатель окружного суда передал дело новому судье.

22. В то же время, 21 апреля 1999 года, компания Kemtours обратилась с требованием лишения руководителей заявителя свободы за невыполнение временного распоряжения от 31 марта 1998 года. Первоначально назначенное на 2 июня 1999 года, слушание было отложено до 17 июня, а затем до 6 июля 1999 года, поскольку данное производство было напрямую связано с производством по делу о временном распоряжении. Из-за перерыва на летние каникулы слушания по обоим делам были назначены на 9 и 10 сентября 1999 года.

23. 9 сентября 1999 года Окружной суд решил, что слушания по делу о временном распоряжении должны предшествовать слушанию о неисполнении распоряжения суда. Слушание началось 10 сентября и было отложено до 30 сентября, а затем до 8 октября, поскольку адвокат истца не смог вызвать свидетеля, которого он хотел пригласить для дачи показаний. Слушание продолжилось 8 и 20 октября, однако 27 октября по просьбе

адвоката истца оно было перенесено до 9 ноября 1999 года. Суд отклонил возражение адвоката заявителя на том основании, что отсрочка была предоставлена другой стороне для подготовки документ, способного ускорить производство по делу. Слушание продолжилось 9, 12 и 18 ноября 1999 года. Суд заслушал шестерых свидетелей.

24. 3 декабря 1999 года, когда слушание должно было быть возобновлено, адвокат истца попросил отложить дело, поскольку плохое состояние здоровья требовало проведения операции за рубежом. Продолжение слушания было назначено на 22 декабря 1999 года.

25. 9 декабря 1999 года, дата, на которую было назначено слушание по делу о неисполнении постановления суда, Окружной суд вновь принял решение о переносе слушания до 14 января 2000 года, а затем до 24 января, поскольку адвокат истца был госпитализирован за рубежом. Однако после протеста со стороны адвоката заявителя, суд подтвердил, что ни одно из ходатайств об отсрочке больше не будет удовлетворено.

26. 21 января 2000 года Окружной суд перенес слушание до 28 февраля 2000 года, чтобы предоставить время вновь назначенному адвокату истца ознакомиться с делом. Адвокат заявителя не возражал, поскольку у него были и другие судебные обязательства.

27. Слушание было возобновлено 28 февраля 2000 года с допроса двух свидетелей, тем самым общее число опрошенных свидетелей достигло восьми. 17 марта 2000 года стороны произнесли заключительную речь.

28. Постановлением от 11 мая 2000 года Окружной суд заявил, что временное распоряжение больше не имеет юридической силы. Он объявил его недействительным, поскольку истец не смог доказать свои обвинения; кроме того, на странице 16 постановления он заявил, что отсутствие искового заявления от компании Kemtour в течение двух лет не может быть оправдано болезнью адвоката.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

29. Раздел 4 главы 6 (Гражданское право) звучит следующим образом:

«Суд может в любое время в ходе рассмотрения дела издать распоряжение для ... сохранения, заключения под стражу, продажи, задержания или проверки любого имущества, являющейся предметом рассмотрения, или распоряжение во избежание потерь, нанесения ущерба или вреда, которое однако может служить поводом для вынесения распоряжения в отношении какого-либо лица или имущества, в ожидании окончательного постановления по ряду вопросов, затрагивающих данное лицо или имущество, или в ожидании исполнения постановления».

30. Раздел 9 главы 6 (Гражданское право) звучит следующим образом:

«(1) Любое распоряжение, для издания которого суд обладает необходимыми полномочиями, при наличии доказательств срочности или других специальных обстоятельств, выносится на основании заявления любой из сторон дела без предварительного уведомления другой стороны.

(2) Прежде чем издать распоряжение без уведомления, суд требует от ходатайствующего лица дать обязательства с или без поручительства, как суд

сочтет нужным, в качестве обеспечения ответственности за ущерб лицу, в отношении которого приказ был вынесен.

(3) Распоряжение, изданное без предварительного уведомления, не должно оставаться в силе в течение более длительного периода, чем это необходимо для вручения судебного уведомления всем заинтересованным лицам, позволяющее им предстать перед судом и обжаловать его; и каждое такое распоряжение в конце этого периода теряет силу, если Суд, выслушав стороны или любую из них, не вынес иное любое распоряжение; и каждое такое распоряжение должно рассматриваться в деле, как суд считает справедливым.

(4) Ничто в настоящей статье не должно толковаться как затрагивающее или касающееся полномочий суда о выдаче исполнительных листов».

31. В некоторых ранних постановлениях Верховный суд постановил, что порядок принятия временного распоряжения, вынесенного *ex parte* является исключительным и, следовательно, должно рассматриваться как вопрос исключительной срочности. В двух делах, Верховный суд постановил, что подобное распоряжение должно быть подано в течение двух-четырех дней и передано судье в течение семи дней (постановления от 25 июня 1999 года и 10 сентября 1999 года). Верховный суд признал, что периоды 17 и 21 дней для подачи распоряжения и предоставления другой стороне возможности для оспаривания, являются чрезмерными. В деле «СПЕ Аджиас Филас против Кристофору» (SPE Agias Fylas v. Christoforou) (постановление от 4 октября 1999 года), Верховный суд постановил, что, если суд вынес распоряжение *ex parte*, не являющееся срочным, оно будет отменено по причине превышения юрисдикции.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

32. Заявитель жаловался на длительность судебного производства об отмене *ex parte* временного распоряжения, изданного 31 марта 1998 году Окружным судом Никосии. Он заявляет о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на ... разбиравательство дела в разумный срок ... судом ...»

33. Власти заявляют, что они не намерены соглашаться с заявителем, что судебное производство по делу о временном распоряжении должно быть завершено, как можно скорее. Тем не менее, они утверждают, что настоящее дело затрагивает сложные фактические и юридические вопросы и требует проведения допроса восьми свидетелей и изучения большого количества документальных доказательств, в том числе 127 файлов, представленных Властями. Большинство отсрочек в производстве были вызваны плохим состоянием здоровья адвокатов истца. Запросы последнего на перерыв в слушаниях были удовлетворены с согласия адвоката заявителя. Четырехмесячного перерыва в период с 25 февраля 1999 года по 1 июля 1999 года можно было бы избежать, если бы адвокат заявителя заранее проинформировал председателя Окружного суда о проблеме, возникающей в результате перерыва в рассмотрении временного распоряжения. 1 июля 1999 года было невозможно назначить слушание до сентября 1999 года в период летних каникул. С 1 июля 1999 года по 17 марта 2000 года, когда дело было передано другому судье, отсрочки были не очень длительными и вызваны в основном состоянием здоровья адвоката истца. В трех случаях, отсрочки были обусловлены необходимостью вызвать в суд свидетеля

(восьмидневный перерыв), необходимостью подготовить письменный отчет о фактах, обнаруженных в документах, представленных в ходе судебного разбирательства (месячный перерыв) и необходимостью предоставить время вновь назначенному адвокату истца для ознакомления с делом (месячный перерыв).

34. Заявитель утверждает, что протокол заседаний, представленных Властями, является неполным. В частности, отсутствовало несколько дней, а именно, 5 мая 1998 года и 7 января 1999 года, когда судья не присутствовал на слушании без объяснения причин. Заявитель утверждает, что перерыв в производстве до 8 июля 1998 года является неприемлемым, и что удовлетворение ходатайства в тот же день было необоснованным.

35. Кроме того, заявитель утверждает, что, несмотря на срочный характер судебного производства, многочисленные отсрочки были предоставлены в связи с болезнью адвоката компании Kemtour или по собственной инициативе Окружного суда. Суд позволил рассмотреть дело в срочном порядке, а также позволил адвокату истца диктовать свой график работы.

36. Заявитель подчеркивает, что ходатайство от 5 мая 1998 года было подано вовремя, то есть за два дня до даты, когда дело было зафиксировано для упоминания, а не для слушания. 17 июля 1998 года никаких сложных фактических или юридических вопросов не возникало, и на этом этапе судебного производства Окружной суд не мог рассмотреть дело по существу. В этот день компания Kemtours уже представила свои доказательства и требовалось только два или три дополнительных слушания, чтобы завершить судебное разбирательство. Адвокат компании Kemtour прямо заявил, что ему нужно еще три дня, чтобы допросить свидетелей защиты. Наконец, Окружной суд объявил временное распоряжение недействительным, поскольку истец не смог доказать свои обвинения; кроме того на странице 16 постановления, он заявил, что отсутствие искового заявления от компании Kemtour в течение двух лет не может быть оправдано болезнью адвоката.

37. Что касается периода, который необходимо принять во внимание, Суд отмечает, что он начался 5 мая 1998 года, когда заявитель обратился в Окружной суд, чтобы оспорить временное распоряжение *ex parte*. Судебное производство по делу было завершено 11 мая 2000 года постановлением Окружного суда. Таким образом, оно длилось примерно два года.

38. Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела и с использованием следующих критериев: сложность дела, поведение сторон, поведение Властей, ведущих дело, и то, что было поставлено на карту для заявителя (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лаино против Италии» (*Laino v. Italy*), жалоба №[33158/96](#), п. 18, ECHR 1999-I).

39. Прежде всего, Суд отмечает, что, по мнению Верховного суда, порядок принятия временного распоряжения, вынесенного *ex parte*, является исключительным и, следовательно, должен рассматриваться как вопрос исключительной срочности. В данном деле, на карту компании заявителя было поставлено его финансовое выживание, поскольку временное распоряжение предусматривало, что большее количество автомобилей будет передано другому прокату автомобилей.

40. Во-вторых, Суд отмечает, что поведение заявителя не вызвало каких-либо отсрочек в судебном производстве. Напротив, он часто возражал против последовательных отсрочек и даже обратился в Верховный суд с просьбой аннулировать временное распоряжение из-за чрезмерной задержки. Суд не может согласиться с доводом Властей о том, что заявитель был согласен на некоторые отсрочки. Эти отсрочки были практически навязаны заявителю, поскольку они были санкционированы либо по собственной инициативе суда, либо по причине плохого самочувствия адвоката истца.

41. В-третьих, поведение судебных властей и, в частности, судьи Окружного суда, который вначале занимался рассмотрением дела, является предметом критики: несмотря на неотложный характер судебного разбирательства и близость летнего отпускного периода, первое слушание состоялось 8 июля 1998 года. Несмотря на то, что судья утверждал, что он будет работать в течение летних каникул он провел только одно слушание, 17 июля 1998 года, в ходе которого истец представил свои доказательства. Тем не менее, слушание не раз откладывалось до июня 1999 года, когда дело было передано другому судье, после подачи заявителем протеста на имя председателя окружного суда. Несмотря на время, которое уже прошло с момента начала судебного производства, второй судья удовлетворил ходатайства по отсрочке, представленные адвокатом истца: двенадцать дней, чтобы дать ему возможность подготовить доклад, более полутора месяцев, поскольку он болел или находился в больнице за рубежом, и более одного месяца, чтобы вновь назначенный адвокат мог ознакомиться с материалами дела.

42. Суд считает, что оба судьи Окружного суда не смогли обеспечить быстрое проведение судебного разбирательства, которое в соответствии с законом, и с учетом того, что было поставлено на карту для заявителя, должно было быть завершено оперативно.

43. Соответственно, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

44. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

45. Заявитель требует 456 672 или 415 833 кипрских фунтов (EUR) в качестве возмещения имущественного ущерба. Заявитель опирается на отчет об оценке, подготовленный по его поручению аудитором. Первая цифра представляет собой оценку ущерба на основе чистых активов. Заявитель утверждает, что, если бы автомобили были проданы еще в августе 1998 года, их стоимость на свободном рынке составила бы 414 525 кипрских фунтов (CYP), основание для которого содержится в

докладе экспертов по оценке автомобилей, приложенном к отчету аудитора. Кроме того, лицензии для 93 транспортных средств были проданы отдельно от транспортных средств, некоторые из них до вынесения постановления в мае 2001 года, некоторые из них после, на общую сумму 198 499,54 кипрских фунтов (CYP). Рыночная стоимость этих лицензий в августе 1998 года достигла бы 305 250 кипрских фунтов, а в феврале 2001 года стоимость снизилась. Вторая цифра, указанная выше, представляет собой оценку потери заработка. Если бы временное распоряжение оставалось в силе с августа 1998 года по май 2000 года, заявитель мог бы сдать внаем эти транспортные средства.

46. Заявитель требовал компенсировать неимущественный вред в размере 10 000 кипрских фунтов.

47. Власти утверждают, что доклад экспертов по оценке автомобилей не может считаться надежным доказательством, подтверждающим фактическую стоимость транспортных средств в 1998 году без каких-либо проверок данных транспортных средств. Цена, указанная в докладе о рыночной стоимости лицензий, не подтверждается соответствующими доказательствами и не может с точностью зависеть от расчета потерь заявителя. Что касается расчета ущерба на основе потери заработка, Власти отмечают, что до вынесения временного распоряжения, компания Diprose уже уклонялась от своих ежемесячных платежей заявителю и что неисполнение обязательств приводит к немедленной выплате всех сумм, подлежащих уплате заявителю, и моментально наделяет последнего правом владения поставляемыми транспортными средствами, продажи на публичных торгах, а также использования средств, полученных от продаж для уплаты собственных долгов. Временное распоряжение отложило осуществление права принять поставку транспортных средств и продавать их для исполнения приговора, но не потребовало продажи автомобилей или помешало заявителю получить прибыль от сдачи внаем.

48. Что касается неимущественного вреда, Власти считают, что установление факта нарушения само по себе представляет собой достаточную компенсацию.

49. Суд не может размышлять о цене, по которой автомобили были бы проданы, или о доходах заявителя, если бы национальные суды вынесли решение в течение разумного времени. Таким образом, Суд не присуждает заявителю какую-либо компенсацию имущественного ущерба.

50. Тем не менее, Суд признал, что заявителю был причинен неимущественный вред, а также он пострадал от потери возможностей в результате длительности судебного разбирательства. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 15 000 евро (EUR) в качестве компенсации неимущественного вреда.

В. Расходы и издержки

51. Заявитель требовал 8 470 кипрских фунтов (CYP) в качестве компенсации судебных издержек и расходов.

52. Власти утверждают, что заявитель имеет право на возмещение своих судебных расходов и издержек только в той мере, в какой будет доказано, что они действительно и обязательно были понесены, и были разумными по размеру.

53. Суд считает, что продолжительность национального судебного разбирательства в некоторой степени увеличила размер судебных издержек в данном разбирательстве. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 4 000 евро (EUR) по данному пункту.

С. Проценты за просрочку платежа

54. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, установленный законом размер процентов, применяемый на Кипре на дату принятия настоящего постановления, составляет 8 % годовых.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
 2. Постановил:
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 15 000 евро (пятнадцать тысяч евро) в счет компенсации неимущественного вреда;
 - (ii) 4 000 евро (четыре тысячи евро) в качестве компенсации судебных издержек и расходов;
 - (iii) плюс любые налоги, которые могут быть начислены на данные суммы;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока должны быть выплачены проценты на сумму в размере 8%;
 3. Отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.
- Составлено на английском языке с направлением письменного уведомления 2 июля 2002 года в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

3.4 Дело «Злинсат СПОЛ. С Р.О.» против Болгарии» (Zlinsat, SPOL. S R.O. v. Bulgaria)

Жалоба № [57785/00](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

15 июня 2006 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

15 сентября 2006 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ [57785/00](#)), поданной 14 декабря 1999 года в Европейский Суд против Республики Болгария «Злинсат, спол. с р.о.», компанией с ограниченной ответственностью, учрежденной в соответствии с чешским правом, зарегистрированный офис которой находится в Фрыштак, Долни Вес, Чешская Республика (далее — «компания-заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»).

2. Интересы компании-заявителя представляла г-жа Д. Горбунова, адвокат, практикующий в Софии, Болгария. Болгарское правительство (далее — «государство-ответчик») было представлено своим агентом, г-жой М. Коцевой, из Министерства юстиции.

3. 1 декабря 2004 года Суд принял решение уведомить о поданной жалобе государство-ответчика. Он также передал копию жалобы в адрес чешского правительства в связи с тем, что компания-заявитель была зарегистрирована в Чешской Республике (пункт 1 статьи 36 Конвенции и подпункт (а) пункта 1 правила 44 Регламента Суда). В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

4. Стороны представили свои замечания в письменном виде. Кроме того, комментарии третьей стороны- были получены от правительства Чешской Республики (далее — «Власти третьей стороны»-), которое осуществило свое право на вступление в дело (пункт 1 статьи 36 Конвенции и подпункт (b) пункта 1 правила 44 Регламента Суда). Государство-ответчик, а не компания-заявитель, представило ответ на данные комментарии (пункт 5 правила 44 Регламента Суда).

5. 1 апреля 2006 года дело подлежало рассмотрению новым составом Пятой Секции (пункт 5 правила 25 и пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. В сентябре 1995 года Муниципальный совет Софии решил приватизировать отель, принадлежащий Администрации Софии и расположенный в Горна Баня, София. В июле 1996 года муниципальное ведомство Софии по вопросам приватизации инициировало процедуру приватизации отеля путем ведения переговоров с потенциальными покупателями. При завершении процедуры только одна компания

подала заявку о приватизации. 8 мая 1997 года данная компания передала свои права в соответствии с процедурой приватизации компании-заявителю.

7. 10 мая 1997 года компания-заявитель заключила договор приватизации с Муниципальным советом Софии, согласно которому компания-заявитель приобрела отель. Компания согласилась выплатить сумму в размере 425 000 долларов США, а также согласилась в течение следующих пяти лет разместить инвестиции в размере 1 500 000 долларов США. Компания-заявитель также приняла на себя обязательства по созданию сорока пяти новых рабочих мест-. Пункт 8(7) договора предусматривал, что компания-заявитель была лишена права на продажу отеля в течение пяти лет без явного согласия Муниципального совета Софии. Пункт 10 договора, однако, предусматривал, что компания-заявитель может передать отель в качестве – неденежного вознаграждения за акции компании с ограниченной ответственностью, если компании-заявителю принадлежит, по крайней мере, 67% акций такой компании.

8. В решении от 7 июля 1997 года Городская прокуратура Софии, действуя на основании статьи в еженедельной газете «Капитал» (Capital), опубликованной в номере от 25 мая 1997 года, а также жалоб сотрудников и арендаторов здания отеля, вынесла решение о приостановлении исполнения договора приватизации. Прокуратура руководствовалась пунктом 1 статьи 185 Уголовно-процессуального кодекса 1974 года (далее — «УПК») и разделом 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года (см. пункты 37 и 38 ниже) и решила, что процедура приватизации была совершена в нарушение пункта 8 переходных и заключительных положений Закона о преобразовании и приватизации государственных и муниципальных- предприятий от 1992 года (см. пункт 44 ниже). Имелись также свидетельства того, что некоторые заинтересованные стороны не были должным образом уведомлены об условиях приватизации. Последняя оценка отеля до приватизации была проведена при обстоятельствах, которые ставят под сомнение объективность участвующих в ней должностных лиц. Данные факты могут быть разъяснены только в ходе уголовного расследования. Органы прокуратуры также должны были осуществлять свои полномочия в соответствии с пунктом 1 статьи 27 Гражданского процессуального кодекса 1952 года (далее — «ГПК») (см. пункт 40 ниже). В этих условиях исполнение обязательств по договору приватизации могло нарушить общественный порядок, привести к совершению правонарушений должностными лицами и экономических преступлений, а также причинить значительный ущерб.

9. Решение было передано председателю Муниципального совета Софии и в муниципальное ведомство Софии по вопросам приватизации, но не в адрес компании-заявителя.

10. Мэр Софии обжаловал решение в Генеральную прокуратуру, утверждая, что действие договора приватизации может быть прекращено только по решению суда. В решении от 25 июля 1997 года Генеральная прокуратура отклонила апелляцию, обосновывая это тем, что нижестоящие органы прокуратуры приняли надлежащее решение в отношении того, что меры, заключающиеся в приостановлении исполнения договора, должны были быть приняты для предотвращения в будущем совершения преступлений, и что они должны были потребовать аннулирования договора в соответствии с решением суда.

11. Мэр Софии еще раз обжаловал решение в Генеральную прокуратуру. В решении от 28 августа 1997 года Генеральный прокурор отклонил апелляцию, полностью поддержав доводы нижестоящих органов прокуратуры и отмечая, что по данному вопросу было начато уголовное расследование.

12. Компания-заявитель не получила копии указанных решений и, видимо, не получала уведомлений об этих событиях.

13. В то же время 12 августа 1997 года Администрация Софии передала отель во владение компании-заявителя. 18 августа 1997 года мэр Софии принял решение о том, что все ранее имевшиеся арендаторы должны освободить помещения отеля.

14. В неустановленную дату Городская прокуратура Софии возбудила уголовное дело в отношении должностного лица Администрации Софии или муниципальной компании, которой ранее принадлежал отель. Обвинения, по-видимому, включали в свой состав злоупотребление служебным положением.

15. В решении от 2 октября 1997 года Городская прокуратура Софии, руководствуясь пунктом 1 статьи 185 УПК и разделом 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года, приняла решение о том, что полиция должна обеспечить освобождение помещений отеля от служащих, субподрядчиков и агентов компании-заявителя, при этом отель должен находиться под охраной государственной- компании. Прокуратура также распорядилась о том, чтобы полиция изъяла все бухгалтерские и другие документы, относящиеся к доходам, полученным компанией с момента, когда она стала владельцем отеля, и уведомила служащих о том, что любая попытка возврата отеля в свое владение будет представлять собой правонарушение в соответствии с пунктом 2 статьи 323 Уголовного кодекса 1968 года (см. пункт 45 ниже). Прокуратура мотивировала это тем, что, приняв данные меры, несмотря на тот факт, что она распорядилась о приостановлении исполнения договора о приватизации и возбудила дело в соответствии с пунктом 8 переходных и заключительных положений Закона о преобразовании и приватизации государственных и муниципальных предприятий от 1992 года, а также инициировала уголовное расследование, Администрация Софии серьезно нарушила положения раздела 119(2) Закона о судебной власти от 1994 года (см. пункты 35 и 44 ниже), а также допустила нарушение важных общественных интересов и общественного порядка.

16. Данное решение было передано Администрации Софии, но не в адрес компании-заявителя. Компания узнала об этом 6 октября 1997 года, когда полиция прибыла в отель, потребовала от служащих и агентов отеля освободить его помещения и предупредила его управляющего о том, что любая попытка возврата отеля в свое владение будет представлять собой правонарушение в соответствии с пунктом 2 статьи 323 Уголовного кодекса 1968 года (см. пункт 45 ниже).

17. Администрация Софии обжаловала это решение в Генеральную прокуратуру, утверждая, что оно было незаконным, поскольку компания-заявитель являлась законным владельцем отеля и не имелось никаких юридических оснований для насильственного освобождения помещений отеля. В решении от 27 ноября 1997 года Генеральная прокуратура отклонила апелляцию. Было установлено, что исполнение договора приватизации было приостановлено и что Городской прокуратурой Софии было возбуждено дело с целью аннулирования договора. Обжалованное решение в

правовом плане было основано на пункте 1 статьи 185 УПК и разделе 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года. Тот факт, что было возбуждено гражданское дело и что было инициировано уголовное расследование, указывал на наличие риска совершения правонарушения. На законность решения не мог повлиять тот факт, что оно не было передано компании-заявителю.

18. Между тем, 17 сентября 1997 года Городская прокуратура Софии, осуществляя свои полномочия в соответствии с пунктом 1 статьи 27 ГПК (см. пункт 40 ниже), подала гражданский иск против Администрации Софии и компании-заявителя, требуя отмены договора приватизации. Она утверждала, что договор был заключен на явно невыгодных условиях в значении пункта 8 переходных и заключительных положений Закона о преобразовании и приватизации государственных и муниципальных предприятий от 1992 года.- Цена, уплаченная за отель, была ниже его реальной рыночной стоимости. Штрафные санкции, предусмотренные в договоре в случае неисполнения компанией-заявителем своих инвестиционных обязательств, были незначительны. Компания-заявитель имела право передать отель в качестве неденежного вознаграждения за акции компании с ограниченной ответственностью, несмотря на запрет на продажу отеля в течение пяти лет. Договор не предусматривал его расторжения в случае неисполнения- обязательств. И, наконец, исполнение договора вызывало сомнения в связи с тем, что переговоры изначально были проведены с другой компанией, в то время как компания-заявитель начала участвовать в процессе позднее.

19. 9 декабря 1997 года Администрация Софии обратилась с запросом о вынесении декларативного решения о том, что решения Городской прокуратуры Софии были приняты без каких-либо законных на то оснований, были вынесены с превышением полномочий и, таким образом, являлись недействительными, и, соответственно, не влекут за собой каких-либо правовых последствий. В окончательном решении от 11 февраля 1998 года Городской суд Софии отклонил запрос как неприемлемый, считая, что он не был связан с предметом первоначального иска, поскольку он касался действий, совершаемых после даты исполнения договора, и что он был недостаточно точным, поскольку в нем не были определены все оспариваемые решения Городской прокуратуры Софии. Суд отметил, что он не обладает юрисдикцией в отношении определения законности решений и действий прокуратуры в гражданском судопроизводстве.

20. В решении от 3 апреля 1998 года Городской суд Софии отклонил иск Городской прокуратуры Софии. Он постановил, среди прочего, что цена, по которой был продан отель, не являлась необоснованной. Он принял во внимание не только денежные средства, выплаченные Муниципальному совету Софии, а также инвестиционные обязательства и обязательства по созданию новых рабочих мест. Суд отметил, что не имелось каких-либо правовых запретов на использование приватизированного имущества в качестве неденежного вознаграждения за акции. Не имелось каких-либо положений, препятствующих сторонам по договору согласиться с тем, что компания-заявитель была вправе осуществлять такие действия при определенных условиях. Доводы Городской прокуратуры Софии в отношении возможности совершения такой сделки были несущественными, поскольку задача суда состояла не в выдвижении гипотез о будущих событиях, а в принятии решения на основе конкретных фактов. Кроме того, суд установил, что отсутствие в договоре каких-либо пунктов о его расторжении не делает его явно невыгодным, поскольку в случае неисполнения

обязательств он может быть аннулирован -в силу закона. Штрафные санкции, предусмотренные договором в отношении неисполнения обязательств-, были незначительными, поскольку Муниципальный совет Софии мог в любом случае потребовать возмещения своих фактических убытков на основании закона. Таким образом, суд не установил, что договор был заключен на явно невыгодных условиях.

21. Городская прокуратура Софии обжаловала решение в Апелляционный суд Софии. Ее апелляция была отклонена Апелляционной прокуратурой Софии, которая утверждала в дополнительном заявлении, что Городской суд Софии надлежащим образом рассмотрел дело.

22. В решении от 4 марта 1999 года Апелляционный суд Софии оставил в силе решение Городского суда Софии с аналогичными аргументами.

23. Несмотря на ранее имевшуюся точку зрения, Апелляционная прокуратура Софии подала апелляцию по вопросам права в Верховный кассационный суд, по-видимому, по указаниям Верховной кассационной прокуратуры (преемника Генеральной прокуратуры).

24. Слушание состоялось 28 июня 1999 года, на котором прокурор Верховной кассационной прокуратуры поддержал апелляцию.

25. В окончательном решении от 30 июля 1999 года Верховный кассационный суд оставил в силе решение суда низшей инстанции, полностью подтвердив свою аргументацию.

26. Между тем, в то время как велось разбирательство в Верховном кассационном суде, 17 мая 1999 года компания-заявитель обжаловала решения Городской прокуратуры Софии от 7 июля и 2 октября 1997 года в Апелляционную прокуратуру Софии. Она утверждала, что решения были незаконными и что принятие решений Городской прокуратурой Софии на основании пункта 1 статьи 185 УПК было неуместным. Компания-заявитель подала апелляцию через Городскую прокуратуру Софии.

27. В письме от 22 июня 1999 года Городская прокуратура Софии сообщила компании-заявителю о том, что решения уже были безуспешно обжалованы в Генеральную прокуратуру и Генеральному прокурору, и направила компании-заявителю копии решений последнего. Она отметила, что не имелось каких-либо новых фактов, подтверждающих отмену или изменение оспариваемых решений.

28. 6 июля 1999 года компания-заявитель подала апелляцию непосредственно в Апелляционную прокуратуру Софии.

29. В решении от 9 июля 1999 года Апелляционная прокуратура Софии отклонила апелляцию. Она мотивировала это тем, что решения от 7 июля и 2 октября 1997 года уже были обжалованы в Генеральную прокуратуру и Генеральному прокурору, который отклонил апелляции. Он не имел компетенции для их рассмотрения.

30. 24 августа 1999 года компания-заявитель обратилась в Городскую прокуратуру Софии с требованием отмены ее решений от 7 июля и 2 октября 1997 года. Она утверждала, что отклонение иска против нее посредством вынесения окончательного

решения указывало на то, что договор приватизации не был заключен на явно невыгодных условиях и что ни государственные, ни общественные интересы не были ущемлены. Кроме того, срок запрета на пользование отелем длился уже два года без какого-либо на то основания в нарушение ее права в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 на беспрепятственное пользование своим имуществом.

31. В письме от 14 сентября 1999 года Городская прокуратура Софии сообщила компании-заявителю о том, что нет никакой необходимости в отмене решения от 2 октября 1997 года, но что окончательное решение Верховного кассационного суда является обязательным для сторон по делу, и они должны соблюдать такое решение.

32. В письме от 5 октября 1999 года, копия которого была направлена компании-заявителю, Городская прокуратура Софии уведомила полицию о том, что после вынесения решения Верховного кассационного суда решения от 7 июля и 2 октября 1997 года более не могут быть приведены в исполнение.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

A. Прокуратура

1. Обзор

33. Прокуратура («прокуратурата») является частью судебной ветви власти (пункт 2 статьи 117 Конституции 1991 года). Ее структура повторяет структуру судов (пункт 1 статьи 126 Конституции 1991 года). Прокуроры назначаются, повышаются, понижаются в должности и увольняются, как и судьи, а также пребывают в должности в течение таких же сроков и пользуются теми же иммунитетами (статьи 129, 131 и пункт 1 статьи 132 Конституции 1991 года). Задачей Прокуратуры является обеспечение соблюдения закона в рамках (i) судебного преследования лиц, предположительно совершивших уголовные преступления, (ii) надзора за исполнением наказаний и мер принуждения, (iii) требования отмены незаконных решений и инструментов, а также (iv) участия (если это предусмотрено законом) в гражданском и административном судопроизводстве (статья 127 Конституции 1991 года).

34. Раздел 112 Закона о судебной власти от 1994 года («Закон за съдебната власт») предусматривает, что Прокуратура является единой и централизованной, что каждый прокурор подчиняется соответствующему вышестоящему прокурору и что все прокуроры подчиняются Генеральному прокурору (последнее также предусмотрено пунктом 2 статьи 126 Конституции 1991 года). Генеральный прокурор может издавать директивы и давать указания, связанные с деятельностью Прокуратуры (разделы 111(3) и 114 Закона о судебной власти от 1994 года). Генеральный прокурор осуществляет надзор за работой всех прокуроров, и прокуроры апелляционных и региональных прокуратур осуществляют надзор за работой своих подчиненных прокуроров (раздел 115(1) и (2) Закона о судебной власти от 1994 года). Вышестоящие прокуроры могут выполнять все действия, которые находятся в компетенции подчиненных им прокуроров. Они также могут оставлять в силе или отменять их решения в случаях, предусмотренных законом (раздел 116(2) Закона о судебной власти от 1994 года). Письменные распоряжения вышестоящих прокуроров являются

обязательными для их подчиненных прокуроров (раздел 116(3) Закона о судебной власти от 1994 года).

35. Решения прокуроров, вынесенные в пределах их компетенции и в соответствии с законом, являются обязательными для всех государственных служащих и частных лиц (раздел 119(2) Закона о судебной власти от 1994 года). Прокуроры могут отдавать распоряжения полиции (раздел 119(4) Закона о судебной власти от 1994 года).

36. Прокуроры пользуются иммунитетом от гражданской ответственности за ущерб, причиненный ими при исполнении своих обязанностей, если при этом они не совершили преследуемого уголовного преступления (пункт 1 статьи 132 Конституции 1991 года и раздел 134(1) Закона о судебной власти от 1994 года).

2. Полномочия Прокуратуры на принятие мер по противодействию совершению уголовных преступлений

37. Пункт 1 статьи 185 УПК (действие которого отменено в 2003 году) предусматривал, что «[органы уголовного расследования] обязаны принять необходимые меры для противодействия уголовному преступлению, в отношении которого имеются основания полагать, что оно будет совершено. [Данные меры могут включать в себя] временное наложение запрета в отношении средств, которые могли бы быть использованы для совершения преступления». Новый Уголовно-процессуальный кодекс 2005 года, который вступил в силу 29 апреля 2006 года и заменил собой ранее действовавший УПК, не содержит положения, аналогичного пункту 1 статьи 185 УПК.

38. Раздел 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года предусматривает, что при исполнении своих обязанностей прокуроры «вправе принимать все меры, предусмотренные законом, если у них есть информация, что может быть совершено преследуемое уголовное преступление или другое незаконное действие». Текст раздела 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года тесно связан с разделом 7(1) отмененного Закона о прокуратуре от 1980 года («Закон за прокуратурата»), который предусматривал, что если у прокурора «имеется информация о том, что может быть совершено уголовное преступление или другое незаконное действие, прокурор выносит предупреждение и принимает все разрешенные законом меры для предотвращения таких действий».

39. Отсутствует опубликованная прецедентная -практика в отношении точного значения данных текстов. Во время своего визита в 2002 году в Болгарию, а в частности в рамках посещения психиатрической больницы Комитету по предупреждению пыток было сообщено, что прокуроры ссылались на пункт 1 статьи 185 УПК для обеспечения заключения лиц (CPT/Inf (2004) 21, стр. 53, в начале пункта 150 и сноски 12).

3. Полномочия Прокуратуры на инициирование гражданского процесса для защиты общественных интересов

40. Пункт 1 статьи 27 УПК в редакции, действовавшей на тот момент, предусматривал, что прокуроры могут, в том числе, возбудить гражданское дело от

имени другого физического или юридического лица, если они считают, что это необходимо для защиты государственных или общественных интересов.

4. Обзор обвинительной практики

41. В соответствии с разделом 117 Закона о судебной власти от 1994 года прокуроры не зависят от судов при исполнении ими своих обязанностей. Раздел 116(1) того же Закона предусматривает, что «все решения и действия прокурора могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, если только они не являются предметом судебного рассмотрения», что имеет место в отношении некоторых их решений, принятых в ходе уголовного расследования (например, в соответствии с пунктом 3 статьи 153а, пунктом 3 статьи 237 и пунктом 7 статьи 239 УПК).

42. Пункт 1 статьи 181 УПК предусматривает, что решения прокуроров могут быть обжалованы в вышестоящую прокуратуру. Апелляция может быть подана либо через прокурора, решение которого обжалуется, или непосредственно вышестоящему прокурору. В первом случае, апелляция должна быть незамедлительно направлена компетентному прокурору вместе с письменным заключением нижестоящего прокурора (статья 182 УПК). Подача апелляции не имеет приостанавливающего действия, если компетентный прокурор не примет иного решения. Вышестоящий прокурор должен вынести решение по апелляции в течение трех дней с момента ее получения (статья 183 УПК).

43. Высший административный суд постановил, что решения прокуроров, как правило, не подлежат рассмотрению в судебном порядке, поскольку они не являются административными решениями, и поскольку Прокуратура является частью судебной ветви власти, ее задачей является защита законности, она представляет собой централизованную структуру, и все прокурорские решения и действия могут быть обжалованы в вышестоящую инстанцию. В отличие от решений административных органов, которые подлежат рассмотрению в судебном порядке, если иное не предусмотрено законом, решения прокуроров могут быть рассмотрены судами только в случаях, прямо предусмотренных законом, что не имеет места в отношении решений, принятых в соответствии с разделом 119 Закона о судебной власти от 1994 года (опр. № 10697 от 25 ноября 2003 г. по адм. д. 4844/2003 г., ВАС, пето отделение; опр. № 3815 от 27 апреля 2005 г. по адм. д. № 3033/2005 г., ВАС, петчленен състав; опр. № 5065 от 2 июня 2005 г. по адм. д. № 11114/ 2004 г., ВАС, петчленен състав).

В. Закон о преобразовании и приватизации государственных и муниципальных предприятий от 1992 года

44. Пункт 8 переходных и заключительных положений данного Закона («Закон за преобразуване и приватизация на държавни и общински предприятия»), в настоящее время замененный новым законодательным положением, предусматривал, что все договоры о реализации государственной или муниципальной собственности, которые были заключены на явно невыгодных условиях, могут быть аннулированы.

С. Соответствующие положения Уголовного кодекса 1968 года

45. В соответствии с пунктом 2 статьи 323 Уголовного кодекса 1968 года преступлением является вступление любого лица во владение недвижимым имуществом, которое было ими освобождено на законных основаниях.

Д. Гражданско-правовые средства защиты против незаконного действия государства

1. Закон об ответственности государства за ущерб от 1988 года

46. Основным законодательным актом в данной области является Закон об ответственности государства за ущерб от 1988 года («Закон за отговорността на държавата за вреди, причинени на граждани»). Его раздел 1 в формулировке, действующей до 31 декабря 2005 года, предусматривал следующее:

«1. Государство несет ответственность за ущерб, понесенный частными лицами в результате неправомерных решений, действий или бездействия государственных органов и служащих, которые приняты или совершены в процессе или в связи с принятием административных мер.

2. Компенсация ущерба, возникающего в результате принятия незаконных решений в соответствии с [подразделом 1], может быть заявлена после отмены соответствующих решений [в рамках предшествующего судопроизводства]. Если ущерб возникает в результате административного решения, которое является недействительным, или в результате действия или бездействия, которое является незаконным, недействительность решения или незаконность действия или бездействия устанавливается судом, который имеет сведения о требовании возмещения».

47. В раздел 1 были внесены поправки и изменения, которые вступили в силу с 1 января 2006 года, и в настоящее время он прямо предусматривает, что юридические лица также могут требовать компенсации в соответствии с Законом. Ранее суды толковали это положение как разрешающее только физическим лицам требовать компенсации (реш. № 1307 от 21 октября 2003 г. по гр.д. № 2136/2002 г., ВКС, пето г.о.; тълк. реш. № 3 от 22 апреля 2005 г. по гр.д. № 3/2004 г., ОСГК на ВКС).

2. Закон об обязательствах и договорах от 1951 года

48. Общие принципы деликтного права изложены в разделах 45—54 Закона об обязательствах и договорах от 1951 года («Закон за задълженията и договорите»). Его раздел 45(1) предусматривает, что каждый обязан возмещать ущерб, причиненный по его вине другому лицу. Раздел 49 предусматривает, что лицо, которое поручило другому лицу выполнение работы, несет ответственность за ущерб, причиненный таким другим лицом в ходе или в связи с выполнением работы.

49. Юридические лица не несут ответственность в соответствии с разделом 45(1) Закона, поскольку они не могут действовать с преступным умыслом. Тем не менее, они могут нести косвенную ответственность в соответствии с разделом 49 Закона за неправомерное поведение лиц, нанятых им (пост. № 7 от 30 декабря 1959 г., Пленум на ВС).

50. Одним из предварительных условий гражданской ответственности в соответствии с разделами 45—50 Закона является противоправность оспариваемого поведения (реш. № 567 от 24 ноября 1997 г. по гр.д. № 775/1996 г., ВС, петчленен състав).

ПРАВО

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

A. Предполагаемое неисчерпание внутренних средств правовой защиты

51. Государство-ответчик утверждало, что компания-заявитель не исчерпала доступные для нее средства правовой защиты в соответствии с болгарским законодательством согласно требованиям пункта 1 статьи 35 Конвенции. Невзирая на то, что в качестве юридического лица она не имела права требовать компенсацию в рамках Закона об ответственности государства за ущерб от 1988 года, она могла бы предъявить такое требование в соответствии с разделом 45 Закона об обязательствах и договорах от 1951 года. После вынесения решения на всех трех уровнях судебных инстанций в ее пользу, отклонения иска Городской прокуратуры Софии и ее признания в качестве законного владельца отеля она могла бы потребовать компенсацию за невозможность использования и управления имуществом в период действия решения прокуроров.

52. Компания-заявитель утверждала, что она могла бы воспользоваться средством правовой защиты, предложенным государством-ответчиком, только в том случае, если бы решения прокуроров были отменены. Тем не менее, они не были отменены в соответствии с апелляциями к вышестоящим прокурорам, а также отсутствовала какая-либо возможность для их отмены судом, о чем свидетельствуют доводы Городского суда Софии в его решении от 11 февраля 1998 года.

53. Власти третьей стороны -утверждали, что, поскольку они не были ознакомлены с точной формулировкой правовых норм, на которые ссылается государство-ответчик, они предположили, что такие нормы применяются к отношениям между частными лицами. Таким образом, было неясно, представили ли они достаточные основания для привлечения государства к ответственности за прокурорскую деятельность. Также не является очевидным, что компания-заявитель могла при данных обстоятельствах подать в суд на Администрацию Софии за нарушение условий договора.

54. Прежде всего, Суд отмечает, что было признано государством-ответчиком, что средство компенсации в соответствии с разделом 1 Закона об ответственности государства за ущерб от 1988 года не было доступно для компании-заявителя в период рассматриваемых событий, поскольку заявитель являлся юридическим лицом, в то время как производство по этому Закону могло быть инициировано (в период до 1 января 2006 года) только физическими лицами (см. пункты 46 и 47 выше).

55. Что касается средства правовой защиты, на которое указало государство-ответчик — деликтный иск на основании раздела 45(1) Закона об обязательствах и договорах от 1951 года (см. пункт 48 выше), Суд отмечает, что в соответствии с болгарским законодательством правонарушителем в рамках данного положения может быть только физическое лицо, а не юридическое лицо (см. пункт 49 выше). Отсюда следует, что компания-заявитель не могла предъявить иск против государства или Городской прокуратуры Софии в рамках данного положения. Даже если предположить, что

компания-заявитель могла бы подать в суд на прокуроров, которые принимали решения по рассматриваемому вопросу, в своем личном качестве, что довольно сомнительно (см. пункт 36 выше), в соответствии с прецедентным правом- Суда преследование частного лица не может рассматриваться в качестве средства правовой защиты в отношении действия со стороны государства (см. постановление Европейского Суда от 29 ноября 1991 года по делу «Пайн Вэли Девелопментс Лтд и другие против Ирландии» (Pine Valley Developments Ltd and Others v. Ireland), Серия А № 222, стр. 22, пункт 48; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» (Iatridis v. Greece), жалоба № [31107/96](#), в конце пункта 47, ECHR 1999-II).

56. Поскольку государство-ответчик может считаться утверждавшим, что компания-заявитель была вправе предъявить требование в соответствии с разделом 49 Закона об обязательствах и договорах от 1951 года, в котором рассматривается ответственность за неправомерное поведение другого лица, Суд отмечает, что, по-видимому, одним из предварительных условий для успешного судопроизводства в соответствии с болгарским законодательством является установление противоправности поведения, обусловившего возникновение ущерба (см. пункт 50 выше). Тем не менее, нет никаких оснований предполагать, что рассматриваемые решения прокуроров противоречили болгарскому законодательству. Они были оставлены в силе вышестоящими прокурорами, в то время как суды отказались бы рассматривать их законность по гражданскому иску, например, по деликтному иску, как это следует из доводов по решению Городского суда Софии от 11 февраля 1998 года (см. пункты 10, 11, 17 и 19 выше). Таким образом, представляется, что любое такое требование не имело бы шансов на успех. Суд также отмечает, что государство-ответчик не ссылалось на какие-либо решения национальных судов или доктринальные взгляды в подтверждение своих доводов о том, что такое требование предусматривает эффективное средство правовой защиты в данных обстоятельствах, в то время как власти, заявляя о неисчерпании, должны были заверить Суд в том, что средство правовой защиты, на которое они указывают, было эффективным и доступным в теории и на практике в соответствующий период времени (см., в качестве последнего источника, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдович против Италии» (Sejdovic v. Italy), жалоба № [56581/00](#), пункт 46, ECHR 2006-...).

57. Из этого следует, что возражение государства-ответчика должно быть отклонено.

В. Предполагаемая утрата статуса потерпевшей стороны компанией-заявителем

58. Государство-ответчик утверждало, что жалоба, поданная в Суд, была спорной, поскольку компания-заявитель выиграла дело, инициированное против нее Городской прокуратурой Софии.

59. Компания-заявитель утверждала, что ее жалоба связана с фактами о том, что судебный пересмотр не был доступен в отношении решений прокуроров, препятствующих ей осуществлять свои имущественные права, и что она не могла использовать отель и управлять им, а также получить компенсацию за такой ущерб. Решения национальных судов по иску, предъявленному Городской прокуратурой Софии, не касались этих вопросов, так как они не являлись частью предмета дела-.

60. Власти третьей стороны не представили комментариев по этому вопросу-.

61. Суд считает, что доводы государства-ответчика должны быть приняты в качестве подтверждения того, что компания-заявитель утратила свой статус потерпевшей стороны в соответствии со статьей 34 Конвенции в связи с успешным завершением гражданского процесса, инициированного против нее. Тем не менее, Суд отмечает, что жалоба компании в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 относится к решениям органов прокуратуры, которые препятствовали осуществлению ее имущественных прав. Данные решения не являлись частью вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, инициированного против компании, поскольку Городской суд Софии отказался рассматривать ходатайство о признании их незаконности (см. пункт 19 выше). Очевидно, что прекращение действия решений органов прокуратуры после и, возможно, в результате завершения таких процессов привело к прекращению вмешательства в имущественные права компании. Тем не менее, это не исключает переходную невозможность пользоваться и управлять отелем в течение более двух лет (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 25 ноября 2003 года по делу «Потоп против Румынии» (Potoș v. Romania), жалоба № [35882/97](#), пункт 37). Кроме того, жалобы компании касаются не только вмешательства в ее имущественные права, а также предполагаемой невозможности в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в обеспечении судебного пересмотра решений органов прокуратуры, вынесенных в отношении такого вмешательства (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брумареску против Румынии» (Brumărescu v. Romania), жалоба № [28342/95](#), пункт 50, ECHR 1999-VII). Следовательно, благоприятный исход разбирательства по отмене договора приватизации не обеспечивает получение какого-либо возмещения в отношении предполагаемых нарушений по настоящему делу.

62. Следует также отметить, что власти не признавали в какой-либо момент, прямо или по существу, предполагаемые нарушения.

63. Следовательно, второе возражение государства-ответчика должно быть отклонено аналогичным образом.

С. Решение Суда о приемлемости

64. Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно не-обоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что (как указано выше) она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

65. Компания-заявитель подала жалобу на основании пункта 1 статьи 6 Конвенции на то, что решения органов прокуратуры о вмешательстве в ее право на использование своего имущества, не могут быть пересмотрены судом.

66. Соответственно, пункт 1 статьи 6 гласит:

«При определении гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, каждый имеет право на справедливое и открытое заседание, которое проводится в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

А. Доводы сторон

67. Государство-ответчик утверждало, что решения органов прокуратуры могли быть обжалованы вышестоящим прокурором. Они также могли быть пересмотрены судом, когда производство по уголовному делу достигло стадии судебного разбирательства, в то время как было очевидно, что не существовало какой-либо возможности их судебного пересмотра до указанной стадии. С другой стороны, как только национальные суды отклонили иск, поданный Городской прокуратурой Софии, в рамках вынесения окончательного решения, все ранее действовавшие решения органов прокуратуры прекратили свою силу и действие. Требования компании-заявителя об отмене таких решений, вынесенных соответствующими органами, таким образом, были нецелесообразными. Указанные решения были лишены силы в рамках гражданского судопроизводства, в отношении которого была обеспечена соответствующая возможность доступа к суду.

68. Компания-заявитель оспорила утверждение государства-ответчика о том, что решения органов прокуратуры могли быть пересмотрены судом. Это имело отношение только к уголовному, а не гражданскому судопроизводству по настоящему делу, что было очевидно в результате отказа Городского суда Софии в рассмотрении ходатайства Администрации Софии о вынесении декларативного решения. В решениях судов в рамках гражданского процесса, инициированного против компании, не рассматривался вопрос о законности решений органов прокуратуры, и фактически такие решения не были отменены.

69. Власти третьей стороны -утверждали, что, как представляется, не имелось возможности судебного пересмотра решений органов прокуратуры, поскольку они могли быть обжалованы в иерархическом порядке только вышестоящим прокурором. По их словам, предполагаемое косвенное влияние решений судов, вынесенных в рамках производства по делу об аннулировании договора приватизации, было недостаточным.

В. Оценка Суда

1. Применимость

70. Первым вопросом, подлежащим решению, является применимость пункта 1 статьи 6.

(а) Уголовное обвинение

71. Суд отмечает, что меры, принятые Городской прокуратурой Софии, не были связаны с признанием виновности, а скорее были предусмотрены, как это представляется из формулировки положений, на которых они основывались, и

приведенных причин, для предотвращения в будущем совершения преступлений и защиты общественных интересов в рамках процесса приватизации (см. пункты 8, 15, 37 и 38 выше). Таким образом, они не были сопоставимы с уголовным наказанием (см., с учетом соответствующих изменений, Решение Европейского Суда по делу «Аркури и другие против Италии» (*Arcuri and Others v. Italy*), жалоба № [52024/99](#), ECHR 2001-VII, с последующими ссылками). Кроме того, из материалов дела не следует, что какие-либо соответствующие уголовные обвинения были предъявлены против служащих компании-заявителя или какой-либо третьей стороны. Даже если предположить, что имеет место в данном отношении, вышеизложенное не обуславливает применение пункта 1 статьи 6 в рамках уголовного аспекта в отношении компании-заявителя (см. постановление Европейского Суда от 24 октября 1986 года по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (*AGOSI v. the United Kingdom*), Серия А № 108, стр. 22, в конце пункта 65).

(b) Гражданские права и обязанности

72. Остается установить, касались ли меры, принятые Городской прокуратурой Софии против компании-заявителя, ее гражданских прав и обязанностей в значении пункта 1 статьи 6 (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 25 октября 1989 года по делу «Аллан Якобссон против Швеции» (*Allan Jacobsson v. Sweden*) (№ 1), Серия А № 163, стр. 19-21, пункты 66-74). Суд отмечает, что приостановление исполнения договора о приватизации и выселение компании-заявителя из отеля имело очевидное и решающее влияние на ее способность использовать и управлять отелем, что, несомненно, представляло собой осуществление гражданского права (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 18 февраля 1991 года по делу «Фредин против Швеции» (*Fredin v. Sweden*) (№ 1), Серия А № 192, стр. 20, пункт 63). Суд также считает, что реальный спор существовал, в частности, в связи с вопросом о законности решений Городской прокуратуры Софии: в вышестоящих органах прокуратуры компания-заявитель, а также Администрация Софии утверждали, что данные решения не соответствовали правовым нормам (см. пункты 10, 11, 26 и 28 выше; см. также постановление Европейского Суда от 28 июня 1990 года по делу «Скербю против Швеции» (*Skärby v. Sweden*), Серия А № 180-В, стр. 37, в конце пункта 28). Исход данного спора, который был решен исключительно на различных уровнях органов прокуратуры, имел решающее значение для осуществления компанией права на использование и управление отелем. Из этого следует, что пункт 1 статьи 6 в рамках гражданского процесса является применимым.

2. Соответствие

73. Исходя из положений пункта 1 статьи 6 следует, что при определении гражданских прав и обязанностей решения, принимаемые властями, которые не удовлетворяют соответствующим требованиям, подлежат последующему контролю со стороны судебного органа, который обладает полной юрисдикцией в их отношении (см., среди прочих источников, постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 года по делу «Фишер против Австрии» (*Fischer v. Austria*), Серия А № 312, стр. 17, пункт 28; и постановление Европейского Суда по делу «Кредитный и индустриальный банк против Чешской Республики» (*Credit and Industrial Bank v. the Czech Republic*), жалоба № [29010/95](#), пункт 68, ECHR 2003-XI (выдержки)).

74. Таким образом, первый вопрос, который должен быть решен Судом, является следующим: могли ли различные участвующие органы прокуратуры при данных обстоятельствах рассматриваться как судебные органы, соответствующие требованиям пункта 1 статьи 6. Эта оценка должна быть проведена безотносительно к их роли в уголовном судопроизводстве, в котором они явно не являются единственными органами такого рода, поскольку множество полномочий не может само по себе исключать то, что органы прокуратуры считаются судебными органами в отношении некоторых из них (см. постановление Европейского Суда от 30 ноября 1987 года по делу «Х. против Бельгии» (*H. v. Belgium*), Серия А № 127-В, стр. 35, пункт 50).

75. Суд в рамках пункта 1 статьи 6 характеризуется в основном значением данного термина в соответствии со своей судебной функцией, то есть в отношении решения вопросов в рамках своей компетенции на основе принципа верховенства права и после проведения разбирательства в предписанном порядке (там же, стр. 34, пункт 50). Он также должен удовлетворять ряду требований — независимость, в частности, в отношении исполнителей, беспристрастность, срок действия полномочий его членов и гарантии, предоставляемые порядком производства — некоторые из которых представлены в тексте пункта 1 статьи 6 Конвенции (см., в качестве последнего источника, постановление Европейского Суда от 21 июля 2005 года по делу «Михайлов против Болгарии» (*Mihailov v. Bulgaria*), жалоба № [52367/99](#), пункт 37, с последующими ссылками).

76. Суд отмечает отсутствие зависимости Прокуратуры от органов исполнительной власти, а также тот факт, что прокуроры назначаются на те же сроки и пользуются теми же иммунитетами, что и судьи (см. пункт 33 выше). Однако эти факты не имеют определяющего значения, поскольку независимому и беспристрастному суду в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции присущи и другие важные характеристики, такие как гарантии соблюдения судебной процедуры (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 1985 года по делу «Бентем против Нидерландов» (*Benthem v. the Netherlands*), Серия А № 97, стр. 18, в самом начале пункта 43), что отсутствует в данном случае. В этой связи, в первую очередь, следует отметить, что Городская прокуратура Софии принимала спорные решения по своей инициативе, тогда как суд сначала, как правило, компетентен принимать решение по делу при условии, если оно было передано на его рассмотрение другим лицом или организацией. Более того, как представляется, решения по делу не должны были приниматься — и фактически не принимались — с соблюдением какой-либо процедуры, предусматривающей участие заинтересованного лица, то есть компании-заявителя. Закон не предусматривал проведения заседания по делу и не устанавливал правил по таким вопросам, как приемлемость доказательств или порядок проведения заседания (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Х.», стр. 35, пункт 53). И, наконец, из формулировок соответствующих правовых норм (см. пункты 37 и 38 выше) можно сделать вывод о том, что Городская прокуратура Софии пользовалась большой свободой усмотрения при принятии решений, что едва ли можно назвать совместимым с принципами верховенства права и правовой определенности, являющимися неотъемлемыми характеристиками судебного разбирательства (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда по делу «Совтрансавто Холдинг против Украины» (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*), жалоба № [48553/99](#), пункт 82, ECHR 2002-VII).

77. Следует признать, что указанные решения могли быть обжалованы вышестоящим прокурорам. Однако вышестоящие прокуроры состоят в иерархических отношениях подчиненности с Городской прокуратурой Софии (см., с учетом соответствующих изменений, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Бентем», стр. 18, в конце пункта 43) и являются частью одной и той же централизованной системы, во главе которой стоит Генеральный прокурор (см. пункт 34 выше; см. также, с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 22 мая 1998 года по делу «Василеску против Румынии» (Vasilescu v. Romania), Сборник постановлений и решений 1998-III, стр. 1075-76, пункт 40; а также, в качестве примера обратного, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Х. против Бельгии», стр. 35, пункт 51). В связи с этим Суд отмечает, что им был выявлен (пусть и в другом контексте) тот факт, что аналогичные жалобы, подаваемые в прокурорские инстанции разного уровня, не являются эффективным средством правовой защиты в значении статьи 13 Конвенции, поскольку они, среди прочего, состоят в иерархических отношениях (см. постановление Европейского Суда от 8 июля 2004 года по делу «Джангозов против Болгарии» (Djangozov v. Bulgaria), жалоба № [45950/99](#), пункт 56; и постановление Европейского Суда от 23 сентября 2004 года по делу «Османов и Юсейнов против Болгарии» (Osmanov and Yuseinov v. Bulgaria), жалобы №№ [54178/00](#) и [59901/00](#), пункт 39). Более того, как представляется, процедура обжалования не сопровождалась необходимыми процедурными гарантиями (см. пункт 42 выше; а также вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Х. против Бельгии», стр. 35, пункт 53).

78. Суд далее отмечает, что в своем постановлении по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (Assenov and Others v. Bulgaria) он установил, что болгарских прокуроров нельзя рассматривать в качестве должностных лиц, уполномоченных на основании закона осуществлять судебную власть в значении пункта 3 статьи 5 Конвенции, поскольку впоследствии они могут выступать в рамках уголовного судопроизводства против лица, в отношении которого они утвердили решение о заключении под стражу (см. постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии», Сборник постановлений и решений 1998-VIII, стр. 2298-99, пункты 144-50). По мнению Суда, сходную аргументацию следует применять и в данном деле. Городская прокуратура Софии по своему усмотрению приняла решения о приостановке исполнения договора приватизации и выселении компании-заявителя из отеля. Затем прокуратура во исполнение своих полномочий, предоставленных ей пунктом 1 статьи 27 ГПК, предъявила гражданский иск с целью признания вышеуказанного договора о приватизации недействительным (см. пункты 8, 15 и 18 выше). Таким образом, прокуратуру вряд ли можно считать в достаточной мере беспристрастной в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 28 сентября 1995 года по делу «Прокола против Люксембурга» (Procola v. Luxembourg), Серия А № 326, стр. 16, пункт 45). Сказанное справедливо в отношении вышестоящих прокуратур, которые оставили в силе указанные решения и в дальнейшем действовали против компании-заявителя в рамках судебного разбирательства по делу, переданному в Апелляционный суд Софии и в Верховный кассационный суд (см. пункты 23 и 24 выше). Сам по себе тот факт, что сотрудники прокуратуры выступали в защиту общественных интересов, не следует рассматривать как наделяющий их статусом судебного органа или статусом независимых и беспристрастных субъектов (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 30 марта

2004 года по делу «Мерит против Украины» (Merit v. Ukraine), жалоба № [66561/01](#), пункт 63).

79. В свете вышеизложенного, Суд приходит к выводу о том, что в сложившихся обстоятельствах органы прокуратуры не могут рассматриваться в качестве независимых и беспристрастных судебных органов, предоставляющих гарантии, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

80. Следовательно, в целях обеспечения соответствия вышеуказанным требованиям решения прокурорских органов должны подвергаться процедуре пересмотра со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой юрисдикции. Тем не менее, как отметил Суд, внутригосударственное право, как явствует из формулировок соответствующих правовых норм и из их трактовки Высшим административным судом, исключает процедуру пересмотра решений, принятых органами прокуратуры в осуществление своих полномочий, предоставленных в соответствии с законодательными нормами, которыми они руководствовались и в этом деле (см. пункты 41 и 43 выше).

81. Невзирая на то, что, по утверждению государства-ответчика, следственные действия по делу, инициированному Городской прокуратурой Софии в отношении компании-ответчика, производились с должной степенью тщательности, Суд отмечает, что Городская прокуратура Софии явно отказалась рассматривать вопрос о законности решений органов прокуратуры, принятых в рамках следственных действий (см. пункт 19 выше). Это вполне естественно, поскольку рассматриваемый в данном случае вопрос — был ли договор приватизации с участием компании-заявителя заключен на явно невыгодных условиях — коренным образом отличался от тех случаев, когда изучался вопрос о законности оспариваемых решений прокуроров. Следовательно, при вынесении решений суды не касались этого вопроса ни в описательных, ни в резолютивных частях. Таким образом, Суд не может принять довод государства-ответчика о том, что указанное судебное разбирательство можно рассматривать как в некотором роде апелляцию против решений Городской прокуратуры Софии (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 24 ноября 1997 года по делу «Вернер против Австрии» (Werner v. Austria), Сборник постановлений и решений 1997-VII, стр. 2511, пункт 49). Тем не менее, в итоге представители Городской прокуратуры Софии признали недействительность данных решений (см. пункты 31 и 32 выше). Однако это ни при каких обстоятельствах не было непосредственным результатом судебного постановления, принятого в ходе разбирательства по данному делу.

82. Суд также не может принять утверждение государства-ответчика о том, что судебный пересмотр возможно реализовать путем обжалования прокурорских решений в уголовном процессе при достижении стадии судебного разбирательства. Подобные решения не принимались кроме как до возбуждения уголовного дела, и государство-ответчик не приводит примеры из практики национальных судов, -которые указывали бы, что они действительно могут быть пересмотрены в ходе таких судебных разбирательств. Наоборот, судебная практика Высшего административного суда демонстрирует, что лишь ограниченное число прокурорских решений, вынесенных после возбуждения уголовного дела, были пересмотрены судом, как это прямо предусматривается УПК (см. пункт 43 выше). Наличие предполагаемого средства судебной защиты должно быть несомненным, невозможность его использования означает недостаточный уровень доступности и эффективности, которые являются

обязательными в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 28 апреля 2005 года по делу «И.Д. против Болгарии» (I.D. v. Bulgaria), жалоба № [43578/98](#), пункт 54; и постановление Европейского Суда от 24 ноября 2005 года по делу «Капитал Банк АД» против Болгарии» (Capital Bank AD v. Bulgaria), жалоба № [49429/99](#), пункт 106).

83. Таким образом, Суд пришел к выводу о том, что по прокурорским решениям, имеющим решающее значение для установления факта владения и использования компанией-заявителем отеля как минимум до окончания рассмотрения гражданского иска против компании-заявителя, не проводилось тщательного судебного изучения, как того требуют положения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

84. Последний вопрос, который следует разрешить, является следующим: означала ли невозможность прибегнуть к процедуре пересмотра указанных решений ограничение права на доступ к правосудию, которое закреплено в положениях пункта 1 статьи 6 (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Капитал Банк АД» против Болгарии», пункт 109). Суд в этой связи обратил внимание на то, что государство-ответчик не привело никаких доводов в оправдание ограничения права на доступ к правосудию. Представленное Высшим административным судом обоснование для отказа в удовлетворении заявлений о судебном пересмотре решений органов прокуратуры как неприемлемых было основано на аргументах о статусе прокуратуры (см. пункт 43 выше). Однако, как было указано выше, Суд пришел к выводу о том, что Прокуратура не отвечает требованиям, предъявляемым к независимому и беспристрастному органу правосудия в значении положений пункта 1 статьи 6 Конвенции. При указанных обстоятельствах Суд не выявил оправданных причин для исключения процедуры судебного пересмотра решений прокуратуры, которые затрагивают, как в настоящем деле, гражданские права и обязанности.

85. Следовательно, по настоящему делу имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

86. По мнению компании-заявителя факты, лежащие в основе ее жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, также служат основанием для выявления нарушения статьи 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

87. Суд не считает необходимым выносить решение по вышеизложенным доводам, поскольку, если заявленное право является гражданским, требования статьи 13 являются менее строгими и покрываются требованиями пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Аллан Якобссон» (№ 1), стр. 21, пункт 78; постановление Европейского Суда по делу «Василеску», стр. 1076, пункт 43; и постановление Европейского Суда по делу «Капитал Банк АД», пункт 121, указанные выше).

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1

88. Компания-заявитель подала жалобу на то, что приостановление исполнения договора приватизации и ее выселение из отеля было незаконным. Она руководствовалась положениями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.»

A. Доводы сторон

89. Государство-ответчик утверждало, что компания-заявитель не была лишена права собственности на отель, которое она уже получила в силу договора приватизации, в ее отношении действовал только запрет на использование и управление отелем в течение ограниченного периода времени. После завершения гражданского процесса, инициированного против нее, она получила свободный доступ к отелю.

90. По мнению государства-ответчика, нормативные положения, которые служили в качестве основы для принятия оспариваемых прокурорских решений, были достаточно очевидными и предсказуемыми и исключали какие-либо незаконные действия. Кроме того, цель решений была законной, и средства, используемые для этой цели, были соразмерными. Соответствующие нормативные положения определили общие правила. Они предоставили органам прокуратуры полномочия на принятие всех необходимых мер по противодействию совершению уголовных преступлений, включая запрет в отношении средств, которые могли бы быть использованы для совершения преступления. Поскольку владение имуществом могло само по себе, в некоторых случаях, когда соответствующие положения в отношении приватизации были нарушены, являться уголовным преступлением, власти обязаны были вмешаться. Предупреждаемое преступление могло быть совершено компанией-заявителем. В то же время только средства, используемые для установления, совершили ли муниципальные должностные лица нарушения, обусловили приостановление исполнения договора приватизации. Право прокуроров ходатайствовать об аннулировании договора в случае, если нарушены общие правила, существовало и в других правовых системах. Например, в рамках французской правовой системы прокуроры также могли обратиться с иском для защиты общих интересов. Практика Болгарии в области приватизации, таким образом, полностью совместима с общепризнанными принципами недействительности. Поскольку определение общих интересов должно осуществляться национальными властями, а именно законодательной и судебной властью, рассматриваемые положения соответствуют требованиям Конвенции. Предписанные процедуры обеспечивали достаточные средства защиты против незаконных действий, такие как возможность подать апелляцию в вышестоящие органы прокуратуры и суд в случае, если уголовное дело

достигло стадии судебного разбирательства. Отсутствие приостанавливающего действия апелляций не лишало их эффективности. Кроме того, все вышестоящие прокуроры поддерживали рассматриваемые решения в полном их объеме как законные. Ходатайство компании-заявителя об отмене таких решений после окончания гражданского судопроизводства, инициированного против нее, было необоснованным, поскольку данные решения уже тогда были недействительными.

91. Компания-заявитель утверждала, что она не оспаривала полномочия прокурора на принятие мер в целях противодействия совершению преступлений, как таковых. Тем не менее, такие полномочия должны базироваться на достаточных основаниях при условии контроля, не должны осуществляться в нарушение частных интересов, а также должны сопровождаться гарантиями против произвольного правоприменения. В течение более чем семи лет компетентные прокуроры не указали преступление, которое они пытались предотвратить, они не определили, кто совершил его и почему было необходимо осуществлять конфискацию в отношении отеля, чтобы предотвратить такое преступление. Ни одно уголовное обвинение не было предъявлено судом. Ни одно уголовное дело не было возбуждено против компании-заявителя. Данный вариант не был доступен в соответствии с болгарским законодательством в любом случае, поскольку юридические лица не могут нести уголовную ответственность. Наконец, не могло быть представлено каких-либо доводов в отношении того, что решения органов прокуратуры стали спорными после завершения гражданского судопроизводства против компании-заявителя; компания надлежащим образом потребовала их отмены.

92. Власти -третьей стороны утверждали, что государство-ответчик не представило какой-либо информации или материалов, таких как решения национальных судов, которые могли бы указать с некоторой степенью определенности объем полномочий прокуроров в соответствии с положениями, которыми они руководствовались в рамках настоящего дела. Эти положения определили общие правила для противодействия совершению уголовных преступлений. Вместе с тем было неясно, какое преступление, если таковое имеется, могло быть совершено компанией-заявителем при владении отелем. С другой стороны, не было представлено аргументов в отношении того, что соответствующие уголовные дела были возбуждены в отношении должностных лиц Администрации Софии или служащих компании-заявителя.

В. Оценка Суда

1. Объем жалобы

93. Прежде всего, Суд отмечает, что жалоба компании-заявителя не касалась гражданского судопроизводства, инициированного против нее Городской прокуратурой Софии, а рассматривала только решения прокуратуры о приостановлении исполнения договора приватизации и выселении компании из отеля, который она приобрела. Значит отсутствует необходимость рассматривать, как это было предложено государством-ответчиком, полномочия прокуроров на требование аннулирования судами договоров приватизации, якобы заключенных в нарушение интересов государства. Суд, соответственно, ограничивает рассмотрение жалобы оспариваемыми решениями Городской прокуратуры Софии.

2. Применимость статьи 1 Протокола № 1

94. Сторонами, представшими перед Судом, не оспаривалось то, что обжалуемые решения представляют собой вмешательство в беспрепятственное пользование имуществом компании-заявителя. Тем не менее, стороны разошлись во взглядах относительно точной природы такого вмешательства.

95. Суд отмечает, что выселение компании из отеля представляло собой временное ограничение ее права на использование и не влекло за собой перехода права собственности. Следовательно, нельзя считать, что дело предусматривает лишение собственности (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Европейского Суда от 5 мая 1995 года по делу «Эйр Кэнада» против Соединенного Королевства» (*Air Canada v. the United Kingdom*), Серия А № 316-А, стр. 15-16, пункт 33).

96. Кроме того, как следует из аргументации по рассматриваемым решениям и соответствующих обстоятельств, выселение должно было предотвратить распродажу государственных активов на якобы явно неблагоприятных условиях (см. пункты 6-8 и 15 выше). В качестве таковой данная мера представляла собой контроль за использованием собственности. В этой связи, по настоящему делу применим второй пункт статьи 1 Протокола № 1 (там же, стр. 16, пункт 34).

3. Соблюдение статьи 1 Протокола № 1

97. Первоочередное и наиболее важное требование статьи 1 Протокола № 1, независимо от того, какое из правил применимо, представляет собой требование о том, что любое вмешательство государственных органов власти в беспрепятственное пользование имуществом должно быть законным: второе предложение первого пункта допускает лишение имущества только «в соответствии с условиями, предусмотренными законом», и второй пункт устанавливает, что государства имеют право контролировать использование собственности путем применения «законов». Кроме того, верховенство права, один из основных принципов демократического общества, присуще всем статьям Конвенции (см., постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иатридис против Греции» (*Iatridis v. Greece*), жалоба № [31107/96](#), пункт 58, ECHR 1999-II; постановление Европейского Суда по делу «Карбонара и Вентура против Италии» (*Carbonara and Ventura v. Italy*), жалоба № [24638/94](#), пункт 63, ECHR 2000-VI; и вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Капитал Банк АД», пункт 133).

98. Требование законности в рамках Конвенции означает не только соблюдение соответствующих положений внутригосударственного права, но и совместимость с принципом верховенства права. Таким образом, предусматривается, что правила внутригосударственного права должны быть достаточно точными и предсказуемыми (см. постановление Европейского Суда от 22 сентября 1994 года по делу «Хентрич против Франции» (*Hentrich v. France*), Серия А № 296-А, стр. 19-20, пункт 42; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (*Beyeler v. Italy*), жалоба № [33202/96](#), пункт 109, ECHR 2000-I). Это также подразумевает, что закон должен обеспечивать меры правовой защиты от произвольного вмешательства государственных органов власти в права, гарантированные Конвенцией (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда

по делу «Капитал Банк АД», пункт 134, с последующими ссылками). Это противоречило бы принципу верховенства права в отношении судебного усмотрения, предоставленного властям в областях, затрагивающих основные права, выраженные в рамках неограниченной власти. Следовательно, закон должен указывать пределы любого такого усмотрения и способ его осуществления с достаточной ясностью с целью предоставления пострадавшим физическим и юридическим лицам адекватных средств защиты от произвольного вмешательства (см., с учетом соответствующих изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (Hasan and Chaush v. Bulgaria), жалоба № [30985/96](#), пункт 84, ECHR 2000-XI, с последующими ссылками). Наконец, понятия законности и верховенства права в демократическом обществе предусматривают, что меры, затрагивающие основные права человека, должны сопровождаться соответствующими процессуальными средствами защиты. При установлении того, было ли выполнено это условие, для полного представления должны быть приняты во внимание соответствующие процедуры (см., постановление Европейского Суда от 24 октября 1986 года по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства», Серия А № 108, стр. 19, пункт 55; вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Хентрич», стр. 21, пункт 49; и постановление Европейского Суда по делу «Джокела против Финляндии» (Jokela v. Finland), жалоба № [28856/95](#), пункт 45, ECHR 2002-IV).

99. Положения, которыми руководствовалась Городская прокуратура Софии при вынесении распоряжения о приостановлении исполнения договора приватизации и выселении компании-заявителя из отеля, а именно ранее действовавший пункт 1 статьи 185 УПК и раздел 119(1)(6) Закона о судебной власти от 1994 года, скорее касаются ситуаций, когда необходимо изымать реальные предметы, которые могут использоваться для совершения уголовного преступления или предназначаться для использования в незаконной деятельности (см. пункты 37 и 38 выше). По словам компании-заявителя, а также Администрации Софии, решения Прокуратуры по рассматриваемому делу не подпадали под сферу действия этих положений и были, таким образом, незаконными с точки зрения болгарского законодательства (см. пункты 10, 11, 17, 19 и 91 выше). По мнению государства-ответчика, само по себе обладание вещью может представлять собой преступление, соответственно, такие решения были законными (см. пункт 90 выше). Суд считался бы осуществляющим полномочия национальных судов, если бы попытался сделать авторитетное заявление по этому вопросу внутригосударственного права. Однако в соответствии с Конвенцией необходимо определить, предусматривает ли такое право с достаточной ясностью основные полномочия органов власти (см. постановление Европейского Суда от 2 августа 1984 года по делу «Малоун против Соединенного Королевства» (Malone v. the United Kingdom), Серия А № 82, стр. 36, пункт 79). В этой связи, отмечается, что вышеупомянутые нормативные положения применяли, в частности, неопределенные условия (см. пункты 37 и 38 выше), что обусловило практическую невозможность предсказать, при каких условиях компетентные прокуроры решили действовать и какие меры они будут принимать в случае, когда, по их мнению, в отсутствие независимого контроля, преступление могло быть совершено. Очевидно, что множество законов неизбежно формулируется в рамках условий, которые в большей или меньшей степени являются неопределенными, а толкование и применение которых являются вопросами практики. Тем не менее, отсутствует опубликованная -прецедентная практика, с помощью которой можно истолковать и определить точное значение рассматриваемых положений, по всей вероятности из-за невозможности судебного пересмотра соответствующих решений органов

прокуратуры (см. пункты 41 и 43 выше). В результате, эти правила, которые, как представляется, относятся к общему применению, выступают в качестве универсальных правил, предоставляя Прокуратуре неограниченное право усмотрения действовать любым способом, который она считает нужным, что может в некоторых случаях иметь серьезные и далеко идущие -последствия для прав частных лиц и организаций (см. пункт 39 выше). Данное право усмотрения и сопутствующее отсутствие адекватных процессуальных средств защиты, таких как основные процессуальные нормы и, как уже установлено Судом (см. пункты 77, 78 и 81-83 выше), пересмотр решений со стороны независимого органа, а также возникающая в результате неясность и неопределенность полномочий Прокуратуры в данной области приводят Суд к выводу о том, что минимальная степень правовой защиты, на которую физические и юридические лица имеют право в соответствии с принципом верховенства права в демократическом обществе, отсутствует. Отсюда следует, что вмешательство во владение компанией-заявителем своим имуществом не было законным в значении статьи 1 Протокола № 1.

100. Данный вывод делает ненужным установление того, были ли соблюдены другие требования этого положения (см., вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Иатридис», пункт 62).

101. Следовательно, в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

102. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет о том, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

103. Компания-заявитель потребовала сумму в размере 2 729 660 долларов США в качестве компенсации имущественного ущерба. Эта сумма разделена следующим образом:

- (i) сумма в размере 140 618 долларов США в отношении неимущественного ущерба, который отель понес за два года, в течение которых он не функционировал. Согласно экспертному заключению, составленному фирмой, оценивающей ущерб, 75% здания непригодны для использования, а 82% — 90% оборудования находятся в нерабочем состоянии;
- (ii) сумма в размере 2 587 827 долларов США в отношении упущенной выгоды. Эта сумма была получена на основании другого экспертного заключения, составленного бухгалтерской фирмой;
- (iii) сумма в размере 1 214 долларов США в отношении недостающего оборудования, что определено в первом экспертном заключении.

104. Компания-заявитель утверждала, что заявленный ущерб явился прямым результатом ее выселения из отеля и следствием того факта, что здание было оставлено без присмотра. Было составлено два экспертных заключения, в первом был описан и оценен ущерб, причиненный отелю в конце 1999 года, а в другом — оценивалась упущенная выгода, возникающая в результате невозможности функционирования отеля в период 1997-99 годов.

105. Государство-ответчик утверждало, что требования компании-заявителя не соответствовали прецедентному праву- Суда в отношении конфискации активов на срок ведения судебного разбирательства. В соответствии с таким прецедентным правом- компенсация не причитается за периоды, в течение которых часть имущества была изъята, даже прокурором. Следовательно, государство не обязано возмещать предполагаемую упущенную выгоду, возникающую в результате выселения, в ходе рассмотрения гражданского иска, предъявленного против компании-заявителя. Единственным периодом, в отношении которого компания-заявитель могла обоснованно требовать компенсацию, являлся период после отклонения иска в окончательном решении. Тем не менее, было очевидно, что никакого вмешательства в ее имущество не имело места в рассматриваемое время, поскольку решения органов прокуратуры стали неактуальными после благоприятного окончания гражданского судопроизводства. Кроме того, требование компании-заявителя было явно завышено и основано на недостоверных экспертных заключениях. Первое экспертное заключение, подготовленное компанией-заявителем и относящееся к имущественному ущербу, причиненному отелю, не было подписано, а только скреплено печатью. Другое экспертное заключение, связанное с предполагаемой упущенной выгодой, не определяло основную методику, как это было принято для таких заключений, и не было подкреплено доказательствами. Оно также не было подписано. Поскольку не было обозначено лица, ответственного за достоверность выводов, содержащихся в экспертных заключениях, они не могут считаться достойными доверия.

106. В обстоятельствах данного дела Суд считает, что вопрос о применении статьи 41 Конвенции пока не может быть решен в отношении имущественного ущерба, и оставляет его нерешенным с учетом того, что, возможно, будет достигнуто соглашение между государством-ответчиком и компанией-заявителем (пункт 1 правила 75 Регламента Суда).

В. Расходы и издержки

107. Компания-заявитель потребовала возмещение в размере 5 505 долларов США в качестве расходов и издержек, которые она понесла. Эта сумма разделена следующим образом:

- (i) сумма в размере 165 долларов США за юридическое сопровождение в течение пяти с половиной часов в Городской и Апелляционной прокуратуре Софии и сумма в размере 1 985 долларов США за юридическое сопровождение в течение семидесяти семи -часов в рамках разбирательства в Страсбурге по ставкам 5, 10, 30 долларов США в час, в зависимости от вида работы;
- (ii) сумма в размере 2 000 долларов США за предоставление экспертных заключений об ущербе, понесенном компанией-заявителем;
- (iii) сумма в размере 1 060 долларов США за расходы на перевод (-180 долларов США и 240 болгарских левов за перевод вышеуказанных экспертных заключений, а также 1 080 болгарских левов за перевод других документов);

- (iv) сумма в размере 115 долларов США на почтовые расходы;
- (v) сумма в размере 80 долларов США на расходы на копирование, телефон и факс.

108. Государство-ответчик не представило своих комментариев.

109. В соответствии с -прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если он доказал, что эти расходы были понесены фактически, они были необходимыми и обоснованными по размеру. В данном деле, принимая во внимание имеющиеся сведения и указанные выше критерии, а также осуществив конвертацию суммы требования компании-заявителя в евро, Суд считает обоснованным присудить сумму в размере 2 400 евро плюс любой взимаемый налог, которая покрывает судебные издержки, расходы на перевод документов, за исключением экспертных заключений, почтовые расходы и расходы на копирование, телефон и факс (см. подпункты (i), (iii), (iv) и (v) в пункте 107 выше).

110. Что касается заявленной суммы в отношении экспертных заключений и их перевода на английский язык (см. подпункты (ii) и (iii) в пункте 107 выше), Суд считает, что эта часть требования компании-заявителя в отношении возмещения расходов и затрат тесно связана с ее иском о компенсации имущественного ущерба, и, соответственно, не готов решить данный вопрос. В этой связи, Суд также оставляет нерешенным вопрос о применении статьи 41 Конвенции, поскольку в нем рассматриваются аспекты в отношении расходов в связи с экспертными заключениями и их переводом (см., постановление Европейского Суда от 12 января 2006 года по делу «Кехайя и другие против Болгарии» (*Kehaya and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ [47797/99](#) и [68698/01](#), пункт 97).

С. Проценты за просрочку платежа

111. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД:

1. единогласно признал жалобу приемлемой;
2. единогласно постановил, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
3. постановил шестью голосами против одного, что отсутствует необходимость принимать решение в отношении утверждения о нарушении статьи 13 Конвенции;
4. единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
5. единогласно постановил:
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить компании-заявителю в течение трех месяцев с даты, в которую постановление вступает в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, сумму в размере 2 400 (двух тысяч четырехсот)

евро в счет компенсации судебных расходов и затрат, которая должна быть конвертирована в болгарские левы по курсу, действующему на дату оплаты, плюс любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

(b) что по истечении -вышеуказанного трехмесячного срока и до осуществления окончательной выплаты на указанную сумму начисляются простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;

6. единогласно постановил, что вопрос о применении статьи 41 Конвенции пока не может быть решен, поскольку в нем рассматриваются аспекты в отношении имущественного ущерба и расходов в связи с экспертными заключениями и их переводом;

соответственно,

(a) оставил нерешенным указанный вопрос;

(b) предложил государству-ответчику и компании-заявителю представить в течение шести месяцев с даты, в которую постановление вступает в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, свои письменные замечания по данному вопросу и, в частности, уведомить Суд о любом соглашении, которое может быть достигнуто ими;

(c) отложил дополнительные процедуры и передал Председателю Палаты право на их определение, при необходимости;

7. единогласно отклонил остальные требования компании-заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 15 июня 2006 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

3.5 Дело «Фризен против России» (Frizen v Russia)

Жалоба № 58254/00
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ
24 марта 2005 года
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ
30 ноября 2005 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ [58254/00](#)), поданной 24 марта 2000 года в Европейский Суд против Российской Федерации гражданкой России Ниной Ивановной Фризен (далее — «заявитель») в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»).
2. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») были представлены П. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.
3. Заявитель жаловалась на нарушение ее права собственности в связи с тем, что автомобиль, законной собственницей которого она являлась, был изъят у нее без каких-либо законных на то оснований.
4. Жалоба была направлена в Первую Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках указанной Секции в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Европейского Суда была образована Палата, которая должна была рассматривать дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции).
5. 4 декабря 2003 года Европейский Суд объявил жалобу приемлемой.
6. 1 ноября 2004 года в состав Секций Европейского Суда были внесены изменения (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Данная жалоба подлежала рассмотрению новым составом Первой Секции (пункт 1 правила 52 Регламента Суда).
7. Ни заявитель, ни Власти Российской Федерации не представили письменных замечаний по существу данного дела. Палата приняла решение не проводить слушаний по делу (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель 1951 года рождения в настоящее время проживает в г. Красноярске.
9. В январе 1995 года общество с ограниченной ответственностью «Телемедиасервис» (далее — «ТМС») приняло заявителя на работу на должность бухгалтера.

А. Договор кредитования

10. В 1996 году компания «ТМС» предоставила заявителю беспроцентный кредит на покупку автомобиля марки «Тойота Ланд Крузер». Условия кредита были установлены в договоре кредитования от 10 июня 1996 года, подписанном заявителем и генеральным директором компании «ТМС» г-ном Евсеевым. Кредит, размер которого составлял 266 847 000 российских рублей[*] (далее — «рубли»), был предоставлен на срок восемьдесят четыре месяца. 13 июня 1996 года вся сумма была переведена непосредственно на банковский счет продавца автомобиля.

11. 30 сентября 1996 года Государственная автоинспекция Красноярского края зарегистрировала приобретенный автомобиль на имя заявителя.

12. Согласно документу, выданному в неустановленную дату новым генеральным директором компании «ТМС» г-жой Яковлевой, в счет погашения кредита заявителем были произведены семь выплат по 3 200 рублей (деноминированных) в период с июня 1996 года по январь 1997 года и одна дополнительная выплата в размере 490 рублей в мае 1999 года, что в сумме составило 22 890 рублей.

В. Уголовное дело в отношении мужа заявителя

13. 27 ноября 1998 года Центральный районный суд г. Красноярска признал г-на Евсеева и мужа заявителя г-на Фризена виновными в совершении мошенничества в крупных размерах. Заявитель проходила по данному делу в качестве свидетеля. Суд установил, что подсудимые, занимая руководящие должности в государственной телекоммуникационной компании «МТТС», основали компанию «ТМС», которая выступала в качестве посредника по вопросам поставки телекоммуникационного оборудования для компании «МТТС». Подсудимые использовали денежные средства компании «МТТС» для осуществления авансовых платежей по договорам, подписанным компанией «ТМС», на приобретение телефонов, которые затем продавали компании «МТТС» по завышенной цене. Районный суд установил: «Фризен и Евсеев, работая на руководящих должностях в МТТС, похитили путем злоупотребления доверием денежные средства [компании «МТТС»], которыми они распорядились по своему усмотрению. Более того, их родственники одновременно работали и в «ТМС», и в «МТТС» и получали зарплату в обеих компаниях. Суд установил, что... зарплата сотрудникам «ТМС», кредиты и дивиденды выплачивались из средств, полученных от [компании «МТТС»]».

14. Центральный районный суд г. Красноярска отметил, что заявитель не представила следователю договор кредитования, и указал:

«Как было установлено, кредиты на приобретение автомобилей предоставлялись Евсееву и [заявителю] незаконно, за счет денежных средств [компании «МТТС»], без оформления соответствующей документации, суд считает необходимым обратить автомобили в возмещение ущерба».

15. Центральный районный суд г. Красноярска приговорил г-на Фризена и г-на Евсеева к четырем годам лишения свободы с конфискацией принадлежащего им имущества. В возмещение причиненного ущерба суд обязал их выплатить 4 076 387 рублей, а также принял решение о конфискации наличных средств компании «ТМС» и автомобилей заявителя и г-на Евсеева.

С. Гражданское разбирательство по иску заявителя

16. В декабре 1997 года автомобиль заявителя был конфискован. 12 апреля 1999 года из квартиры заявителя были изъяты некоторые предметы домашнего обихода.

17. Заявитель обратилась в суд с заявлением об исключении из описи конфискованного имущества ее предметов домашнего обихода и автомобиля.

18. 23 августа 1999 года Октябрьский районный суд г. Красноярска удовлетворил требования заявителя в части, касающейся домашнего имущества, но оставил без удовлетворения в части, касающейся конфискации автомобиля, указав:

«Судом установлено, что 10 июня 1996 года между компанией «ТМС» и [заявителем] был заключен договор кредитования, по которому [заявителю] был предоставлен кредит в размере 266 847 000 рублей ... Действительно, согласно справке-счету от 9 июля 1996 года и копии паспорта транспортного средства вышеуказанный спорный автомобиль был записан на имя [заявителя]. Однако суд не может признать состоятельными доводы истца и представленные им документы о том, что спорный автомобиль принадлежит ему ..., поскольку согласно приговору Центрального районного суда г. Красноярска от 27 ноября 1998 года ... кредит на приобретение данного автомобиля был представлен незаконно, вследствие чего автомобиль был обращен в возмещение ущерба».

19. 6 октября 1999 года судебная коллегия по гражданским делам Красноярского краевого суда, рассмотрев кассационную жалобу заявителя, оставила без изменения судебное решение от 23 августа 1999 года. Краевой суд обосновал необходимость конфискации автомобиля следующим образом:

«Суд [первой инстанции] обоснованно отказал в удовлетворении требований [заявителя], ... поскольку обстоятельства, подтверждающие приобретение автомобиля на личные (заемные) средства [заявителя], не нашли своего подтверждения... Доказательства использования заемных средств на приобретение автомобиля отсутствуют, кредит погашался только за счет начисленной [заявителю] заработной платы, последнее удержание имело место 1 января 1997 года».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

20. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает:

«Статья 243 — Конфискация

1. В случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация).

2. В случаях, предусмотренных законом, конфискация может быть произведена в административном порядке. Решение о конфискации, принятое в административном порядке, может быть обжаловано в суд».

21. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает, что «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления». Пункт (g) статьи 44 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает конфискацию в качестве одного из видов наказания. Статья 52 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет конфискацию имущества как «принудительное безвозмездное изъятие всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного».

22. Кодекс об административных правонарушениях РСФСР (действовавший в то время) предусматривал конфискацию предметов, которые были использованы при совершении административного правонарушения или были непосредственным предметом правонарушения.

23. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (действовавший в то время) предусматривал, что орудие, с помощью которого было совершено преступление, принадлежавшее обвиняемому (пункт 1 статьи 86), а также денежные средства и иные ценности, добытые преступным путем, подлежали конфискации, тогда как иные предметы должны быть возвращены их законным владельцам (пункт 4 статьи 86).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1

24. Заявитель утверждала, что ее автомобиль был изъят за преступление, в совершении которого она не обвинялась, без каких-либо на то законных оснований. Она ссылается на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

A. Доводы сторон

25. Заявитель утверждала, что она не выступала в качестве обвиняемой в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении ее мужа, и что она не причиняла тот ущерб, за который была привлечена к ответственности. В соответствии с приговором суда автомобиль был конфискован у ее мужа, который не являлся его собственником; более того, автомобиль не находился в совместной собственности супругов, поскольку был приобретен за счет средств заявителя. Действие договора кредитования, стороной которого она выступала, не было прекращено ни судом, ни самими сторонами, и заявитель до сих пор осуществляет платежи в счет погашения кредита.

26. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель была лишена своего имущества «в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом», при этом они не представили подробного объяснения, связанного с указанным доводом; кроме того, власти Российской Федерации указали, что подобное лишение являлось «необходимым» для возмещения ущерба, причиненного мужем заявителя. При этом они отметили, что подача данной жалобы в Европейский Суд «является злоупотреблением правом подачи жалоб, [поскольку] является попыткой вернуть имущество, конфискованное на основании приговора суда по уголовному делу против мужа заявителя».

В. Правило, подлежащее применению

27. Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции содержит три различных правила: первое правило, выраженное в первом предложении пункта 1 и являющееся общим правилом, устанавливает принцип беспрепятственного пользования имуществом; второе правило, содержащееся во втором предложении пункта 1, относится к лишению имущества и условиям такого лишения; третье правило, содержащееся в пункте 2, устанавливает, что Договаривающиеся государства вправе в том числе контролировать использование имущества в соответствии с общими интересами. При этом все три правила не являются обособленными и связаны между собой. Второе и третье правила в некоторой степени связаны с определенным вторжением в право на беспрепятственное пользование имуществом и должны толковаться в свете общего принципа, изложенного в первом правиле (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*), жалоба № [31443/96](#), пункт 134, ECHR 2004-...).

28. Европейский Суд отмечает, что «имуществом» в данном деле является автомобиль заявителя, которая выступает его единственным законным и зарегистрированным в установленном порядке собственником, и в отношении указанного автомобиля национальные суды приняли решение о конфискации. Сторонами не оспаривается то, что данное решение представляет собой вмешательство в право заявителя на беспрепятственное пользование имуществом, и, следовательно, что в данном деле применимы положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Необходимо установить, соответствует ли оспариваемая заявителем мера пунктам 1 и 2 указанной статьи.

29. Стороны не выработали четкой позиции относительно правила, закрепленного статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, в соответствии с которым надлежит рассматривать данное дело. Заявитель утверждала, что транспортное средство предназначалось только для ее личного пользования, а не для совершения преступления. Властями Российской Федерации не оспаривалось данное утверждение. Европейский Суд не видит оснований считать иначе, чем то, что данное дело не отличается от других дел, где внутригосударственные органы власти принимали решение о конфискации материальных ценностей, являвшихся предметом преступления (*objectum sceleris*) (см., например, постановление Европейского Суда от 24 октября 1986 года по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (*AGOSI v. the United Kingdom*), Серия А № 108, пункт 51), или посредством которых было совершено преступление (*instrumentum sceleris*), даже когда такие ценности принадлежали третьим лицам (см., например, решение Европейского Суда от 26 июня 2001 года по делу «С.М. против Франции» (*C.M. v. France*), жалоба № [28078/95](#); и постановление Европейского Суда от 5 мая 1995 года по делу «Эйр Кэнада» против

Соединенного Королевства» (*Air Canada v. the United Kingdom*), Серия А № 316-А, пункт 34).

30. Далее Власти Российской Федерации указали, что причиной принятия решения о конфискации послужило то, что машина была приобретена на незаконно полученные денежные средства. Заявитель указала, что она не должна была привлекаться к ответственности за ущерб, причиненный ее мужем.

31. Что касается дохода, полученного в результате совершенного преступления (*productum sceleris*), Европейский Суд напоминает, что им рассматривалось дело, где решение о конфискации имущества было принято в результате уголовного преследования заявителя, судебного разбирательства по его делу и вступившего в силу обвинительного приговора в отношении него (см. постановление Европейского Суда по делу «Филлипс против Соединенного Королевства» (*Phillips v. the United Kingdom*), жалоба № [41087/98](#), пункты 9—18, ECHR 2001-VII), а также иные дела, где независимо от исхода уголовного дела применялась конфискация имущества заявителей, предположительно приобретенного незаконным способом (см. решение Европейского Суда от 4 сентября 2001 года по делу «Риела и другие против Италии» (*Riela and Others v. Italy*), жалоба № [52439/99](#); решение Европейского суда от 5 июля 2001 года по делу «Аркури и другие против Италии» (*Arcuri and Others v. Italy*), жалоба № [52024/99](#); и постановление Европейского Суда от 22 февраля 1994 года по делу «Раймондо против Италии» (*Raimondo v. Italy*), Серия А № 281-А, пункт 29) или предназначенного для использования в незаконной деятельности (см. решение Европейского Суда от 27 июня 2002 года по делу «Батлер против Соединенного Королевства» (*Butler v. the United Kingdom*), жалоба № [41661/98](#)). В первой ситуации Европейский Суд признал, что конфискация представляет собой «штраф» в значении пункта 2 статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. указанное выше постановление Европейского Суда по делу «Филлипс против Соединенного Королевства», пункт 51, и, с учетом необходимых изменений, постановление Европейского Суда от 9 февраля 1995 года по делу «Уэлч против Соединенного Королевства» (*Welch v. the United Kingdom*), Серия А № 307-А, пункт 35), тогда как в других делах он устанавливал, что вмешательство необходимо рассматривать с точки зрения права властей государства-ответчика «контролировать использование имущества в общих интересах» (см. указанные выше постановления Европейского Суда). Что касается данного дела, Европейский Суд полагает, что нет необходимости выяснять, попадает ли оно в первую или вторую категорию, поскольку в любом случае к нему применимы положения второго пункта статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

С. Соответствие данного дела требованиям пункта 2

32. Необходимо установить, соответствовало ли вмешательство внутригосударственному праву государства-ответчика и было ли достигнуто «справедливое равновесие» между требованиями общих интересов и требованиями защиты основных прав личности (см., среди прочих, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бывший король Греции и другие против Греции» (*Former King of Greece and Others v. Greece*), жалоба № [25701/94](#), пункт 89, ECHR 2000-XII, с последующими ссылками).

33. В связи с этим, Европейский Суд напоминает, что первым и наиважнейшим требованием статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции является то, что любое

вмешательство со стороны государственного органа власти в беспрепятственное пользование лицом своим имуществом должно быть «законным»: второй пункт указанной статьи устанавливает, что власти государства-ответчика вправе контролировать использование имущества посредством выполнения «законов». Более того, верховенство права как один из фундаментальных принципов демократического общества присуще всем статьям Конвенции. Следовательно, вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями общих интересов и требованиями защиты основных прав личности может подниматься только тогда, когда будет установлено, что вмешательство законно и не является произвольным (см. постановление Европейского Суда от 25 марта 1999 года по делу «Иатридис против Греции» (*Iatridis v. Greece*), Сборник постановлений и решений 1999-II, пункт 58).

34. Европейский Суд полагает, что рассуждения о наличии общественного интереса при конфискации автомобиля заявителя, даже имеющие отношение к данному делу, не освобождают внутригосударственные органы власти от обязанности привести юридическое обоснование такой мере. Европейский Суд отмечает, что национальные суды ни в рамках уголовного дела в отношении мужа заявителя, ни в ходе гражданского судебного разбирательства по ее иску не указали ни одного положения законодательства Российской Федерации, оправдывающего подобную конфискацию.

35. Более того, в своих замечаниях по вопросу приемлемости и по существу жалобы от 2 июля 2003 года Власти Российской Федерации не указали прямо или посредством ссылки, на основании каких норм законодательства Российской Федерации было принято решение о конфискации автомобиля заявителя. Далее ими также не были представлены письменные замечания по существу дела.

36. Европейский Суд напоминает, что его полномочия по контролю за соблюдением положений внутригосударственного права ограничены, поскольку именно первоочередной задачей властей государства-ответчика является толкование и применение закона. Следовательно, принимая во внимание постоянный отказ властей Российской Федерации назвать норму закона, которая легла в основу решения о конфискации собственности заявителя, Европейский Суд приходит к выводу о том, что указанное вмешательство в право собственности заявителя не может рассматриваться как «законное» в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Данный вывод свидетельствует об отсутствии необходимости рассматривать вопрос о соблюдении справедливого равновесия между требованиями общих интересов и требованиями защиты основных прав личности.

37. Следовательно, в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

38. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет о том, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

39. Европейский Суд отмечает, что в соответствии с правилом 60 Регламента Суда любое требование о выплате «справедливой компенсации» представляется в письменной форме в виде подробного перечня с приложением соответствующих подтверждающих документов или квитанций, «в противном случае Палата вправе отказать в удовлетворении требования полностью или частично».

40. 4 декабря 2003 года после признания данной жалобы приемлемой, Европейский Суд предложил заявителю представить свои требования о выплате «справедливой компенсации» до 2 февраля 2004 года. Однако к указанному сроку она не направила в Европейский Суд свои требования.

41. В данных обстоятельствах Европейский Суд решил не присуждать заявителю «справедливую компенсацию» в соответствии со статьей 41 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. постановил, что в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;
2. решил не присуждать «справедливую компенсацию» в соответствии со статьей 41 Конвенции.

3.6 Дело «Новиков против России» (Novikov v Russia)

Жалоба № 35989/02
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ
8 июня 2009 года
ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ
06 ноября 2009 года

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ [35989/02](#)), поданной 2 июля 2002 года в Европейский Суд против Российской Федерации гражданином России Андреем Георгиевичем Новиковым (далее — «заявитель») в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция»).

2. Заявитель, которому была предоставлена юридическая помощь, был представлен г-жой В. Бокаревой и г-ном М. Рачковским, практикующими адвокатами из г. Москвы. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») были представлены П. Лаптевым, бывшим Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 7 марта 2006 года Председатель Первой Секции Суда принял решение уведомить Власти о поданной жалобе. Было также решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 3 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель 1963 года рождения проживает в г. Благовещенске Амурской области.

A. Изъятие и хранение топлива

5. 30 ноября 1998 года сотрудниками Управления внутренних дел Амурской области был остановлен автомобиль. При осмотре автомобиля они обнаружили значительное количество авиационного топлива. Поскольку водитель не смог предъявить документы на перевозимое топливо, сотрудник милиции (офицер С.) изъясил 22 622 литра топлива. В дальнейшем указанное топливо было передано милицией на хранение в Белогорскую техническую школу, а позднее — в войсковую часть № 62266.

6. Поскольку топливо, как утверждалось, принадлежало частной компании «ОПИУМИК» (далее — «компания»), офицер С. потребовал от директора компании г-на П. представить документ, подтверждающий законность приобретения топлива. Г-н П. представил счет от 1 августа 1998 года. Тем не менее, против г-на П. было возбуждено уголовное дело по подозрению в подделке этого счета. Впоследствии прокурор г. Белогорска прекратил производство по указанному делу на том основании, что согласно Уголовному кодексу наказуема была подделка только официальных документов. О судьбе топлива решения принято не было.

7. Как можно видеть из выводов внутригосударственных судов (см. пункт 15 ниже), за это время офицер С. решил не возбуждать уголовное дело в отношении изъятого топлива. Однако 2 февраля 1999 года заместитель прокурора г. Белогорска отменил это решение и назначил дополнительное расследование. Отсутствуют какие-либо указания о том, что это расследование привело к какому-либо судебному преследованию или что было принято какое-либо решение в отношении изъятого топлива.

8. Вследствие этого компания попыталась вернуть себе топливо. Письмом от 17 мая 1999 года заместитель прокурора г. Белогорска сообщил компании, что топливо не было приобщено к уголовному делу против г-на П. в качестве доказательства, и поэтому никакого решения принимать не требовалось. Он предложил г-ну П. забрать топливо из Управления внутренних дел. Однако в неопределенную дату Управление внутренних дел Амурской области сообщило компании, что топливо было похищено во время его хранения в войсковой части.

9. Тем временем государственные органы пытались установить, кто из должностных лиц должен был нести ответственность за утрату топлива. Против офицера С. было возбуждено уголовное дело о злоупотреблении должностными полномочиями, так же как и против командира войсковой части и офицера Ст., который, как утверждалось, совершил растрату топлива в войсковой части. 18 декабря 1999 года военный прокурор г. Белогорска прекратил производство по делу против офицера Ст. и командира войсковой части, поскольку ничто не указывало на совершение ими уголовного правонарушения. 8 апреля 2000 года производство по делу против офицера С. было прекращено, поскольку его причастность к исчезновению топлива не была доказана.

10. Представляется, что после этого ни уголовное, ни какое-либо иное расследование не проводилось в связи с изъятым, но пропавшим топливом. Никаких новых требований в отношении него не выдвигалось ни компанией, ни каким-либо физическим или юридическим лицом. Также представляется, что компания не делала никаких попыток получить компенсацию после 17 мая 1999 года (см. пункт 8 выше). Вместо этого компания решила уступить соответствующие права требования заявителю (см. ниже).

В. Договор цессии

11. 26 октября 2001 года компания уступила заявителю права требования в отношении изъятого топлива. 25 ноября 2001 года стороны дополнили договор цессии, указав, что уступка включала в себя требование возмещения любого ущерба, причиненного государственными органами в связи с изъятием топлива, и возмещения любого неосновательного обогащения, возникшего в той же связи, а также требование возврата топлива. Дополненный договор также гласил, что его подписание «аннулировало долг компании в размере 50 000 российских рублей, возникший по договору от 20 октября 2000 года».

12. Компания уведомила Управление внутренних дел Амурской области о передаче права собственности. С 27 октября 2001 года заявитель безуспешно направлял в Управление внутренних дел требования вернуть топливо.

С. Производство в арбитражных судах

13. В ноябре 2001 года заявитель предъявил иск к Главному управлению Федерального казначейства Минфина РФ по Амурской области о возмещении ущерба, понесенного вследствие изъятия и утраты топлива. Арбитражный суд Амурской области указал, что надлежащим ответчиком должно являться Министерство внутренних дел РФ с согласия заявителя. Суд также позволил Управлению внутренних дел Амурской области, войсковой части и компании вступить в процесс в качестве третьих лиц.

14. Решением от 14 марта 2002 года Арбитражный суд Амурской области отказал заявителю в иске. Суд решил следующее:

«По договору цессии от 26 октября 2001 года компания «ОПИУМИК» передала все свои права на топливо [заявителю]... Уступка требования не противоречила статьям 158, 388 и 389 ГК РФ... Изъятие топлива производилось в связи с возбуждением уголовного дела в отношении г-на П...

[У]головное дело в отношении офицера С. было прекращено... Данное топливо было незаконно присвоено офицером Ст., в отношении которого возбуждалось уголовное дело, прекращенное 18 декабря 1999 года...

[О]тветственность сотрудника МВД РФ за незаконное изъятие топлива компании должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда по уголовному делу. Арбитражный суд в силу статьи 22 АПК РФ не вправе давать оценку законности или незаконности действий (бездействия) органов предварительного следствия и прокуратуры.

Истцом не представлено доказательств того, что изъятие топлива, произведенное сотрудником Управления внутренних дел Амурской области, признано судом незаконным и что утрата топлива произошла по вине [этого офицера].

Исковые требования удовлетворению не подлежат в связи с отсутствием в данном случае вины лица, которое, как утверждает, причинило ущерб».

15. Заявитель подал апелляционную жалобу на это решение, утверждая, что отсутствие приговора по уголовному делу в отношении офицера не имело значения и что ответчик и войсковая часть заключили договор хранения топлива, изъятых у компании. 15 апреля 2002 года апелляционная инстанция Арбитражного суда Амурской области оставила в силе решение от 14 марта 2002 года. Среди прочего, суд постановил, что:

«Действия офицера С. по осмотру и изъятию авиационного топлива не противоречат нормам законодательства... В результате проверки законности приобретения авиационного топлива офицером С. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое постановлением заместителя прокурора г. Белогорска от 2 февраля 1999 года отменено, и материалы направлены для дополнительной проверки...

Допущенные офицером С. нарушения уголовно-процессуальных норм при осмотре топлива и передаче его на хранение не находятся в прямой причинной связи с утратой топлива...».

Наконец, апелляционный суд сделал следующие замечания в отношении войсковой части:

«Войсковая часть № 62266 приняла изъятое топливо на ответственное хранение ... в соответствии с пунктом 2 статьи 84 УПК РСФСР. Согласно статье 906 ГК РФ между истцом и войсковой частью возникли гражданско-правовые обязательства по хранению топлива. В случае утраты топлива при таких условиях в соответствии с пунктом 1 статьи 902 ГК РФ убытки истцу должны возмещаться [войсковой частью], если законом не предусмотрено иное».

Постановление апелляционного суда вступило в силу в тот же день.

16. 11 июня 2002 года Арбитражный суд Дальневосточного округа, выступая в качестве кассационной инстанции по данному делу, оставил в силе решения нижестоящих судов от 14 марта и 15 апреля 2002 года. Суд отметил, что изъятие топлива было произведено вследствие отсутствия в момент изъятия документов, подтверждающих принадлежность топлива компании. Суд постановил, что вина сотрудника милиции в причинении ущерба истцу не была доказана последним.

Д. Производство в судах общей юрисдикции

17. Тем временем 29 апреля 2002 года заявитель подал иск в Благовещенский городской суд Амурской области, в том числе к войсковой части. Он требовал признать незаконным отказ государственных органов вернуть топливо или выплатить компенсацию.

18. Решением от 12 ноября 2003 года городской суд отклонил требования заявителя. Суд решил, что изъятие топлива было осуществлено офицером С. до начала производства по уголовному делу в силу необходимости срочного проведения следственных мероприятий, а именно осмотра места происшествия в соответствии с положениями УПК РСФСР (см. пункт 26 ниже). Городской суд также решил следующее:

«Как установлено решением арбитражного суда, в ходе изъятия топлива компания «ОПИУМИК» не представила какого-либо документа для подтверждения законности его приобретения. Позднее г-н П. представил поддельный счет, что послужило основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела. Договор от 2 ноября 1998 года между компанией «ОПИУМИК» и г-ном Г. о купле-продаже 22 622 литров топлива был представлен в данный суд. Он не может служить доказательством законности приобретения топлива, поскольку содержание этого договора не соответствует содержанию материалов прекращенного уголовного дела. Оно также не соответствует показаниям г-на П. в рамках уголовного дела, счету или экспертному заключению № 141-к от 17 февраля 1999 года, согласно которому рукописные обозначения на счете № 983 от 1 августа 1998 года были сделаны г-ном П. Суд отклоняет как необоснованное утверждение г-на П. о том, что документы, содержащиеся в уголовном деле, а также его показания были получены по принуждению. Кроме того, суд считает, что доводы г-на П. и [заявителя] направлены на оспаривание обстоятельств, существование которых было установлено вступившим в законную силу решением арбитражного суда, в частности, в отношении законности приобретения топлива компанией... Суд

приходит к выводу, что для подтверждения [этого] не было представлено никаких доказательств. Суд не принимает довод [заявителя] о том, что арбитражный суд подтвердил законность приобретения топлива; этот вопрос не ставился перед арбитражным судом...

Основания для возмещения ущерба, причиненного следственными органами, включая требование о возврате топлива, установлены в статьях 1069 и 1070 Гражданского кодекса. Эти основания были также рассмотрены арбитражными судами и не могут быть пересмотрены в настоящем деле. Обязательственные отношения не были установлены между [заявителем], с одной стороны, и войсковой частью, Министерством обороны РФ или Министерством внутренних дел РФ, с другой стороны. Таким образом, его требования... не подлежат удовлетворению».

Наконец, суд решил, что истцом был пропущен установленный статьей 256 ГПК РФ срок для обращения в суд общей юрисдикции.

19. 9 января 2004 года Амурский областной суд оставил решение в силе. Суд посчитал, что решением арбитражного суда от 14 марта 2002 года требования заявителя были отклонены в том числе вследствие непредставления им документов, подтверждающих законность приобретения топлива. Равным образом и суду общей юрисдикции не было представлено доказательств того, что компания являлась собственником топлива.

Е. Иные производства, не связанные с предыдущими судебными процессами

20. Арбитражный суд выдал частной компании исполнительный лист на получение денежной суммы от государственного предприятия. Компания не представила этот лист в установленный законом срок, вследствие чего судебные приставы отказались приводить решение суда в исполнение. Компания предъявила требования к заявителю, который впоследствии подал ходатайство в арбитражный суд с просьбой признать его кредитором в отношении присужденной судом суммы и восстановить срок для представления исполнительного листа. В 2002 году арбитражный суд отклонил оба ходатайства. Заявитель не подавал апелляционной жалобы.

21. Заявитель также подал ходатайство в суд общей юрисдикции с просьбой признать его кредитором в отношении присужденной судом суммы и присудить ему компенсацию понесенного ущерба. 26 февраля 2003 года Приморский краевой суд в качестве суда последней инстанции отклонил первое требование, поскольку по нему решение уже было принято 24 октября 2002 года вступившим в законную силу решением арбитражного суда. 12 марта 2003 года краевой суд в качестве суда последней инстанции отклонил требование о возмещении ущерба, поскольку право заявителя на такое требование не было подтверждено судом.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Гражданский кодекс

22. Гражданский кодекс Российской Федерации, действующий с 1 января 1995 года, предусматривал следующее:

Статья 1069. Ответственность за ущерб, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами

«Ущерб, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Ущерб возмещается за счет, соответственно, казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования».

Статья 1070. Ответственность за ущерб, причиненный незаконными действиями органов дознания и предварительного следствия, прокуратуры и судов

«1. Ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или судов в порядке, установленном законом.

2. Ущерб, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия или прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 1069 данного Кодекса...».

23. Статья 385 Кодекса устанавливала, что физическое или юридическое лицо, уступающее требование другому лицу, обязано передать новому кредитору документы, удостоверяющие право требования. 30 октября 2007 года Высший арбитражный суд издал информационное письмо, обобщающее существующую судебную практику по различным аспектам толкования и применения положений Гражданского кодекса в сфере уступки требований и обязательств. В частности, в нем отмечается, что недействительность уступки требования не ставится в зависимость от недействительности договора цессии. В то же время в нем отмечается, что недействительность такого договора является в соответствии со статьей 390 Гражданского кодекса основанием для привлечения cedent к ответственности цессионарием. Также по Гражданскому кодексу была допустима уступка будущего требования или требования, которое еще не существовало во время подписания договора цессии. Высший арбитражный суд также отметил, что уклонение cedent от передачи цессионарию документов, удостоверяющих переданное последнее право или требование, само по себе не свидетельствует о том, что данное право или требование не перешло цессионарию.

24. Согласно Гражданскому кодексу обязательство хранения вещей может возникать из договора (статья 886) или в силу закона (статья 906).

В. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

25. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1961 года, действовавший во время возникновения обстоятельств настоящего дела, предусматривал следующее:

Статья 84. Хранение вещественных доказательств

«... Вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле. Если те или иные доказательства в силу их громоздкости или иных причин не могут храниться в материалах уголовного дела, они должны быть сфотографированы; по возможности, должны быть скреплены печатью и храниться в месте, указанном следователем, прокурором, судом...».

Статья 85. Сроки хранения вещественных доказательств

«Вещественные доказательства хранятся до вступления приговора в законную силу или до истечения срока на обжалование постановления или определения о прекращении дела...

Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, которые не могут быть возвращены владельцу, сдаются в соответствующие учреждения для использования по назначению. При необходимости, они возмещаются владельцу предметами того же рода и качества, или последнему выплачивается их стоимость».

26. Статья 178 Кодекса предусматривает, что следователь может производить осмотр места происшествия, местности, помещений или предметов в целях обнаружения следов преступления или иных обстоятельств, имеющих значение для дела. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. В этих случаях, при наличии на то оснований, уголовное дело возбуждается незамедлительно после проведения осмотра места происшествия.

ПРАВО

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1

27. Ссылаясь на статьи 6 и 17 Конвенции и статью 1 Протокола № 1, заявитель жаловался на то, что государственные органы изъяли у него топливо, не вернули ему это топливо и что суды отказали ему в компенсации. Суд рассмотрит данную жалобу в соответствии со статьей 1 Протокола № 1, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на беспрепятственное пользование своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

А. Приемлемость

1. Исчерпание внутригосударственных средств правовой защиты

28. Власти утверждали, что заявитель должен был подать в арбитражные суды иск в отношении войсковой части.

29. Заявитель признал, что его иск от 2002 года, направленный в арбитражный суд, был подан в отношении Федерального казначейства Министерства финансов РФ, а третьей стороной в процессе выступало Управление внутренних дел Амурской области. Суд указал, что надлежащим ответчиком должно являться Министерство внутренних дел РФ, а также определил Управление внутренних дел Амурской области, Федеральное казначейство Министерства финансов РФ и войсковую часть в качестве третьих лиц в процессе (см. пункт 14 выше). Жалоба заявителя была рассмотрена арбитражными судами по существу. Таким образом, заявителя следует считать исчерпавшим внутригосударственные средства правовой защиты.

30. Суд отмечает, что в 2003 году заявитель подал иск к российским государственным органам, включая войсковую часть, в суды общей юрисдикции. Как городской, так и областной суд рассмотрели иски заявителя по существу и отклонили их как необоснованные. Аргументация, приведенная судами, не ограничивалась рассмотрением вопроса о соответствии иска заявителя формальным требованиям (см. пункт 18 выше). Европейский Суд считает, что, поскольку национальные суды рассмотрели содержание иска заявителя, нельзя сказать, что он не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты вследствие того, что он не подал иск к войсковой части с теми же требованиями в арбитражные суды (см. постановление Европейского Суда от 27 сентября 2007 года по делу «Джавадов против России» (*Dzhavadov v. Russia*), жалоба № [30160/04](#), пункт 27, с последующими ссылками). Ничто в доводах Властей не указывает на то, что при подаче такого же иска в арбитражные суды заявитель имел бы больше шансов на успех. Следовательно, жалоба не может быть объявлена неприемлемой на том основании, что не были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты.

2. Статус заявителя как «потерпевшей стороны» предполагаемого нарушения и наличие вмешательства и «имущество» в значении статьи 1 Протокола № 1

31. Власти также утверждали, что заявитель не был потерпевшей стороной предполагаемого нарушения в силу выводов, к которым пришли суды в решениях от 12 ноября 2003 года и 9 января 2004 года (см. пункт 18 выше). По сути, они утверждали в связи с этим, что заявитель не имел прав на топливо, и поэтому не мог иметь права подавать иски в отношении государственных органов.

32. Заявитель утверждал, что права компании или заявителя на топливо не оспаривались при рассмотрении дела в арбитражных судах. Решение суда общей юрисдикции от 12 ноября 2003 года не должно было противоречить соответствующим выводам арбитражного суда. Суд общей юрисдикции указал, что заявитель представил доказательства, подтверждающие право собственности на топливо; однако эти доказательства были отклонены как противоречащие выводам по уголовному делу.

33. Европейский Суд напоминает, что термин «потерпевшая сторона», используемый в статье 34 Конвенции, относится к лицу, непосредственно затронутому рассматриваемым действием или бездействием (см., помимо иных источников, постановление Европейского Суда от 22 июля 2008 года по делу «Мишкареа Продукэторилор Агриколи пентру Дрептуриле Омулуй против Румынии» (*Mișcarea Producătorilor Agricoli pentru Drepturile Omului v. Romania*), жалоба № [34461/02](#), пункт 34). Суд также напоминает, что статья 1 Протокола № 1 применяется только к существующему имуществу лица и не гарантирует права на приобретение имущества (см. постановление Европейского Суда от 13 июня 1979 года по делу «Маркс против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*), пункт 50, Серия А № 31). Следовательно, лицо, которое жалуется на нарушение права, гарантированного статьей 1 Протокола, должно сначала доказать, что такое право существовало; к «требованию» может быть применена эта статья только в том случае, если существует достаточно подтверждений того, что требование подлежит правовой защите (см. постановление Европейского Суда от 7 июня 2007 года по делу «ОАО «Плодовая Компания» против России» (*OAO Plodovaya Kompaniya v. Russia*), жалоба № [1641/02](#), пункт 27; постановление Европейского Суда от 6 июля 2006 года по делу «Жигалев против России» (*Zhigalev v. Russia*), жалоба № [54891/00](#), пункт 146; решение Европейского Суда от 24 октября 2006 года по делу «Ускова против России» (*Uskova v. Russia*), жалоба № [20116/02](#); и решение Европейского Суда от 8 июля 2004 года по делу «Грищенко против России» (*Grishchenko v. Russia*), жалоба № [75907/01](#)). Уступка долга в принципе может представлять собой такое «имущество» (см. решение Европейского Суда от 20 октября 2005 года по делу «Носов против России» (*Nosov v. Russia*), жалоба № [30877/02](#); постановление Европейского Суда от 13 октября 2005 года по делу «Герасимова против России» (*Gerasimova v. Russia*), жалоба № [24669/02](#), пункты 18—22; и постановление Европейского Суда от 3 апреля 2008 года по делу «Компания «Регент» против Украины» (*Regent Company v. Ukraine*), жалоба № [773/03](#), пункт 61; см. также решение Европейского Суда от 27 ноября 2008 года по делу «ООО «Русатоммет» против России» (*ООО Rusatommet V. Russia*), жалоба № [12064/04](#)). Таким образом, Суд должен установить, приобрел ли в данном случае заявитель по договору цессии «имущество» или «требование» в значении статьи 1 Протокола.

34. Европейский Суд отмечает прежде всего, что в 2002 году решениями арбитражных судов было установлено, что договор цессии соответствовал требованиям Гражданского кодекса. В них не содержится иных доводов или рассуждений по вопросу о праве собственности на топливо. Европейский Суд считает, что если бы этот вопрос был поставлен при производстве в арбитражных судах, то арбитражные суды непременно бы осветили его в своих решениях. Поскольку ни одна из сторон в процессе не оспаривала явным образом это право, суды всех трех уровней вели производство, считая при установлении и последующем подтверждении выводов по вопросам факта, что компания была законным собственником топлива.

35. Далее, Суд отмечает, что в 2003 году суд общей юрисдикции отклонил требования заявителя, придя к выводу, что последний не доказал, что у компании было какое-либо право на топливо до подписания договора цессии в отношении него. Суд первой инстанции решил, что договор о покупке топлива, заключенный в 1998 году между компанией и г-ном Г., не мог подтвердить законность приобретения топлива, поскольку договор «не соответствовал содержанию материалов прекращенного уголовного дела», а также иным материалам, в том числе показаниям директора компании, полученным в ходе уголовного производства. Городской суд отказался

принимать доводы г-на П. и заявителя о законности приобретения топлива, прямо указав, что это противоречило бы выводам по вопросам факта, к которым ранее пришли арбитражные суды. Однако в том же решении суд общей юрисдикции указал, что право собственности компании не оспаривалось в арбитражном суде. Как Суд уже отмечал выше, решения арбитражных судов не содержали выводов о праве собственности на спорное топливо.

36. Кроме того, Суд отмечает, что не существовало какого-либо иного судебного решения, которым было бы установлено отсутствие у компании права на топливо. Ни один суд не признал недействительными договоры купли-продажи и цессии в настоящем деле. Также представляется, что российское право не препятствовало уступке прав требования, возникающих из деликтов, в том числе и прав требования к государству. Хотя Суд отмечает, что договор купли-продажи 1998 года был представлен только в производстве 2003 года, он должен также отметить, что суд общей юрисдикции не представил какого-либо разъяснения в отношении того, в чем этот договор противоречил выводам, сделанным в ходе расследования по уголовному делу, которое закончилось прекращением уголовного дела о подделке документа, возбужденного против директора компании. Ничто не указывает на то, что в ходе уголовного производства был сделан вывод о том, что право собственности на топливо принадлежало не рассматриваемой компании, а иному юридическому лицу.

37. Наконец, отмечается, что статья 385 Гражданского кодекса устанавливала, что физическое или юридическое лицо, уступающее требование другому лицу, обязано передать новому кредитору документы, удостоверяющие право требования цедента (см. пункт 23 выше). Заявителю была предоставлена копия договора купли-продажи от 2 ноября 1998 года. Отмечается также, что по договору цессии от 26 октября 2001 года, дополненному 25 ноября 2001 года, компания уступила заявителю права в отношении изъятого топлива, включая право требования о возмещении любых убытков или ущерба, причиненного государственными органами в связи с изъятием топлива, и о возмещении любого неосновательного обогащения, возникшего в той же связи, а также право требования о возврате топлива. По мнению Суда, учитывая обстоятельства данного дела, от заявителя нельзя было требовать предоставления каких-либо иных документов, подтверждающих действительность уступленного ему права требования.

38. Европейский Суд, хотя и уделяет особое внимание субсидиарной природе своей роли, однако не связан выводами внутригосударственных судов и может отступать от них в тех случаях, когда в силу обстоятельств конкретного дела это становится неизбежным (см., например, постановление Европейского Суда от 21 февраля 2002 года по делу «Матиар против Турции» (*Matyar v. Turkey*), жалоба № [23423/94](#), пункт 108, и постановление Европейского Суда по делу «Хамидов против России» (*Khamidov v. Russia*), жалоба № [72118/01](#), пункт 135 и след., ECHR 2007-... (выдержки)). Учитывая обстоятельства настоящего дела, Суд считает, что заявителя можно рассматривать как имевшего подлежащее судебной защите право требования к государственным органам на основании договора цессии.

39. Таким образом, статья 1 Протокола № 1 применима в настоящем деле, и заявитель может в связи с этим утверждать, что он является потерпевшей стороной в значении статьи 34 Конвенции.

3. Выводы

40. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

41. Заявитель утверждал, что изъятие топлива было неправомерным, поскольку отсутствовало решение следователя или прокурора, принятое в соответствии со статьей 84 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР (см. пункт 25 выше). Кроме того, решение о прекращении производства против г-на П. не включало положений о необходимых действиях в отношении топлива в нарушение требований статьи 85 УПК. Статья 84 УПК регулировала отношения между государственными органами, хранителем движимого имущества и его владельцем, если спорное имущество было присоединено к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Спорное топливо не являлось таким доказательством. Соответственно, удержание топлива представляло собой лишение собственности. При этом ни изъятие, ни удержание топлива не преследовали законной цели.

42. Власти утверждали, что топливо было изъято для проведения расследования на основании статьи 178 УПК (см. пункт 26 выше). Данная мера представляла собой законный контроль за использованием собственности, а не лишение собственности. Власти считали, что арбитражный суд отклонил иск заявителя вследствие нарушения правил подведомственности, поскольку иски к офицерам Министерства внутренних дел, включая иски, возникающие, как утверждает, в результате неправомерного изъятия топлива в рамках уголовного производства, должны рассматриваться судами общей юрисдикции. Арбитражный суд указал, что заявитель должен был подать иски к войсковой части, а не к Министерству внутренних дел. Договор хранения регулировался статьей 84 УПК и статьей 906 Гражданского кодекса (см. пункты 24 и 25 выше). Согласно статье 902 Гражданского кодекса войсковая часть была обязана возместить любой ущерб, причиненный собственности заявителя.

2. Оценка Суда

43. Установив, что заявитель обладал «имуществом» согласно статье 1 Протокола № 1, Суд должен определить, соответствовало ли обжалуемое вмешательство требованиям данной статьи.

44. Европейский Суд не должен решать, представляли ли собой обстоятельства дела лишение собственности или контроль за ее использованием. Также он не должен определять, были ли расследование и изъятие топлива осуществлены в соответствии с нормами российского права. Даже предполагая, что упомянутые действия были законными и преследовали законную цель, Суд рассматривает тот факт, что государственные органы не вернули топливо и не выплатили компенсацию, как представляющий собой несоразмерные меры.

45. Европейский Суд напоминает, что необходимо установить разумное пропорциональное соотношение между используемыми средствами и целью, на достижение которой направлены любые меры, применяемые государством. Это требование выражается понятием «справедливое равновесие», которое должно быть установлено между общими интересами и необходимостью защиты основных прав человека (см. постановление Европейского Суда от 24 октября 2006 года по делу «Эдвардс против Мальты» (*Edwards v. Malta*), жалоба № [17647/04](#), пункт 69, с последующими ссылками).

46. Европейский Суд ранее отмечал, что из статьи 1 Протокола № 1 не следует, что освобождение заявителя от предъявленных обвинений по уголовному делу должно само по себе являться основанием для компенсации любых убытков, которые он, как утверждается, понес в результате изъятия его движимого имущества в ходе расследования (см. решение Европейского Суда от 7 ноября 2006 года по делу «Адамчик против Польши» (*Adamczyk v. Poland*), жалоба № [28551/04](#), и решение Европейского Суда от 26 сентября 2002 года по делу «Эндрюс против Соединенного Королевства» (*Andrews v. the United Kingdom*), жалоба № [49584/99](#); см. также, с учетом соответствующих изменений, решение Европейского Суда от 2 сентября 2008 года по делу «Симонян-Хейкинхейно против Финляндии» (*Simonjan-Heikinheino v. Finland*), жалоба № [6321/03](#)). Тем не менее, в постановлении Европейского Суда от 10 января 2008 года по делу «Карамитров и другие против Болгарии» (*Karamitrov and Others v. Bulgaria*) (жалоба № [53321/99](#), пункт 77) Суд решил со ссылкой на статью 13 Конвенции, что, «если государственные органы изымают и удерживают движимое имущество в качестве вещественных доказательств, во внутригосударственном законодательстве должна быть предусмотрена возможность подачи иска к государству и требования возмещения любого ущерба, причиненного в результате неспособности государственными органами сохранить указанное имущество в надлежащем состоянии» (ср. постановление Европейского Суда по делу «Судоходная компания Исламской Республики Иран против Турции» (*Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey*), жалоба № [40998/98](#), пункты 87, 96—103, ECHR 2007-...; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Иммобилиаре Саффи против Италии» (*Immobiliare Saffi v. Italy*), жалоба № [22774/93](#), пункты 46 и 57, ECHR 1999-V; постановление Европейского Суда по делу «Урбарска Обеч Тренчянске Бискупиче против Словакии» (*Urbárska Obec Trencianske Biskupice v. Slovakia*), жалоба № [74258/01](#), пункт 126, ECHR 2007-... (выдержки), а также постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «Жилищная ассоциация Аттики для инвалидов войны и жертв войны и другие против Греции» (*Housing Association of War Disabled and Victims of War of Attica and Others v. Greece*), жалоба № [35859/02](#), пункт 39).

47. Не оспаривается тот факт, что топливо не было прикреплено в качестве доказательства к уголовному делу против г-на П. или к любому другому уголовному делу, в частности, в связи с незаконным присвоением или кражей топлива (см. пункты 6—10 и 26 выше). Суд отмечает, и по этому вопросу нет спора между сторонами в отношении того, что топливо было либо использовано, либо утеряно по вине государственного органа, и этот факт был признан национальными судами. Несмотря на указанные выводы, российские суды не присудили заявителю какой-либо компенсации.

48. Несмотря на то, что вопросы толкования и применения внутригосударственного права находятся в ведении национальных судов, Европейский Суд не может не

отметить, что арбитражные суды и суды общей юрисдикции пришли к противоречащим друг другу выводам в отношении требований заявителя согласно общим положениям Гражданского кодекса о деликтной ответственности и его особым положениям, касающимся ответственности государства (см. пункт 22 выше).

49. Арбитражный суд рассмотрел и отклонил иск в силу отсутствия доказательств того, что изъятие топлива «было признано незаконным» и что офицер С. нес ответственность за его утрату. Апелляционный суд оставил в силе решение суда первой инстанции и постановил, что правонарушения, совершенные офицером С. в ходе расследования и изъятия топлива, не состояли в прямой причинной связи с утратой топлива или каким-либо ущербом, причиненным заявителю. Он установил, что заявитель не представил каких-либо доказательств того, что неправомерные действия со стороны ответчика, Министерства внутренних дел, причинили ему ущерб. Наконец, апелляционный суд решил, что заявитель и войсковая часть вступили в правоотношения согласно статье 906 Гражданского кодекса для хранения топлива (см. пункт 15 выше). Таким образом, он пришел к выводу о том, что за любой ущерб, причиненный топливу во время его хранения, должно было отвечать лицо, ответственное за хранение. Впоследствии суд кассационной инстанции оставил в силе решения нижестоящих судов. В связи с этим, Европейский Суд не может не отметить, что решение о привлечении Министерства внутренних дел в качестве надлежащего ответчика по иску заявителя было принято самим арбитражным судом, хотя и с согласия заявителя.

50. Следуя указаниям арбитражного суда, заявитель подал иск к войсковой части в суд общей юрисдикции. Однако в отличие от арбитражных судов городской суд в своем решении от 12 ноября 2003 года пришел к выводу о том, что между заявителем и государственными органами, включая войсковую часть, не существовало правоотношений (см. пункт 18 выше).

51. Из указанного выше следует, что, хотя заявитель имел возможность подать иск к государству, национальные суды пришли к противоречащим друг другу выводам в отношении фактических и правовых оснований требований заявителя о компенсации, при этом признавая тот факт, что невозможность возврата топлива имела место по вине государственного органа. В свете приведенных соображений Суд считает, что отказ российских судов присудить заявителю возмещение убытков, понесенных в результате того, что государственный орган не сохранил его собственность, представлял собой в обстоятельствах настоящего дела несоразмерное вмешательство в осуществление «права собственности» согласно статье 1 Протокола № 1.

52. Таким образом, имело место нарушение указанной нормы.

II. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель также жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции, состоявшее в том, что в 2002 году в ходе производства в арбитражном суде на него было возложено бремя доказывания вины государственных служащих в причинении понесенного им ущерба и что национальные суды указали Министерство внутренних дел РФ в качестве ответчика, а затем отклонили его иск в силу того, что требования должны были быть предъявлены к иному государственному органу.

54. Наконец, ссылаясь на не связанные с настоящим делом производства (см. пункты 20 и 21 выше), заявитель жаловался на то, что государственные органы не исполнили судебное решение и что ему было отказано в доступе к суду.

55. С учетом имеющихся в его распоряжении материалов дела и в той мере, в которой жалобы относятся к его компетенции, Суд считает, что никаких нарушений прав и свобод, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней, они не содержат. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

56. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет о том, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

57. Заявитель потребовал выплатить 452 440 российских рублей в счет стоимости топлива, изъятого государственными органами, и 109 490 рублей в счет инфляционных потерь за период с 1998 по 2006 годы. Также он требовал выплатить 1 809 790 рублей в счет компенсации неимущественного вреда.

58. Власти считали, что заявителю не следовало присуждать справедливой компенсации. Они утверждали, что его требование возмещения имущественного ущерба, равного стоимости топлива, должно было быть отклонено в силу выводов, к которым пришли суды общей юрисдикции. Присужденная сумма неимущественного вреда в любом случае не должна была превышать сумму, присужденную в постановлении Европейского Суда от 9 июня 2005 года по делу «Бакланов против России» (*Baklanov v. Russia*), жалоба № [68443/01](#), пункт 51.

59. Прежде всего, Европейский Суд повторно заявляет свои вышеприведенные выводы, состоящие в том, что с октября 2001 года заявитель имел действительное право требования в отношении топлива, которое было изъято государственными органами в 1998 году, и тот факт, что они его не вернули и не выплатили компенсацию, представлял собой несоразмерное вмешательство, нарушающее статью 1 Протокола № 1. Учитывая информацию, предоставленную заявителем и не оспариваемую Властями, Европейский Суд присуждает заявителю 13 300 евро в качестве компенсации имущественного ущерба, исходя из стоимости топлива плюс сумма налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму. В то же время Суд отклоняет как необоснованное требование заявителя о возмещении инфляционных потерь.

60. Наконец, Суд считает, что установление нарушения представляет собой справедливую компенсацию в части, касающейся удовлетворения требований заявителя о возмещении неимущественного вреда.

В. Расходы и издержки

61. Заявитель требовал присуждения ему 2 640 евро в счет оплаты услуг двух его представителей в Европейском Суде.

62. Власти считали, что заявитель не подавал соответствующих требований.

63. Суд отмечает, что каждый представитель требовал 1 320 евро за двадцать шесть часов работы. Отмечается, что сумма в размере 850 евро уже была выплачена адвокатам в рамках предоставления юридической помощи в соответствии с пунктом 1 правила 91 Регламента Суда. Заявитель не предоставил копии какого-либо соглашения, подтверждающего, что он понес указанные расходы или имел действительное обязательство по выплате какого-либо вознаграждения своим адвокатам (см. постановление Европейского Суда от 31 июля 2008 года по делу «Салманов против России» (*Salmanov v. Russia*), жалоба № [3522/04](#), пункт 98). В силу этого Суд отклоняет указанные требования заявителя.

С. Проценты за просрочку платежа

64. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Объявил жалобу приемлемой в части, касающейся несовершения государственными органами действий по возврату топлива или уплате компенсации, а в остальной части — неприемлемой;

2. постановил, что в данном деле имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции;

3. постановил,

(а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю сумму в размере 13 300 (тринадцать тысяч трехсот) евро в качестве компенсации имущественного ущерба плюс сумма налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму, конвертированную в российские рубли по курсу, существующему на дату уплаты;

(b) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и до осуществления окончательной выплаты на указанную сумму начисляются простые проценты в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта;

4. отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 18 июня 2009 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

3.7 Дело «ОАО «Плодовая компания против России»

Жалоба № [1641/02](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

7 июня 2007 г.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

12.11.2007

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было инициировано жалобой (№ [1641/02](#)), поданной против Российской Федерации в Европейский Суд 20 декабря 2001 г. в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») открытым акционерным обществом «Плодовая компания» (далее - «заявитель»), зарегистрированным в Российской Федерации.
2. Интересы заявителя в Европейском Суде были представлены М. де Гилленшмидтом, адвокатом, практикующим в Париже. Власти Российской Федерации (далее - «Власти») были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П. Лаптевым.
3. Заявитель утверждал, что вступившее в силу решение по его гражданскому делу, переданному в арбитражные суды, было отменено в порядке надзора в нарушение статей 6, 13 и 14 Конвенции и статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.
4. Решением от 23 мая 2006 г. Европейский Суд объявил жалобу приемлемой.
5. Заявитель и Власти представили дополнительные письменные замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Суда). После консультаций со сторонами Палата Европейского Суда решила, что нет необходимости в проведении устного слушания по существу дела (пункт 3 правила 59 Регламента Суда *in fine*), стороны представили свои письменные замечания.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. В 1966 году Министерство внешней торговли СССР создало Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Союзплодоимпорт». В состав имущества этого объединения входили права собственности на ряд товарных знаков алкогольной продукции (например, водка «Столичная», водка «Московская» и их производные).
7. 5 января 1990 г. объединение было реорганизовано во Всесоюзное внешнеэкономическое объединение «Союзплодоимпорт».
8. 20 января 1992 г. компания-заявитель была учреждена в форме закрытого акционерного общества. Оно было названо «Внешнеэкономическое акционерное общество закрытого типа «Союзплодоимпорт» (далее - ВАО «Союзплодоимпорт»), и зарегистрировано соответствующим государственным органом, а именно, Московской регистрационной палатой. Согласно своему уставу, она образовывалась несколькими

учредителями, в том числе и Всесоюзным внешнеэкономическим объединением «Союзплодоимпорт», которому принадлежали 3 880 акций из общего количества в 17 000 акций. Устав содержал положения, в соответствии с которыми компания-заявитель являлась «правопреемником» Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт».

9. В 1998 году компания-заявитель была преобразована в открытое акционерное общество.

10. 24 декабря 1999 г. общее собрание акционеров компании-заявителя утвердило новый устав компании. Наименование компании было заменено на ОАО «Плодовая Компания». Новый устав содержал положение о том, что компания-заявитель является правопреемником Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт».

11. В вышеуказанный период компания-заявитель уведомила орган, регистрирующий права на товарные знаки, что права на товарные знаки, принадлежавшие Всесоюзному внешнеэкономическому объединению «Союзплодоимпорт», перешли к ней в порядке правопреемства, и в результате компания-заявитель получила на свое имя сертификаты, удостоверяющие данные права. Впоследствии она использовала товарные знаки в качестве обеспечения при заключении ряда сделок с третьими лицами.

12. 31 октября 2000 г. заместитель Генерального прокурора Российской Федерации обратился в Арбитражный суд г. Москвы с иском о признании недействительным нового устава компании-заявителя, в частности, положения о правопреемстве.

13. 21 декабря 2000 г. Арбитражный суд г. Москвы признал положения устава компании-заявителя о правопреемстве недействительными. Суд установил, что компания-заявитель не имела законных оснований для объявления себя правопреемником Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт». Компания-заявитель является вновь созданной компанией, а не преобразованной из уже существующей. Суд отметил, что простого декларирования компанией-заявителем в своих учредительных документах недостаточно, чтобы она стала правопреемником другой компании. Суд также постановил, что, несмотря на то, что компания-заявитель *de facto* действовала как правопреемник в органах, осуществляющих регистрацию товарных знаков, и в арбитражных судах, это не имеет отношения к установлению правопреемства юридического лица.

14. 19 февраля 2001 г. апелляционная инстанция Арбитражного суда г. Москвы рассмотрела апелляционную жалобу компании-заявителя. Не рассматривая жалобу по существу, апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции и прекратила производство по делу в связи с тем, что у прокуратуры не имелось оснований обращаться с иском в суд. Судебное постановление вступило в законную силу в тот же день. Указанное судебное постановление не обжаловалось ни в кассационном порядке, ни в порядке отдельной апелляции.

15. 18 апреля 2001 г. Московская регистрационная палата зарегистрировала изменение названия Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт». Его новое название: Федеральное государственное унитарное предприятие «Внешнеэкономическое объединение Союзплодоимпорт».

16. 13 июня 2001 г. заместитель Генерального прокурора потребовал пересмотра в порядке надзора постановления от 19 февраля 2001 г.

17. Компания-заявитель была вызвана на заседание в суд надзорной инстанции, однако, судебная повестка не была ей вручена, поскольку указанную компанию невозможно было найти по ее официальному адресу. Представители компании-заявителя узнали о судебном заседании, представили письменные замечания по существу дела и приняли участие в судебном заседании.

18. 16 октября 2001 г. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации рассмотрел дело в порядке надзора. Компания-заявитель была представлена своим президентом, который представил устные замечания по делу.

19. Президиум отменил постановление от 19 февраля 2001 г. и оставил в силе решение суда первой инстанции от 21 декабря 2000 г. В отношении процессуального аспекта он указал, что прокуратура имеет право в соответствии с законом представлять Государство при рассмотрении дел арбитражными судами, если затронуты государственные или общественные интересы. Президиум отметил, что судом рассматривался вопрос о государственной собственности, что являлось достаточным основанием для участия органов прокуратуры в рассмотрении дела. По существу дела Президиум поддержал вывод о том, что компания-заявитель не имела права считать себя правопреемником Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт», поскольку не было решения о его преобразовании, а компания-заявитель была создана как новое юридическое лицо, а не реорганизована из уже существующего юридического лица. Соответственно, положения ее устава, касающиеся правопреемства, являются недействительными. Это постановление вступило в законную силу в тот же день и не подлежало дальнейшему обжалованию.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Правопреемство юридических лиц

20. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает, что юридическое лицо может быть реорганизовано или ликвидировано по решению его учредителей либо органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами, а также по решению компетентного суда в случаях, установленных законом (статьи 57 и 61). В случае реорганизации в форме слияния, преобразования или присоединения имущество юридического лица, которое прекращает существование, переходит в соответствии с передаточным актом ко вновь образованному юридическому лицу, а в случае присоединения - к уже существующему юридическому лицу. При реорганизации в форме разделения или выделения имущество реорганизованного юридического лица подлежит разделу и передаче в соответствии с разделительным балансом (статья 58). В случае ликвидации юридическое лицо прекращает существование без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (статья 61).

В. Надзорное производство в арбитражных судах

21. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (№70-ФЗ от 5 мая 1995 г., действовавший в рассматриваемый период) предусматривал, что вступившие в законную силу решения и постановления всех арбитражных судов Российской Федерации подлежали пересмотру в порядке надзора по протесту Председателя Высшего Арбитражного Суда или его заместителя, или Генерального прокурора Российской Федерации, или его заместителя (статьи 180 и 181). Кодекс не приводил оснований для принесения надзорного протеста, он лишь устанавливал, что протест может быть принесен «в том числе в связи с заявлением участника дела» (часть 1 статьи 185). Вызов сторон на рассмотрение дела Президиумом Высшего Арбитражного Суда относится к дискреционным полномочиям Президиума (часть 2 статьи 186). Не было установлено каких-либо временных ограничений для принесения надзорного протеста, и, в принципе, такой протест мог быть принесен в любое время после вступления судебного решения в законную силу.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №1 К КОНВЕНЦИИ

22. Компания-заявитель утверждала, что в данном деле имело место нарушение ее права на беспрепятственное пользование своим имуществом, в частности, имуществом ее предполагаемого правопреемника. В частности, она отметила, что в результате пересмотра дела в порядке надзора ее требование о признании прав собственности на товарные знаки алкогольной продукции было оставлено без удовлетворения. Она ссылалась на положения статьи 1 Протокола №1 к Конвенции, в соответствии с которыми:

Статья 1 Протокола №1 к Конвенции (Защита собственности)

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

23. Власти отрицали факт вмешательства в имущественные права заявителя. Они оспаривали права заявителя на оспариваемые товарные знаки и иное имущество, которое она предположительно получила от Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт». Кроме того, они отметили, что судебное постановление, отмененное судом надзорной инстанции, носило процедурный характер и не предоставляло компании-заявителю каких-либо прав или разрешений и не давало ей оснований для законного ожидания приобрести их. Соответственно, отмена такого судебного постановления не могла лишить компанию-заявителя какого-либо имущества по смыслу статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

24. Напротив, компания-заявитель утверждала, что в результате пересмотра дела в порядке надзора и всего разбирательства по делу в арбитражных судах она была

лишена своего имущества, а именно, всего имущества ее предполагаемого правопреемника Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт».

25. Во-первых, Европейский Суд отмечает, что предметом спора между сторонами, рассматриваемого внутригосударственными судами, а также требований заявителя, представленных им в Европейский Суд, являлось существование универсального правопреемства между Всесоюзным внешнеэкономическим объединением «Союзплодоимпорт» и компанией-заявителем. Вопрос о принадлежности конкретного имущества, например, товарных знаков, не рассматривался как таковой в рамках соответствующего разбирательства и, следовательно, не требует оценки Европейского Суда.

26. Европейский Суд далее отмечает, что компания-заявитель заявляла о предполагаемом правопреемстве, которое предполагает действия со стороны двух компаний или со стороны преобразуемой компании, чье имущество подлежит распределению. Тем не менее, компания-заявитель не представила каких-либо доказательств намерения Всесоюзного внешнеэкономического объединения «Союзплодоимпорт» преобразоваться в другую компанию или реорганизоваться таким образом, чтобы часть своего имущества передать компании-заявителю. С другой стороны, Европейский Суд рассматривает как установленный тот факт, что Всесоюзное внешнеэкономическое объединение «Союзплодоимпорт» продолжало существовать в первоначально созданной организационно-правовой форме до 2001 года, пока не было преобразовано в Федеральное государственное унитарное предприятие «Внешнеэкономическое» объединение «Союзплодоимпорт».

27. Европейский Суд также считает имеющим отношение к делу то обстоятельство, что компании-заявителю так и не удалось установить факт правопреемства в рамках национального судебного разбирательства. Нет ни одного судебного акта, определившего бы данный вопрос в пользу компании-заявителя. Своим постановлением от 19 февраля 2001 г. апелляционная инстанция не разрешила спор по существу и приняла только процедурное решение об отстранении прокурора от участия в производстве по делу. В связи с этим Европейский Суд напоминает, что в соответствии с его выработанной практикой «требование» может составлять «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола №1 к Конвенции, только если было обоснованно установлено, что оно может быть юридически реализовано (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Бурдов против России*», жалоба № [59498/00](#), п. 40, ECHR 2002III и Постановление Европейского Суда от 9 декабря 1994 г. по делу «*Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стран» и Стратис Андреадис против Греции*» (*Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*), Серия А №301-В, с. 84, п. 59). В обстоятельствах данного дела Суд полагает, что ни на одной из стадий разбирательства по делу на внутригосударственном уровне не принималось судебное решение, которое бы присудило компании-заявителю «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

28. Следовательно, решения российских судов не могут рассматриваться как вмешательство в «имущественные права» компании-заявителя по смыслу статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

29. Следовательно, в данном деле не было нарушения статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ И СТАТЕЙ 13 И 14 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

30. Компания-заявитель утверждала, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и статьи 13 и 14 Конвенции в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, что постановление апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 19 февраля 2001 г. было отменено в порядке надзора в нарушение принципа правовой определенности. Она также утверждала, что судебное разбирательство в Президиуме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации было проведено с нарушением принципа равенства сторон, поскольку Государство как сторона судебного разбирательства воспользовалось своим исключительным полномочием по возбуждению надзорного производства, тогда как компания-заявитель не имела такой возможности. Наконец, компания-заявитель утверждала, что не была извещена о судебном разбирательстве.

31. В части, применимой к настоящему делу, статьи Конвенции, на которые ссылается заявитель, предусматривают:

Статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство)

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...»

Статья 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты)

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

Статья 14 Конвенции (запрещение дискриминации)

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

32. Власти отметили, что в данном деле не было нарушения права заявителя на справедливое судебное разбирательство. Они считали, что существовала необходимость отмены постановления суда апелляционной инстанции, поскольку оно было принято с нарушением внутреннего законодательства. Они также считали, что принцип правовой определенности не был нарушен, потому что надзорное производство было возбуждено вскоре после принятия постановления судом апелляционной инстанции и представляло собой следующую стадию судебного разбирательства. Власти сослались на статью 187 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой дело могло быть пересмотрено по вопросам права в порядке надзора. Более того, заявитель знал, что такая возможность предусмотрена внутренним законодательством и, следовательно, не мог рассматривать постановление суда апелляционной инстанции как окончательное решение по делу. Они добавили, что в соответствующее законодательство были внесены изменения, в частности, посредством принятия нового Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в 2002 году, который ограничивал срок возбуждения надзорного производства.

33. Заявитель подтвердил свои жалобы. По его мнению, постановление суда апелляционной инстанции было отменено в нарушение принципа правовой определенности.

34. Европейский Суд напоминает, что положения пункта 1 статьи 6 Конвенции применимы только к спору («оспариванию») о «гражданском праве», которое, по крайней мере, на спорных основаниях признается национальным законодательством. Спор должен быть реальным и существенным; он может касаться не только существования права, но и сферы его действия и способа его реализации; и, наконец, исход судебного разбирательства должен иметь непосредственно решающее значение для такого права (см. Постановление Европейского Суда от 7 августа 1996 г. по делу «Амер против Франции» (*Hamer v. France*), Отчеты 1996-III, сс. 1043-44, п. 73; и Постановление Европейского Суда от 6 июля 2006 г. по делу «Жигалев против России», жалоба № [54891/00](#), пп. 159-62). Как неоднократно указывал Европейский Суд, сам факт наличия незначительных связей или отдаленных последствий, недостаточен для действия пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 26 августа 1997 г. по делу «Бальмер-Шафрот и другие против Швейцарии» (*Balmer-Schafroth and Others v. Switzerland*), Отчеты о решениях и постановлениях 1997-IV, с. 1357, п. 32; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Атанассоглу и другие против Швейцарии» (*Athanassoglou and Others v. Switzerland*) жалоба № [27644/95](#), п. 43, ECHR 2000-IV; постановление Европейского Суда по делу «Горраис Лисаррага и другие против Испании» (*Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain*), жалоба № [62543/00](#), п. 43, ECHR 2004-III; и решение Европейского Суда от 10 апреля 2007 г. по делу «Ассоциация защиты интересов спорта против Франции» (*Association de Defence des Interets du Sport v. France*) жалоба № [36178/03](#)).

35. Европейский Суд ссылается на свои приведенные выше выводы о том, что компания-заявитель отстаивала в арбитражных судах свое утверждение о правопреемстве, которое не было обосновано внутренним законодательством (см. пп. 25-27 выше). В свете этого вывода Европейский Суд полагает, что для целей статьи 6 Конвенции у заявителя не было «гражданского права», признаваемого внутренним законодательством. Следовательно, нет оснований для возникновения прав, гарантированных пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

36. Таким образом, в данном деле не было нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

37. Учитывая вышеуказанный вывод, Суд не находит отдельных вопросов в соответствии со статьями 13 и 14 Конвенции.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД:

1. постановил единогласно, что в данном деле не было нарушения статьи 1 Протокола №1 к Конвенции;
2. постановил шестью голосами против одного, что в данном деле не было нарушения статьи 6 Конвенции;
3. постановил единогласно, что в данном деле не возникло отдельных вопросов в соответствии со статьями 13 и 14 Конвенции.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении было направлено 7 июня 2007 г. в соответствии с пунктами 2и 3 правила 77 Регламента Суда.

3.8 Дело «Ходорковский и Лебедев против России» (Краткое изложение)

Жалобы №№ [11082/06](#) и [13772/05](#)

Постановление

25 июля 2013 г.

[Секция I]

Статья 7

Пункт 1 статьи 7

Nullum crimen sine lege

Толкование правонарушения в виде уклонения от уплаты налогов со ссылкой на другие отрасли права: *нарушение отсутствует*

Статья 6

Судебное разбирательство

Пункт 1 статьи 6

Беспристрастный суд

Предполагаемая пристрастность судьи первой инстанции, которая приняла неблагоприятные для защиты процессуальные решения и участвовала в рассмотрении дела другого обвиняемого: *нарушение отсутствует*

Подпункт b пункта 3 статьи 6

Адекватные возможности

Достаточное время

Необходимость для заявителей изучить большой объем доказательств в затруднительных тюремных условиях, но с помощью группы высокопрофессиональных адвокатов: *нарушение отсутствует*

Подпункт c пункта 3 статьи 6

Защита путем оказания правовой помощи

Систематическое прочтение тюремными властями и судьей первой инстанции переписки между обвиняемыми и их адвокатами: *нарушение имело место*

Подпункт d пункта 3 статьи 6

Допрос свидетелей

Отказ разрешить защите подвергнуть перекрестному допросу свидетелей-экспертов, вызванных обвинением, или огласить их собственное экспертное мнение: *нарушение имело место*

Статья 8

Пункт 1 статьи 8

Уважение семейной жизни

Уважение частной жизни

Содержание в исправительных колониях, расположенных за тысячи километров от места жительства заключенных: *нарушение имело место*

Статья 18

Ограничения для непредусмотренных данной статьей целей

предполагаемые политические мотивы преследования заявителей: *нарушение отсутствует*

Статья 34

Воспрепятствование осуществлению права на подачу жалобы

Дисциплинарные и иные меры, направленные против адвокатов, действующих в интересах заявителей, в ходе рассмотрения дела Европейским Судом: *несоблюдение требований статьи 34*

ФАКТЫ

До своего задержания заявители были главными руководителями и крупными акционерами большой промышленной группы, включавшей нефтяную компанию «Юкос». Они принадлежали к числу богатейших людей России. Первый заявитель, Ходорковский, также проявлял политическую активность: выделял значительные средства на поддержку оппозиционных партий и финансировал несколько программ развития и неправительственных организаций. Кроме того, «Юкос» осуществлял масштабные предпринимательские проекты, которые противоречили официальной нефтяной политике.

В 2003 году заявители были задержаны и заключены под стражу по подозрению в предположительно мошеннической приватизации одной из компаний группы. Впоследствии против нефтяной компании «Юкос» были возбуждены налоговые разбирательства с исполнительным производством, что привело к ее ликвидации. Заявителям были предъявлены новые обвинения, связанные с предполагаемым уклонением от уплаты налогов путем регистрации торговых компаний, которые фактически не осуществляли предпринимательскую деятельность, в зонах льготного налогообложения, и предположительно недостоверных налоговых деклараций. В 2005 году заявители были признаны виновными по большинству обвинений. Они были приговорены к девяти годам лишения свободы и к выплате государству эквивалента суммы в 500 000 000 евро в отношении невыплаченных налогов с компании. После рассмотрения апелляционной жалобы сроки их лишения свободы были уменьшены до восьми лет. Оба заявителя были направлены для отбывания наказания в отдаленные колонии, за тысячи километров от места их проживания в Москве.

В своих жалобах в Европейский Суд заявители жаловались на различные нарушения Конвенции, в частности, их права на справедливое судебное разбирательство (пункт 1 статьи 6 Конвенции) и их права не быть судимыми за преступление, которое не считалось таковым в момент его совершения (статья 7 Конвенции).

ПРАВО

Пункт 1 статьи 6: Оба заявителя жаловались по ряду конкретных нарушений этого положения. Первая группа их доводов касалась предполагаемой необъективности со стороны председательствующей судьи. Вторая группа затрагивала процессуальную несправедливость, в частности: отсутствие достаточных времени и возможностей для подготовки защиты, невозможность воспользоваться эффективной юридической

помощью и изучить доказательства обвинения или представить доказательства защиты.

(а) Беспристрастность

Заявители утверждали, что процессуальные решения, принятые судьей в период судебного разбирательства, указывали на необъективность, что сама судья находилась под следствием во время рассмотрения их дела и была пристрастна по причине своих предыдущих выводов в деле другого высшего руководителя «Юкоса».

Что касается первой группы, Европейский Суд должен иметь более убедительные доказательства личной необъективности, чем ряд процессуальных решений, неблагоприятных для защиты. В решениях судьи первой инстанции ничто не указывало на особую предрасположенность против заявителей. Что касается второй группы, утверждение о том, что судья первой инстанции сама находилась под следствием, было основано на слухах и не могло служить обоснованием довода о пристрастности. Что касается последнего пункта - того факта, что судья уже участвовала в рассмотрении дела другого высшего руководителя «Юкоса», - Европейский Суд ранее разъяснял, что тот лишь факт, что судья судил обвиняемого, сам по себе не являлся достаточным для возникновения сомнений в непристрастности судьи. Уголовный процесс часто сопровождается председательством судьи в различных разбирательствах, в которых участвуют обвиняемые, и работа судов по уголовным делам была бы невозможной, если бы только по этой причине непристрастность судей могла ставиться под сомнение. Однако требовалось определить, содержали ли ранее вынесенные приговоры выводы, действительно преждевременные для решения вопроса о виновности заявителя. Председательствующая в деле заявителей судья была профессиональной судьей, априори подготовленной к тому, чтобы отстраниться от предыдущих выводов по делу другого руководителя. Приговор по делу руководителя не содержал выводов, предreshавших заключение по вопросу о виновности заявителей в последующем разбирательстве, и судья не была связана ранее сделанными выводами, например, что касается приемлемости доказательств с правовой или иной точки зрения.

Постановление: отсутствие нарушения (единогласно).

(b) Справедливость разбирательства

(i) Пункт 1 статьи 6 Конвенции в совокупности с подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции: *Время и возможности для подготовки защиты* – Второй заявитель ознакомился в течение восьми месяцев и двадцати дней с 41 000 страниц материалов дела, а первый заявитель ознакомился в течение пяти месяцев и восемнадцати дней с более чем 55 000 страниц материалов дела. Европейский Суд принял к сведению сложность документов, необходимость делать выписки, сравнивать документы и обсуждать материалы дела с адвокатами. Он также учел перерывы в работе с материалами дела и неблагоприятные условия, в которых вынуждены были работать заявители (например, они не могли копировать документы в тюрьме или хранить копии документов в своих камерах, существовали ограничения получения копий документов от их адвокатов). Вместе с тем вопрос об адекватности времени и возможностей для защиты, предоставляемых обвиняемому, должен оцениваться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела. Заявители не были обычными обвиняемыми: они пользовались услугами группы высокопрофессиональных широко

известных адвокатов, привлеченных по договору. Даже если заявители не могли исследовать каждый документ дела лично, это могло быть поручено адвокатам. Существенно то, что заявители не были ограничены в количестве и продолжительности свиданий с адвокатами. Адвокаты могли копировать документы, заявителям разрешалось делать выписки из материалов дела и иметь при себе ноутбуки. Действительно, заявители, оба из которых имели дипломы университетов, являлись высшими руководителями одной из крупнейших нефтяных компаний России и знали предпринимательские процессы, составлявшие суть дела, лучше, чем кто-либо еще. Таким образом, хотя защита должна была работать в сложных условиях на стадии предварительного следствия, время, отведенное защите для ознакомления с материалами дела, не затрагивало существа права, гарантированного пунктом 1 статьи 6 Конвенции и подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд также рассмотрел вопрос об условиях, в которых защита должна была работать на стадиях рассмотрения дела судами первой и апелляционной инстанций. В частности, в определенный момент судья решила ускорить рассмотрение дела и проводить слушания каждый день. Однако это не делало невозможным участие заявителей в разбирательстве, и при необходимости защита могла просить об отложении рассмотрения.

На апелляционной стадии защита имела более трех месяцев для составления письменных объяснений и подготовки устных выступлений. Несмотря на то, что защита должна была начать подготовку своей жалобы в отсутствие всей совокупности материалов дела, и имелись сомнения в точности протоколов судебных заседаний, Европейский Суд не убежден в том, что подобные недостатки делали приговор сомнительным. Кроме того, защита знала о процессуальных решениях, принятых во время судебного разбирательства, и приобщенных материалах. У адвокатов были аудиозаписи из суда, и они могли их использовать при подготовке обжалования. Трудности, испытываемые защитой в ходе апелляционного производства, таким образом, не затрагивали справедливости всего разбирательства.

Постановление: отсутствие нарушения (единогласно).

(ii) Пункт 1 статьи 6 Конвенции в совокупности с подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции: *Адвокатская тайна* – Заявители утверждали, что их конфиденциальные контакты с адвокатами серьезно затруднялись. Европейский Суд напомнил, что любое вмешательство в материал, защищенный привилегией, и *a fortiori* использование такого материала против обвиняемого в разбирательстве должны иметь исключительный характер и быть оправданными настоятельной необходимостью, а также всегда подвергаться строжайшей проверке.

Что касается жалобы заявителей на то, что один из их защитников получил повестку из прокуратуры, Европейский Суд отметил, что данный адвокат отказался от дачи показаний, и его отказ не повлек каких-либо санкций против него. Соответственно, в особых обстоятельствах настоящего дела адвокатская тайна в части этого эпизода нарушена не была.

Напротив, при проведении обыска в офисе этого адвоката и изъятии его рабочих материалов органы власти умышленно допустили вмешательство в тайну отношений адвоката с клиентом. Европейский Суд не усмотрел непреодолимых мотивов для такого вмешательства. Власти не разъяснили, какого рода информацию мог удерживать адвокат, насколько важна она была для следствия или могла ли она быть

получена иными средствами. В период времени, относящийся к обстоятельствам дела, адвокат не являлся подозреваемым в чем-либо. Наиболее существенно, что обыск в его офисе не сопровождался надлежащими процессуальными гарантиями, такими как специальная судебная санкция, как того требует закон. Следовательно, обыск и выемка являлись произвольными.

Озабоченность также вызывает практикуемый тюремной администрацией просмотр всех письменных документов, которыми обменивались заявители и их адвокаты во время свиданий в следственном изоляторе. Подобный просмотр не имел устойчивого основания в национальном законодательстве, которое не регулирует особым образом подобные ситуации. Более того, записи, проекты, планы, программы действий и другие подобные документы, подготовленные адвокатом для или во время свиданий с содержащимся под стражей клиентом, были для всех целей материалом, защищенным привилегией. Любое исключение из общего принципа конфиденциальности было допустимо, только если власти имели разумные основания предполагать злоупотребление профессиональной привилегией в том, что содержание данного документа могло угрожать тюремной безопасности или безопасности других лиц или имело иной преступный характер. Вместе с тем в настоящем деле власти приняли за исходный пункт противоположную презумпцию, а именно, что все письменные сообщения между заключенным и его адвокатом подозрительны. Несмотря на отсутствие определенных фактов, свидетельствующих о том, что заявители или их защитники могли злоупотреблять профессиональной привилегией, обжалуемые меры продолжались в течение более чем двух лет. При данных обстоятельствах правило о том, что рабочие документы защиты подлежат просмотру и могут быть конфискованы, если они не были проверены тюремной администрацией ранее, являлось неоправданным, как и обыски у адвокатов заявителей.

Наконец, что касается условий, при которых заявители могли общаться со своими адвокатами в зале судебных заседаний, судья первой инстанции требовала от защитников показывать ей все письменные документы, которыми они хотели бы обменяться с заявителями в соответствии с требованиями безопасности тюремной администрации. Проверяя проекты и записки, подготовленные защитниками или заявителями, судья могла знакомиться с информацией или доводами, которые защита не намеревалась оглашать и которые могли повлиять на ее позицию по поводу фактических и правовых вопросов дела. По мнению Европейского Суда, влияние на решение судьи доводов и информации, которую стороны не представляли и не обсуждали в открытом судебном заседании, противоречило бы принципу состязательности судопроизводства. Кроме того, устные консультации заявителей с их защитниками могли слышать тюремные конвоиры. Во время перерывов адвокаты вынуждены были обсуждать дело с их клиентами в непосредственной близости от тюремной охраны. В итоге тайне устных и письменных контактов заявителей с их адвокатами был нанесен серьезный ущерб во время слушаний.

Постановление: нарушение имело место (единогласно).

(iii) Пункт 1 статьи 6 Конвенции в совокупности с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции: Получение и исследование доказательств – Что касается жалоб заявителей на то, что заключения двух экспертов со стороны обвинения были приняты в отсутствие возможности их оспаривания заявителями, Европейский Суд отметил, прежде всего, что факт привлечения экспертизы стороной обвинения без какого-либо участия защиты сам по себе не порождает вопроса с точки зрения Конвенции, при условии, что защита впоследствии имела возможность исследовать и

оспорить заключение и объективность готовивших его лиц путем прямого допроса в суде первой инстанции.

В ответ на довод Властей о том, что защита не доказала необходимость допроса экспертов, Европейский Суд указал, что вопреки ситуации со свидетелями защиты обвиняемый не обязан доказывать важность свидетеля обвинения. Если сторона обвинения считает нужным сослаться на показания конкретного лица как на относящийся к делу источник информации и эти показания использованы судом первой инстанции в качестве обоснования обвинительного приговора, возникает презумпция того, что личная явка и допрос данного лица являются необходимыми, если показания не являются явно не относящимися к делу или избыточными. Два эксперта очевидно являлись ключевыми источниками, поскольку их заключения были положены в основу некоторых обвинений против заявителей. Защита не участвовала в подготовке заключения экспертов и не могла задавать им вопросы на более ранней стадии. Кроме того, защита разъяснила районному суду, почему она считает необходимым допросить экспертов, при этом веские основания для воспрепятствования их явке в суд отсутствовали. Даже если в заключении отсутствовали явные противоречия, допрос экспертов мог выявить возможные конфликты интересов, недостаточность материалов в их распоряжении или недостатки методов исследования.

Заявители также обжаловали отказ суда первой инстанции в приобщении результатов экспертизы (письменных и устных), предложенных защитой для рассмотрения в суде. Европейский Суд принял к сведению, что суд первой инстанции отказал в приобщении некоторых экспертных данных, посчитав их не относящимися к делу или бесполезными. В этой связи Европейский Суд напомнил, что требование справедливости судебного разбирательства не возлагает на суды первой инстанции обязанности назначать экспертизу или иное следственное действие только потому, что сторона разбирательства о ней ходатайствует, и, рассмотрев характер данных заключений, Европейский Суд мог бы согласиться с тем, что основная причина для отклонения некоторых из них заключалась в неотносимости или бесполезности, тогда как разрешение этих вопросов относится к компетенции суда первой инстанции. Однако два аудиторских заключения (подготовленных фирмами «Эрнст и Янг» и «Прайсвотерхаус Куперс») были, по сути, отклонены по причинам, относящимся не к их содержанию, а к форме и происхождению. В отличие от других экспертных данных, которые стремилась приобщить сторона защиты, эти заключения не являлись правовыми и затрагивали в основном те же вопросы, что и заключения, предоставленные стороной обвинения, и поэтому имели отношение к обвинениям, предъявленным заявителям. Устраняя эти доказательства, суд первой инстанции поставил защиту в неблагоприятное положение, поскольку сторона обвинения имела право отбирать экспертов, формулировать вопросы для них и представлять экспертные заключения, в то время как защита не имела такого права. Кроме того, для эффективного обжалования заключения экспертов защита должна была иметь возможность представлять свои собственные экспертные данные.

Одно лишь право защиты ходатайствовать перед судом о назначении другой экспертизы не являлось достаточным. Тем не менее, на практике единственной возможностью, доступной заявителям в соответствии с российским законодательством, являлся устный допрос «специалистов» в судебном заседании, но «специалисты» имели иной процессуальный статус по сравнению с «экспертами», поскольку у них не было доступа к первичным материалам дела, и суд первой инстанции отказался

рассматривать их письменные заключения. При таких обстоятельствах решение об исключении двух аудиторских заключений нарушило равновесие между защитой и обвинением в сфере сбора и приобщения «экспертных данных», тем самым нарушив равноправие сторон.

Постановление: нарушение имело место (единогласно).

Статья 7

(а) Предполагаемые процессуальные препятствия для стороны обвинения

Заявители утверждали, что в силу постановления Конституционного суда от 27 мая 2003 г. они не могли нести уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов до того, как их обязанность уплаты налогов была установлена в отдельном разбирательстве. Европейский Суд не убежден в правильности понимания заявителями этого постановления. Однако в любом случае предполагаемые «процессуальные препятствия» не означают, что действия, вменяемые заявителям, не определялись в качестве «уголовных преступлений» в момент совершения. Следовательно, в этом отношении по делу требования статьи 7 Конвенции нарушены не были.

(b) Новое толкование понятия «уклонение от уплаты налогов»

Заявители утверждали, что пострадали от совершенно нового и непредсказуемого толкования положений (статьи 198 и 199 Уголовного кодекса), в соответствии с которыми они были осуждены. Европейский Суд отметил, что, хотя эти положения определяли уклонение от уплаты налогов в очень общих выражениях, сама по себе подобная широкая формулировка не порождает вопроса с точки зрения статьи 7 Конвенции. Формы экономической активности находятся в постоянном развитии, как и методы уклонения от уплаты налогов. Для установления, составляло ли конкретное поведение уклонение от уплаты налогов в уголовно-правовом смысле, национальные суды могли привлекать правовые концепции из других отраслей права. Закон в этой сфере мог быть достаточно гибким для приспособления к новым ситуациям при условии, что он не является непредсказуемым. Таким образом, несмотря на то, что в сфере уголовного права отсутствовала прецедентная практика, прямо применимая к схемам трансфертного ценообразования и предположительно притворных сделок, составлявших основу дела заявителей, понятие притворной сделки было известно в российском законодательстве, и суды могли применить правило «приоритета содержания перед формой» и признать сделку недействительной как притворную в соответствии с Гражданским и Налоговым кодексами. Европейский Суд напомнил, что в этой сфере в его задачу не входит переоценка выводов национальных судов, если они основаны на разумной оценке доказательств. В настоящем деле, невзирая на некоторые недостатки, национальное разбирательство не могло квалифицироваться как явный отказ в правосудии.

Европейский Суд далее обратился к вопросу о том, были ли материально-правовые выводы национальных судов произвольными или явно неразумными.

(i) Обвинения на основании статьи 199 Уголовного кодекса (деятельность торговых компаний в зонах льготного налогообложения и практика «трансфертного ценообразования») – Признавая возможность существования законных методов минимизации налогов, Европейский Суд отметил, что схема, применявшаяся

«Юкосом», не была полностью прозрачной, и что некоторые элементы схемы, имевшие решающее значение для установления права компаний на налоговые льготы, были скрыты от властей. Например, заявители не уведомляли налоговые органы о своей реальной связи с торговыми компаниями. Льготы торговых компаний косвенным образом возвращались «Юкосу». Вся предпринимательская деятельность, приносящая прибыль, фактически осуществлялась в Москве, а не в зоне льготного налогообложения. Торговые компании, существовавшие только на бумаге, не имели реальных активов или персонала. Минимизация налогов была единственной причиной для учреждения торговых компаний в зоне льготного налогообложения. Подобное поведение нельзя сравнивать с поведением *bona fide* налогоплательщика, допустившего ошибку по неосторожности. Кроме того, Европейскому Суду трудно представить, что заявители как высшие руководители и совладельцы «Юкоса», не знали об этой схеме или о том, что налоговые отчеты торговых компаний не отражали подлинного характера их операций.

Таким образом, действия заявителей могли быть разумно истолкованы как представление ложных сведений налоговым органам, то есть образующие *actus reus* в виде уклонения от уплаты налогов.

(ii) Обвинения на основании статьи 198 Уголовного кодекса (уклонение от уплаты подоходного налога физических лиц) – Что касается уклонения от уплаты подоходного налога, заявители утверждали, что они оказывали консультационные услуги иностранным фирмам и что налоговые льготы, получаемые ими в качестве «индивидуальных предпринимателей», являлись законными. Однако суды страны заключили, что такие соглашения об оказании услуг являлись *de facto* оплатой работы заявителей в «Юкосе» и его аффилированных структурах, которая в норме должна была облагаться налогом в соответствии с общим режимом, и что заявители сознательно вводили налоговые органы в заблуждение относительно реального характера их деятельности. Эти выводы не были неразумными или произвольными.

(с) Применение предположительно недействующего уголовного закона

Наконец, Европейский Суд не согласился с доводом заявителей о том, что неосуществление властями преследования и(или) осуждения других бизнесменов, которые использовали сходные методы минимизации налогов, делало такие методы законными и исключало уголовную ответственность. Хотя при определенных обстоятельствах длительное попустительство определенному поведению, в остальных случаях предусмотренному уголовным законодательством, может повлечь *de facto* декриминализацию подобного поведения, это не относится к настоящему делу, прежде всего, потому, что причины этого попустительства были неясны. Возможно, что власти просто не имели достаточной информации или ресурсов для преследования заявителей и(или) иных предпринимателей, использовавших такие же схемы. Требовалось масштабное уголовное расследование для доказывания того, что документы, представленные в налоговые органы, не отражали истинного характера деловых операций. Наконец, отсутствовали доказательства того, что схемы минимизации налогов, использованные другими предпринимателями, были организованы абсолютно так же, как у заявителей. Отсюда следует, что отношение властей не могло считаться составляющим сознательное попустительство таким методам.

В итоге статья 7 Конвенции не являлась несовместимой с судебным законотворчеством и не исключала постепенного разъяснения норм об уголовной ответственности путем судебного толкования по конкретным делам при условии, что результат этой деятельности был совместим с существом преступления и мог разумно предвидеться. Хотя заявители могли стать жертвой нового толкования понятия уклонения от уплаты налогов, оно было основано на разумном толковании национального законодательства и не противоречило сущности преступления.

Постановление: отсутствие нарушения (единогласно).

Статья 8

Заявители жаловались на то, что их перевод в исправительные колонии, расположенные за тысячи километров от места их жительства, делал невозможным их свидания с родственниками. Европейский Суд признал, что обжалуемая ситуация составляла вмешательство в право заявителей на уважение личной и семейной жизни, и согласился исходить из того, что вмешательство было законным и преследовало законные цели предотвращения нарушения общественного порядка и преступлений, а также защиты прав и свобод других лиц.

Что касается вопроса о необходимости в демократическом обществе, Европейский Суд, во-первых, нашел весьма вероятным, что норма Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о направлении осужденных из регионов, где тюрьмы переполнены, в ближайший соседний регион (но не за несколько тысяч километров), не соблюдалась в деле заявителей. Трудно представить, что для заявителей отсутствовали свободные места во многих колониях, расположенных ближе к Москве. Европейский Суд подчеркнул, что распределение осужденных не должно полностью относиться на усмотрение административных органов и что интересы осужденных в сохранении, по крайней мере, некоторых семейных и социальных связей должны каким-либо образом приниматься во внимание. В отсутствие ясного и предсказуемого метода распределения осужденных по исправительным колониям система не обеспечила меры правовой защиты против произвольного вмешательства органов государственной власти и повлекла результаты, несовместимые с правом заявителей на уважение личной и семейной жизни.

Постановление: нарушение имело место (единогласно).

Статья 1 Протокола №1

Первый заявитель жаловался на то, что после признания его виновным в уклонении от уплаты корпоративных налогов, суд первой инстанции взыскал с него возмещение ущерба, которое совпадало с требованием о взыскании налогов, выдвинутым против «Юкоса». Европейский Суд установил, что обязанность первого заявителя по уплате определенной налоговой задолженности могла рассматриваться как вмешательство в право на уважение его собственности, относящееся к сфере действия статьи 1 Протокола №1 к Конвенции.

Вместе с тем для Европейского Суда необязательно обособленно рассматривать довод первого заявителя о том, что государство взыскало одну и ту же сумму задолженности по корпоративным налогам дважды, поскольку в любом случае вмешательство не имело законной основы. Европейский Суд признал, что если общество с ограниченной

ответственностью используется его владельцами или управляющими только для прикрытия мошеннических действий, «снятие корпоративной вуали» может быть целесообразным решением для защиты прав его кредиторов, включая государство. В то же время должны существовать ясные правила, позволяющие государству делать это таким образом, чтобы вмешательство не было произвольным. Ни Налоговый кодекс в период времени, относящийся к обстоятельствам дела, ни Гражданский кодекс не допускали взыскания долгов компании с ее управляющих. Кроме того, национальные суды последовательно толковали закон как не допускающий возложение ответственности за налоговую задолженность компании на руководителей компании. Наконец, выводы суда первой инстанции относительно гражданского иска были очень краткими и не содержали ссылок на применимые положения национального законодательства или какого-либо вразумительного расчета ущерба, как будто это был незначительный вопрос. В целом ни действующее законодательство, ни прецедентная практика не допускали возложение гражданской ответственности за неуплаченные налоги компании на ее руководителей. Таким образом, присуждение компенсации ущерба в пользу государства являлось произвольным.

Постановление: нарушение имело место (единогласно).

Статья 18 (предполагаемые политические мотивы преследования)

Европейский Суд напомнил, что вся структура Конвенции основана на общем предположении о том, что государства-участники действуют добросовестно. Хотя и опровержимая теоретически, эта презумпция трудно преодолевается на практике: заявитель, утверждающий, что его права и свободы ограничены для ненадлежащих целей, должен убедительно доказать, что реальная цель властей расходилась с провозглашенной. Следовательно, Европейский Суд должен применять весьма требовательный стандарт доказывания таких утверждений.

Этот стандарт не был достигнут в деле заявителей. В то время как сопровождавшие его обстоятельства могут быть истолкованы как подкрепляющие утверждение заявителей о ненадлежащих мотивах, прямые доказательства подобных мотивов отсутствуют. Европейский Суд готов признать, что некоторые политические группы или правительственные служащие имели собственные причины для преследования заявителей.

Тем не менее, этого было недостаточно для заключения о том, что заявители не были бы осуждены в ином случае. В конечном счете, ни одно из обвинений против заявителей даже отдаленно не затрагивало их политическую деятельность. Элементы «ненадлежащей мотивации», которые могли существовать в настоящем деле, не делали преследование заявителей незаконным с начала до конца: остается фактом, что обвинения против заявителей в совершении общеуголовных преступлений, таких как уклонение от уплаты налогов и мошенничестве, были серьезными, что их дело имело «здоровую основу», и даже если имелся смешанный умысел в их преследовании, это не гарантировало им освобождения от предъявленных обвинений.

Постановление: отсутствие нарушения (единогласно).

Статья 34: Первый заявитель также жаловался на то, что для предотвращения его жалобы в Европейский Суд власти запугивали его адвокатов.

По мнению Европейского Суда, существует значительное различие между доводами первого заявителя на основании статьи 18 Конвенции и статьи 34 Конвенции. Что касается его преследования и судебного разбирательства, цели властей в предании первого заявителя суду и осуждения были очевидными и не требовали дополнительных объяснений. Напротив, цель дисциплинарных и иных мер, направленных против его адвокатов, далеко не являлась очевидной. Европейский Суд особо предложил Властям объяснить причины разбирательства о лишении статуса адвоката, внеочередной налоговой проверки и отказа в визах иностранным адвокатам первого заявителя, но государство-ответчик оставило эти вопросы без ответа. При таких обстоятельствах естественно предположить, что меры, направленные против адвокатов первого заявителя, были связаны с его жалобой в Европейский Суд. В итоге обжалуемые меры были направлены в первую очередь, если не исключительно, на запугивание адвокатов, привлеченных к участию в деле первого заявителя в Европейском Суде. Хотя трудно оценить влияние этих мер на его способность готовить и осуществлять свою защиту, им нельзя было пренебречь.

Постановление: нарушение имело место (единогласно).

Европейский Суд также единогласно установил, что по делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в части содержания второго заявителя в судебном разбирательстве в металлической клетке, и что требования этого положения нарушены не были в части условий его содержания под стражей в следственном изоляторе; а также что по делу допущены нарушения требований пункта 3 статьи 5 Конвенции в части длительности предварительного заключения второго заявителя и пункта 4 статьи 5 Конвенции в части задержек при пересмотре вопроса о его содержании под стражей. Статья 41: Европейский Суд присудил первому заявителю 10 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда; требование второго заявителя о компенсации имущественного ущерба полностью отклонено.

(См. также постановление Европейского Суда от 31 мая 2011 г. по делу «Ходорковский против России», жалоба № [5829/04](#), Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека №141; и постановление Европейского Суда от 20 сентября 2011 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России», жалоба № [14902/04](#), Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека №144).

4 ЗАЩИТА ЛИЦ, УВЕДОМЛЯЮЩИХ О ПОДОЗРЕНИЯХ В СОВЕРШЕНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДЕЙСТВИЯ

4.1 ДЕЛО «Гужа против Молдовы»

Жалоба № [14277/04](#)
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ
12 февраля 2008 г.

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ [14277/04](#)) против Республики Молдова, поданной в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») Якобом Гужей (далее - «заявитель») 30 марта 2004 г.
2. Интересы заявителя представляли В. Грибинчя и В. Замэ, адвокаты, практикующие в г. Кишиневе, и члены общественного объединения «Юристы за права человека». Интересы Властей Республики Молдова (далее — «Власти») представляли В. Пырлог и В. Гросу, Представители Республики Молдова при Европейском Суде по правам человека.
3. В своей жалобе заявитель утверждал, что в результате его увольнения из Генеральной прокуратуры за разглашение содержания двух документов, которые, по его мнению, свидетельствовали о вмешательстве высокопоставленного политического деятеля в ведущееся производство по уголовному делу, было допущено нарушение его права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции, в частности, права на распространение информации.
4. Жалоба заявителя была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (в соответствии с пунктом 1 правила 52 Регламента Суда). 28 марта 2006 г. Палата этой Секции приняла решение коммуницировать жалобу Властям. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, она решила рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости. 20 февраля 2007 г. Палата в составе Николаса Братца, Председателя, Жозэпа Касадеваля, Джованни Бонелло, Лильяны Мийович, Криштак Трайа, Станислава Павловского и Леха Гарлицкого, судей, а также при участии Лоуренса Эрли, Секретаря Секции, вынесла решение об уступке юрисдикции по делу в пользу Большой Палаты (в порядке статьи 30 Конвенции и правила 72 Регламента Суда) при том, что ни одна, ни другая сторона не возражали против этой уступки юрисдикции.
5. Состав Большой Палаты был определен на основании положений пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.
6. Заявитель и Власти представили свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы и по существу дела. Стороны письменно ответили друг другу на представленные ими замечания.

7. Открытое заседание по делу было проведено во Дворце прав человека, г. Страсбург, 6 июня 2007 г. (в порядке пункта 3 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель, Якоб Гужа, родился в 1970 году и проживает в г. Кишиневе. В период времени, относящийся к делу, он занимал должность руководителя Пресс-центра Генеральной прокуратуры.

A. Предпосылки возникновения дела

9. 21 февраля 2002 г. четверо сотрудников полиции (M.I., B.A., I.P. и G.V.) задержали десять человек, подозреваемых в совершении преступлений, связанных с парламентскими выборами; один из них подозревался также в том, что он возглавлял преступную группировку. Позже подозреваемые были освобождены из-под стражи и направили в прокуратуру жалобу на жестокое обращение и незаконное задержание со стороны этих четверых сотрудников полиции. По результатам рассмотрения жалобы против этих сотрудников полиции было возбуждено уголовное дело по обвинениям, *inter alia*, в незаконном задержании и в жестоком обращении.

10. В июне 2002 г. эти четверо сотрудников полиции обратились с письмами, которые они подписали совместно, к Президенту Республики Молдова Воронину, Премьер-министру Тарлеву и заместителю Председателя Парламента Мишину с просьбой оградить их от уголовного преследования. Они изложили свою точку зрения на уголовное производство и указали, что действия прокуратуры были неправомерными. Они просили о проведении проверки законности предъявленных им обвинений по уголовному делу. 21 июня 2002 г. Мишин направил полученное им письмо с сопроводительной запиской в Генеральную прокуратуру. Сопроводительная записка была представлена на официальном бланке Парламента Республики Молдова и не была отмечена как конфиденциальная. В сопроводительной записке указывалось следующее:

«Уважаемый господин Русу,

После прочтения данного письма возникает вопрос: заместитель Генерального прокурора борется с преступностью или с полицией? Этот вопрос приобретает еще большую актуальность ввиду того обстоятельства, что полицейские, о которых идет речь, работают в одном из лучших подразделений Министерства внутренних дел, и их деятельность в данный момент заблокирована в результате усилий сотрудников Генеральной прокуратуры. Прошу Вас лично заняться этим делом и разрешить его в строгом соответствии с законом».

11. В январе 2003 г. Воронин посетил Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, где он обсуждал, *inter alia*, проблему неправомерного давления, оказываемого некоторыми государственными должностными лицами на правоохранные органы в отношении уголовных дел в их производстве. Президент страны призвал бороться с коррупцией и предложил сотрудникам правоохранных органов игнорировать любые попытки государственных должностных лиц оказывать на них давление. Заявления Президента страны были обнародованы средствами массовой информации.

12. В неустановленную дату уголовное дело в отношении сотрудников полиции было прекращено.

В. Утечка документов в прессу

13. Несколько дней спустя после того, как Воронин призвал к борьбе с коррупцией, заявитель направил в газету «Журнал де Кишинэу», копии двух писем (далее — «письма»), которые были получены Генеральной прокуратурой.

14. Первым письмом была сопроводительная записка Мишина (см. пункт 10 выше). Вторым было письмо А. Урсаки, заместителя Министра внутренних дел, адресованное заместителю Генерального прокурора. Оно было составлено на официальном бланке Министерства внутренних дел и не содержало отметок о конфиденциальности. В этом письме, *inter alia*, указывалось:

«... Майор полиции М.І. [один из четырех сотрудников полиции, см. пункт 9 выше] был осужден 12 мая 1999 г. ... по обвинениям в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 116 [незаконное задержание, угрожающее жизни или здоровью задержанного или причиняющее ему физические страдания], частью второй статьи 185 [злоупотребление служебными полномочиями, сопровождающееся актами насилия, использованием огнестрельного оружия или пытками] и частью второй статьи 193 [принуждение к даче признательных показаний посредством актов насилия и оскорблений] Уголовного кодекса Республики Молдова, и ему было назначено наказание в виде штрафа на сумму 1 440 молдавских леев (128 евро). На основании статьи 2 Акта об амнистии он был освобожден от уплаты штрафа. ... 24 октября 2001 г. майор М.І. был восстановлен в своей должности в Министерстве внутренних дел».

С. Статья в газете «Журнал де Кишинэу»

15. 31 января 2003 г. газета «Журнал де Кишинэу» опубликовала статью под заголовком «Вадим Мишин запугивает прокуроров». В статье, *inter alia*, указывалось:

«В конце прошлой недели во время встречи в Центре по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией Президент призвал правоохранительные ведомства сотрудничать в борьбе с организованной преступностью и коррупцией и предложил им игнорировать телефонные звонки руководящих государственных должностных лиц, касающиеся уголовных дел в производстве этих ведомств.

Инициатива Президента не была случайной. Явление это широко распространилось, особенно за несколько последних лет и стало предметом дебатов в средствах массовой информации и международных организациях.

Недавно в прессе сообщалось о деле депутата Парламента от Партии коммунистов А.І., который пытался повлиять на ход расследования по уголовному делу в отношении старого приятеля и высокопоставленного должностного лица в Министерстве сельского хозяйства, который был пойман с поличным. Однако никаких процессуальных действий не последовало. ...

Также в прессе сообщалось, что Мишин просил Генерального прокурора уволить двух прокуроров І.V. и Р.В., связанных с расследованием по факту исчезновения начальника отдела информационных технологий Р.Д., явно после

того, как они обнаружили доказательства, свидетельствующие о причастности должностных лиц Министерства внутренних дел к данному преступлению.

О результатах внутреннего расследования служебной деятельности этих двух прокуроров пока ничего не известно. Однако источники в прокуратуре рассказали этой газете, что хотя I.V. и P.B. не были признаны виновными, их попросили уволиться по настоянию кого-то из властных структур.

Итак, пока заявления Президента, касающиеся торговлей влиянием, все еще свежи в памяти людей, мы обнаруживаем новое расследование в отношении высокопоставленных должностных лиц.

Заместитель Председателя Парламента пытается выгородить четверых сотрудников полиции, в отношении которых ведется уголовное расследование. Родство Мишина с полицейскими не новость, поскольку корни его в полиции. Наши источники сообщили, что это не единственный случай, когда Мишин вступает за полицейских, преступивших рамки закона.

...

Прокуратура Чеканского района возбудила уголовное дело в отношении четверых сотрудников полиции ... после того, как они использовали силу при незаконном задержании группы граждан.

... [Эти] сотрудники полиции набросились на задержанных, нанося им удары кулаками и ногами ... Более того, было установлено, что один из сотрудников полиции указал ложные сведения в полицейском рапорте о задержании ... В отношении четверых сотрудников полиции проводилось расследование по факту насильственного принуждения к даче признательных показаний ...

Расследование по уголовному делу в их отношении длилось более одного года. Когда оно почти завершилось, ... эти сотрудники полиции стали искать защиты у власть имущих.

...

20 июня 2002 г. сотрудники полиции обратились к Президенту Владимиру Воронину, Премьер-министру Василе Тарлеву и заместителю Председателя Парламента Вадиму Мишину с письмами, содержащими просьбу вмешаться, с тем чтобы прекратить расследование, которое, как эти сотрудники заявили, было неправомерным.

...

Первым, кто отреагировал на их письмо, был заместитель Председателя Парламента Вадим Мишин. 21 июня 2002 г. ... он направил Генеральному прокурору письмо, в котором в командном тоне попросил его вмешаться в уголовное дело в отношении четырех полицейских. Даже хотя он и предложил Генеральному прокурору вмешаться в это дело «в строгом соответствии с законом», тон письма ясно показывает, что он дал указание рассмотреть дело очень быстро.

В результате вмешательства наиболее влиятельных деятелей государства Генеральная прокуратура прекратила расследование по уголовному делу в отношении полицейских и распорядилась провести внутреннее расследование по вопросу о правильности решения о возбуждении против них уголовного дела

...

...

... Источники из Министерства внутренних дел подтвердили, что сотрудник полиции M.I. [один из этих четверых полицейских] был [ранее] признан виновным Апелляционной палатой, и ему была назначена выплата штрафа в размере 1 440 молдавских леев. На основании Акта об амнистии он был

освобожден от уплаты этого штрафа. Более того, 24 октября 2001 г. ... его восстановили в должности в Министерстве внутренних дел.

Не комментируя постановление Апелляционной Палаты, мы хотим лишь сделать некоторые примечания. М.І. был осужден на основании статей 116, 185 и 193 Уголовного кодекса за злоупотребление служебными полномочиями, насильственное принуждение к даче признательных показаний и незаконное задержание. За совершение этих преступлений Уголовный кодекс предусматривает наказания в виде лишения свободы сроком от одного года до пяти лет. Ему был назначен только штраф.

Более того, Министерство внутренних дел восстановило его в должности в то время, когда в его отношении еще велось расследование».

16. В газетной статье воспроизводились фотографии писем, подписанных Мишиным и Урсаки.

D. Реакция Генеральной прокуратуры

17. В неуставленную дату Генеральный прокурор потребовал у заявителя объяснения, каким образом два письма оказались опубликованными в прессе.

18. 14 февраля 2003 г. заявитель обратился к Генеральному прокурору с письмом с признанием, что это он направил эти два письма в газету. Он, *inter alia*, указал:

«Мой акт был реакцией на заявления [Президента], касающиеся борьбы с коррупцией и торговлей влиянием. Я поступил так, потому что был убежден, что помогаю бороться с проблемой торговли влиянием (*trafic de influență*), явлением, которое в последнее время получило большое распространение.

Я верил и до сих пор верю, что если каждый из нас считал бы своей обязанностью содействовать разоблачению тех, кто использует свое должностное положение для того, чтобы препятствовать надлежащему отправлению правосудия, положение изменилось бы к лучшему.

Далее, я считаю, что письма, которые я передал в газету «Журнал де Кишинэу» не были секретными. В мои намерения не входило оказать прокуратуре плохую услугу, а, напротив - создать ее положительный имидж».

19. В неуставленную дату прокурор I.D., которого подозревали в передаче писем заявителю, был уволен со службы.

20. 17 февраля 2003 г. заявитель обратился к Генеральному прокурору с еще одним письмом, сообщая, что письма не были получены от I.D. Заявитель добавил:

«Если способ, к которому я прибегнул, считается нарушением внутренних правил, то я единственный, кто должен нести ответственность.

Я действовал в соответствии с Законом «О доступе к информации», Законом «О прокуратуре» и Уголовным кодексом. Я верил, что заявления [Президента], осуждающие акты коррупции и торговли влиянием, были искренними. К моему великому сожалению, я отмечаю, что Генеральная прокуратура подняла статус письма государственного должностного лица (которое, по моему мнению, является прямым примером непосредственного политического вмешательства в процесс отправления правосудия) до статуса документа, составляющего государственную тайну. Этот факт в сочетании с увольнением I.D. беспокоит меня и заставляет меня серьезно сомневаться,

что в Республике Молдова соблюдаются права человека и принцип верховенства права».

21. 3 марта 2003 г. заявитель был уволен со своей должности. В приказе об его увольнении указывалось, *inter alia*, что письма, переданные заявителем в газету, были секретными и что он в нарушение требований пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра (см. пункт 31 ниже) не проконсультировался с другими подразделениями Генеральной прокуратуры прежде, чем передать письма в газету.

Е. Производство о восстановлении на работе, возбужденное по иску заявителя

22. 21 марта 2003 г. заявитель обратился в суд с гражданским иском о восстановлении на работе против Генеральной прокуратуры. Он утверждал, *inter alia*, что письма, которые он передал в газету, не были в соответствии с законом отнесены к категории секретных документов, что он не был обязан консультироваться с руководителями других подразделений Генеральной прокуратуры до обращения в прессу; что он передал письма в газету по просьбе газеты; и что его увольнение составляет нарушение его права на свободу выражения мнения.

23. 16 сентября 2003 г. Апелляционная Палата суда г. Кишинева отклонила иск заявителя. Она указала, *inter alia*, что заявитель нарушил свои обязательства, предусмотренные пунктом 1.4 Внутренних правил Пресс-центра в том, что он не проконсультировался с руководителями других подразделений, а также обязательства, предусмотренные пунктом 4.11 Внутренних правил в том, что обнародовал секретные документы.

24. Заявитель обжаловал данное судебное решение. Он выдвигал те же аргументы, что и при первоначальном обращении в суд с иском. Он также утверждал, что передача писем в газету не принесла никакого вреда его работодателю.

25. 26 ноября 2003 г. Высшая судебная палата отклонила апелляцию заявителя по тем же основаниям, что и Апелляционная палата г. Кишинева. Ссылаясь на аргументы заявителя, касающиеся свободы выражения мнения, Высшая судебная палата указала, что получение информации посредством злоупотребления служебным положением не является частью свободы выражения мнения (*dreptul la exprimare nu presupune dobândirea informației abuziv, folosind atribuțiile de serviciu*).

26. Ни Генеральная прокуратура, ни заместитель Председателя Парламента Мишин, похоже, не оспаривали подлинность писем, опубликованных в газете «Журнал де Кишинэу» или достоверность информации, содержащейся в статье от 31 января 2003 г., и не предпринимали каких-либо дальнейших действий.

Г. Заявление о преступлении, поданное газетой «Журнал де Кишинэу»

27. Поскольку Генеральная прокуратура не отреагировала в форме, которую ожидала от нее газета «Журнал де Кишинэу» после публикации статьи 31 января 2003 г. (см. пункт 15 выше), газета возбудила судебное производство в суде с целью вынесения постановления, обязывающего Генеральную прокуратуру возбудить уголовное дело по факту предполагаемого вмешательства Мишина в ведущееся расследование по уголовному делу. Газета утверждала, *inter alia*, что в соответствии с Уголовно-

процессуальным кодексом, газетные статьи и письма, публикуемые в газетах, могут быть основанием для возбуждения уголовного дела и что на Генеральном прокуроре лежит обязанность вынести распоряжение о проведении расследования.

28. Заявление газеты было отклонено Рышканским районным судом 25 марта 2003 г. и Окружным судом г. Кишинева 9 апреля 2003 г. Эти судебные инстанции установили, *inter alia*, что у газеты не имелось процессуальной правоспособности обращаться с подобным заявлением и что в любом случае статья от 31 января 2003 г. была просто газетной статьей, выражающей личную точку зрения, а не официальной просьбой о возбуждении уголовного дела.

Г. Продолжение статьи в газете «Журнал де Кишинэу»

29. 14 марта 2003 г. газета «Журнал де Кишинэу» опубликовала продолжение статьи от 31 января 2003 г. под названием «Мишин приступил к разгрому прокуроров». В материале описывались события, последовавшие после опубликования первой статьи, и указывалось, что Мишин был разъярен публикацией этой статьи и дал указание Генеральному прокурору установить и наказать лиц, ответственных за разглашение в прессе его сопроводительной записки. Генеральный прокурор уступил и объявил войну своим подчиненным, которые отказались терпеть политическое вмешательство в функционирование системы уголовной юстиции. В статье указывалось, что действия Генерального прокурора укладывались в общую тенденцию, наметившуюся в последние годы, - заменять лиц, имеющих значительный профессиональный опыт, которые не готовы следовать правилам, введенным новым правительством, состоящим из людей с сомнительным прошлым. В статье утверждалось, что источники в Генеральной прокуратуре сообщили газете, что Генеральная прокуратура систематически получала указания от Мишина и советников Президента, касающиеся вопроса, кто должен быть принят на работу, а кто уволен. Только за предыдущий год тридцать опытных прокуроров были уволены из прокуратуры г. Кишинева.

В статье также рассказывалась история увольнения заявителя как результат давления со стороны Мишина и указывалось, что источники в Генеральной прокуратуре рассказали газете, что их ведомство получало десятки писем от Мишина и V.S. (другое высокопоставленное государственное должностное лицо) в связи с ведущимися расследованиями по уголовным делам.

Согласно тому, что сообщили газете ее источники, два прокурора были уволены по настоянию Мишина, потому что они обнаружили уличающий материал против него в ходе расследования по факту исчезновения крупного предпринимателя P.D. После их увольнения расследование по этому уголовному делу было прекращено.

II. ПРИМЕНИМЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С КОНВЕНЦИЕЙ

А. Национальное законодательство и правоприменительная практика

1. Трудовой кодекс

30. Пункт 1 статьи 263 Трудового кодекса, действующий в рассматриваемый период времени, предусматривал, что работники центральных органов власти могли быть уволены со службы за серьезное нарушение своих служебных обязанностей.

2. Внутренние правила Пресс-центра Генеральной прокуратуры

31. Пункты 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры гласят:

«1.4 Пресс-центр планирует или организует совместно с редакциями газет, журналов, радиостанций и телевидения и с руководителями других подразделений Генеральной прокуратуры материалы для опубликования в средствах массовой информации, касающиеся деятельности Генеральной прокуратуры.

...

4.11 [Руководитель Пресс-центра] отвечает за качество публикуемых материалов, точность получаемой и предоставляемой информации и за сохранение тайны в соответствии с законодательством Республики Молдова».

32. В период времени, рассматриваемый в деле, ни Внутренние правила прокуратуры, ни законодательство Республики Молдова не содержали никакого положения, касающегося обнаружения сотрудниками данных о правонарушениях, совершенных по месту их работы.

3. Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс

33. Уголовный кодекс в период времени, рассматриваемый в деле, в части 1 статьи 190 содержал положение, запрещающее любое вмешательство в расследование по уголовному делу. Эта норма гласила:

«Любое вмешательство в расследование по уголовному делу, в том числе, незаконное оказание влияния в любой форме на лицо, производящее расследование, ... наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда».

34. Статья 90 Уголовно-процессуального кодекса в период времени, рассматриваемый в деле, предусматривала, что информация о правонарушениях, содержащаяся в газетных статьях или заметках, или письмах, опубликованных в газете, могла являться для прокурора основанием начать расследование по уголовному делу.

35. Статья 122 Уголовно-процессуального кодекса предусматривала, что на стадии расследования материалы уголовного дела не могут быть преданы гласности, за исключением случаев, когда имеется разрешение лица, производящего расследование.

4. Организация прокуратуры в Республике Молдова

36. Согласно статье 125 Конституции прокуроры являются независимыми.

37. Имеющие отношение к настоящему делу положения Закона «О прокуратуре» гласят:

Статья	3:	Основные	принципы	деятельности
Прокуратуры				

«(1) Прокуратура:

– выполняет свои функции независимо от органов государственной власти ... в соответствии с законом; ...

(3) ... Прокурорам и следователям запрещено быть членами какой-либо политической партии или иной общественно-политической организации, и они отвечают только перед законом ...»

Статья 13: Генеральный прокурор

«(1) Генеральный прокурор:

(i) назначается Парламентом по представлению Председателя Парламента сроком на 5 лет; а также

(ii) имеет первого заместителя и заместителей, назначаемых на свои должности Парламентом по представлению Генерального прокурора ...»

5. Закон «Об обращениях граждан» и Закон «О статусе депутата Парламента»

38. Закон «Об обращениях граждан» требует, чтобы государственные должностные лица или государственные органы отвечали на письменные обращения граждан в тридцатидневный срок. Если обращение относится к компетенции другого органа, оно направляется этому органу в течение трех дней.

39. Имеющие отношение к настоящему делу положения Закона «О статусе депутата Парламента» от 7 апреля 1994 г. предусматривают:

Часть первая статьи 22

«Депутаты парламента вправе обращаться в государственный орган и неправительственную организацию, а также к должностному лицу по вопросам, связанным с депутатской деятельностью, и принимать участие в их рассмотрении».

Часть первая статьи 23

«Депутат парламента как представитель высшей законодательной власти вправе потребовать немедленного прекращения нарушения закона. В случае необходимости он может обратиться к соответствующим органам или должностным лицам с требованием пресечь нарушение закона ...».

В. Доклады международных организаций по вопросу о разделении властей и независимости судебной власти в Республике Молдова

40. В имеющих отношение к настоящему делу разделах доклада 2004 года Международной комиссии юристов (ICJ) по вопросу о воплощении в Республике Молдова принципа верховенства права указывалось:

«... «Делегация, направленная с миссией в Республику Молдова Центром независимости судей и адвокатов Международной комиссии юристов (ICJ/CIJL), пришла к заключению, что несмотря на все усилия, предпринимаемые в период после провозглашения независимости страны молдавским правительством с целью реформировать свою систему правосудия, процесс воплощения в стране принципа верховенства права имеет серьезные недостатки, которые требуют исправления. Делегация установила, что нарушение принципа разделения властей вновь привело к тому, что судебная власть в основном подчиняется диктату правительства. Вновь имеет место практика «телефонного права». Через Высший совет магистратуры, который не является независимым органом, исполнительная власть имеет значительную возможность влиять на назначение судей. Помимо обвинений в коррупции, судебная власть Молдовы в последние три года значительно регрессировала,

что выливается в судебные решения, искажающие процесс правосудия по делам, где на кону стоят интересы правительства ...».

41. В докладе по Республике Молдова от 2003 года международной организации «Фридом хаус» (Freedom House) указывалось, *inter alia*, что:

«... В 2002 году принцип верховенства права был поставлен под угрозу в Республике Молдова На хрупком балансе власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в 2002 году сказались также серия назначений судей, произведенных на основе критерия лояльности правящей партии, смещение парламентского адвоката с его поста и попыток ограничить независимость Конституционного суда.

...

В апреле [2002 г.] Ассоциация судей Республики Молдова (МАЈ) сигнализировала, что правительство начало процесс «массовых чисток» в судебном секторе. Семь судей потеряли свою работу ...

Ситуация ухудшилась, когда Президент Воронин отказался продлить сроки полномочий пятидесяти семи других судей ...»

42. В докладе от 2003 года фонда «Правовая инициатива» (Justice Initiative) института «Открытое общество» (Open Society) и организации «Фридом хаус» (Freedom House) по Республике Молдова, *inter alia*, указывалось:

«... появилась практика «взятия под контроль» определенных дел, представляющих интерес для лидеров коммунистов или государственных органов власти. Эта практика предполагает следующее: Высший совет магистратуры (НСМ) или Высшая судебная палата (в обоих ведомствах председательствует одно и то же лицо) получает указания от Администрации Президента, от Правительства или Парламента относительно конкретного дела и требуемого его разрешения (такие указания даются также и в устной форме). Получив такие указания, Высшая судебная палата или Высший совет магистратуры обращаются непосредственно к председателю суда в случаях, когда рассматривается конкретное дело с предписанием «взять под личный контроль» рассмотрение того или иного дела. Так называемое «взятие на контроль» дела означает прямое указание, как разрешать конкретные дела».

С. Материалы ООН

43. Конвенция №58 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя», которая была ратифицирована Республикой Молдова 14 февраля 1997 г., в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

Статья 5

«Следующие причины не являются, *inter alia*, законным основанием для прекращения трудовых отношений:

...

(с) подача жалобы или участие в деле, возбужденном против работодателя по обвинению в нарушении законодательства либо правил, или обращение в компетентные административные органы ...;

...»

44. Конвенция ООН против коррупции, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией №58/4 от 31 октября 2003 г. и действовала с 14 декабря 2005 г., в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

Статья 33 – Защита лиц, сообщающих информацию

«Каждое Государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения».

На день, когда было вынесено настоящее постановление, данная Конвенция была подписана 140 странами, и ее ратифицировали или к ней присоединились 77 стран, не включая Республику Молдова.

D. Материалы Совета Европы

45. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«Преамбула

Государства - члены Совета Европы и другие государства, подписавшие настоящую Конвенцию,

...

подчеркивая, что коррупция угрожает верховенству права, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества;

...

договорились о нижеследующем:

...

Статья 22 - Защита сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей

Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты:

(а) тех, кто сообщает об уголовных преступлениях, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со статьями 2 - 14, или иным образом сотрудничает со следствием или органами, осуществляющими уголовное преследование;

(b) свидетелей, дающих показания, касающиеся этих преступлений».

В Пояснительном докладе к этой Конвенции в отношении статьи 22 говорится:

«111. ... слово «свидетели» относится к лицам, располагающим информацией, которая имеет отношение к уголовным делам о коррупционных преступлениях, как они предусмотрены в статьях 2 - 14 настоящей Конвенции; к этим лицам относятся и внутриведомственные доносители».

Данная Конвенция была подписана Республикой Молдова 24 июня 1999 г. и вступила в силу в отношении Республики Молдова 1 мая 2004 г.

46. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«Преамбула

Государства - члены Совета Европы и другие государства Европейского сообщества, подписавшие настоящую Конвенцию,

...

Подчеркивая, что коррупция является величайшей угрозой верховенству права, демократии и правам человека, принципам равенства и социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и угрожает надлежащему и добросовестному функционированию рыночной экономики;

Признавая неблагоприятные финансовые последствия коррупции для физических лиц, компаний или государств, а также международных объединений;

...

договорились о нижеследующем:

...

Статья 9 - Защита служащих

Каждая Сторона предусматривает в своем внутреннем законодательстве надлежащую защиту от любой неоправданной меры против служащих, которые имеют серьезные основания подозревать наличие коррупции и добросовестно сообщают о своем подозрении компетентным лицам или властям».

В Пояснительном докладе к этой Конвенции в отношении ее статьи 9 говорится:

«66. В настоящей статье речь идет о необходимости для каждой Стороны принимать необходимые меры для защиты служащих, которые добросовестно и в разумной степени обоснованно сообщают о своих подозрениях о коррупционной практике или коррупционном поведении, от того, чтобы стать жертвой преследования.

67. Что касается вопроса о необходимых мерах для защиты служащих, о которых идет речь в статье 9 Конвенции, то в законодательстве Сторон могло бы быть, например, предусмотрено, что работодатели обязаны выплачивать компенсацию служащим, ставшим жертвами незаконных санкций.

68. На практике случаи коррупции трудно поддаются выявлению и расследованию, и часто первыми, кто узнает о неправомерном поведении или начинает подозревать, что что-то не так, бывают служащие или коллеги (будь то в частной организации или в государственном ведомстве) замешанных в коррупции лиц.

69. Формулировка «надлежащая защита от любой неоправданной меры» подразумевает, что в силу [настоящей] Конвенции любая санкция против служащих, вынесенная на том основании, что они доложили об акте коррупции лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации, оправдана не будет. Такое сообщение об акте коррупции не должно рассматриваться как нарушение обязанности сохранять служебную конфиденциальность. Примерами неоправданных санкций могут служить увольнение с работы или понижение в должности этих лиц либо иные действия, ограничивающие их продвижение по службе.

70. Должно быть совершенно ясно, что, хотя никто не может воспретить работодателям принимать необходимые меры против своих служащих на основании соответствующих норм (например, в сфере трудового законодательства), применимых к обстоятельствам дела, работодатели не должны налагать неоправданные санкции на служащих только лишь на том

основании, что служащие докладывают о своих подозрениях лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации.

71. По этой причине необходимая защита служащих, которую должны обеспечить Стороны, должна поощрять служащих докладывать о своих подозрениях лицам или государственным органам, ответственным за принятие такой информации. Действительно, во многих случаях лица, располагающие информацией о коррупционной деятельности, не сообщают о ней из-за страха перед возможными негативными последствиями.

72. Что касается таких служащих-информаторов, то их защита распространяется только на те случаи, когда у них имеются разумные основания сообщать о своих подозрениях и сообщать добросовестно. Иными словами, защита распространяется на реальные случаи, а не на случаи злонамеренных доносов».

Данная Конвенция была подписана Республикой Молдова 4 ноября 1999 г. и вступила в силу в отношении Республики Молдова 1 июля 2004 г.

47. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. о кодексах поведения для государственных служащих (Rec(2000)10) в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

Статья 11

«Полностью осознавая наличие у него права доступа к официальной информации, государственный служащий обязан, соблюдая необходимую конфиденциальность, соответственно обращаться со всей информацией и всеми документами, полученными при исполнении или в связи с исполнением своих служебных обязанностей».

Статья 12 — Доведение до сведения

«...»

5. Государственный служащий должен довести до сведения компетентного органа власти любой факт, предположение или подозрение в незаконной или преступной деятельности в отношении государственной службы, о которой ему стало известно при исполнении или в связи с исполнением своих служебных обязанностей. Расследование доведенных до сведения фактов проводится компетентными органами.

6. Государственные органы должны обеспечить непричинение какого бы то ни было ущерба должностному лицу, которое доводит до его сведения вышеперечисленные сведения добросовестно и на разумных основаниях».

ПРАВО

48. В своей жалобе заявитель указал, что его увольнение с работы за передачу фигурирующих по делу писем в газету «Журнал де Кишинэу» приравнивается к нарушению его права на свободу выражения мнения и, в частности, его права распространять информацию и идеи среди третьих лиц. Статья 10 Конвенции гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает в себя свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимости от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения нарушения общественного порядка или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

A. Пункт жалобы заявителя, касающийся статьи 6 Конвенции

49. В своей первоначальной жалобе заявитель указал, со ссылкой на положения статьи 6 Конвенции, что национальные суды не приняли во внимание его доводы при рассмотрении дела о его восстановлении на работе. Однако в своих последующих представлениях заявитель просил Суд не рассматривать жалобу по данному пункту. Соответственно, Суд не будет рассматривать данную жалобу по данному пункту.

B. Пункт жалобы заявителя, касающийся статьи 10 Конвенции

50. Власти не оспаривали подлинность письма, которое было направлено Мишиным Генеральному прокурору. Однако они утверждали, что не было никакого вмешательства в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, потому что он не являлся автором статей, которые были опубликованы в газете «Журнал де Кишинэу», и был уволен с должности не за осуществление своего права на свободу выражения мнения, а просто за нарушение Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры. По мнению Властей, поскольку жалобы заявителя по сути относились к его трудовым правам, статья 10 Конвенции в деле не применима.

51. Заявитель утверждал, что статья 10 Конвенции применима в настоящем деле, несмотря на то обстоятельство, что он не был автором писем, которые были направлены в газету. Исходя из постановления по делу «Тома против Люксембурга» (Thoma v Luxembourg) (жалоба №[38432/97](#), ECHR 2001III) и постановления от 23 сентября 1994 года «Йерсилд против Дании» (Jersild v. Denmark) (Серия А №298), он указал, что Суд уже установил, что свобода выражения мнения также распространяется на право человека распространять информацию, полученную от третьих лиц.

52. Суд напоминает, что защита статьи 10 Конвенции распространяется на место работы вообще и на государственных служащих в частности (см. постановление Европейского Суда от 26 сентября 1995 г. по делу «Фогт против Германии» (Vogt v. Germany), п. 53, Серия А №323; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вилле против Лихтенштейна» (Wille v. Liechtenstein), жалоба № [28396/95](#), п. 41, ECHR 1999VII; постановление Европейского Суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Ахмед и другие против Соединенного Королевства» (Ahmed and Others v. the United Kingdom), п. 56, Сборник постановлений и решений 1998-VI; и постановление

Европейского Суда от 29 февраля 2000 г. по делу «Фуэнтес Бобо против Испании» (Fuentes Bobo v. Spain), жалоба № [39293/98](#), п. 38).

53. Заявитель направил письма в газету, которая впоследствии опубликовала их. Поскольку статья 10 Конвенции предусматривает и свободу распространять информацию и поскольку заявитель был уволен со своей должности за свое участие в опубликовании писем, Суд отклоняет предварительное возражение Властей.

54. Суд считает, что жалоба заявителя со ссылкой на статью 10 Конвенции поднимает фактические и правовые вопросы, которые достаточно серьезны для того, чтобы быть разрешенными на основе исследования дела по существу, при этом никаких оснований для объявления жалобы неприемлемой установлено не было. Европейский Суд поэтому объявляет жалобу приемлемой. В соответствии со своим решением применить по делу пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше) Суд немедленно рассмотрит дело по существу.

II. СУЩЕСТВО ДЕЛА

A. По вопросу о наличии акта вмешательства

55. Европейский Суд установил в пункте 53 выше, что статья 10 Конвенции применима в настоящем постановлении. Суд далее находит, что согласно первому пункту этой статьи увольнение заявителя с его должности за обнародование писем приравнивается к «акту вмешательства публичных властей» в осуществление его права на свободу выражения мнения.

56. Такое вмешательство является нарушением требований статьи 10 Конвенции, если только это вмешательство не было «предусмотрено законом», не преследовало одну или более законную цель согласно пункту 2 статьи и не являлось «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

B. «Предусмотрено законом»

57. В своих первоначальных представлениях заявитель утверждал, что вмешательство в осуществление им своего права не было предусмотрено законом, поскольку правовая норма, из которой исходили национальные власти, не была в достаточной мере предсказуемой. Однако в своем последующем устном выступлении он на этой позиции не настаивал.

58. Европейский Суд отмечает, что заявитель уволен со своей должности на основании части 1 статьи 263 Трудового кодекса за нарушение пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры (см. пункт 31 выше). Однако поскольку стороны не оспаривали далее в Суде эту позицию, Суд продолжит свое изучение обстоятельств дела, исходя из того, что положения пунктов 1.4 и 4.11 Внутренних правил Пресс-центра Генеральной прокуратуры отвечали требованию о том, что вмешательство было «предусмотрено законом».

C. Законная цель

59. Заявитель утверждал, что вмешательство не преследовало никакой законной цели. Власти указали, что законные цели, преследуемые в настоящем деле, состоят в том,

чтобы обеспечить авторитет правосудия, предотвратить преступления и защитить репутацию других лиц. Европейский Суд со своей стороны готов согласиться с тем, что преследуемой государством законной целью было предотвращение разглашения информации, полученной на доверительной основе. Решая вопрос таким образом, Суд находит важным то, что во время своего увольнения с должности заявитель отказался раскрыть источник информации, из чего можно заключить, что эта информация не была легко или открыто доступной (см. решение Комиссии по правам человека от 13 мая 1992 г. по делу «Хейзлдейн против Соединенного Королевства» (Haseldine v. the United Kingdom), жалоба № [18957/91](#), Сборник решений и докладов Комиссии по правам человека (DR) 73). Европейский Суд должен поэтому рассмотреть вопрос, было ли вмешательство публичных властей в осуществление заявителем своего права необходимым в демократическом обществе, в частности, имелось ли пропорциональное соотношение между вмешательством и преследуемой при этом целью.

D. «Необходимость в демократическом обществе»

1. Доводы сторон

(а) Доводы заявителя

60. Согласно заявителю, предание писем гласности следовало рассматривать как сообщение о противоправных действиях.

61. Заявитель указал сначала на то обстоятельство, что он действовал добросовестно и что, когда он передал письма в газету, он был убежден, что они содержали информацию, касающуюся факта совершения серьезного правонарушения заместителем Председателя Парламента. Единственная причина для предания этой информации гласности состояла в том, чтобы помочь борьбе с коррупцией и с торговлей влиянием. Заявитель не согласился с тем, что целью сопроводительной записки Мишина была попросту пересылка письма сотрудников полиции Генеральному прокурору в соответствии с Законом «Об обращениях граждан» (см. пункт 38 выше), а также с тем утверждением, что действия Мишина соответствовали положениям статей 22 и 23 Закона «О статусе депутата Парламента» (см. пункт 39 выше). Заявитель далее утверждал, что письма не являлись материалами, приобщенными к уголовному делу.

Заявитель утверждал, что в свете способа назначения Генерального прокурора и его заместителей на свои посты и ввиду доминирующего положения Партии коммунистов в Парламенте страны Генеральная прокуратура воспринималась обществом как находящаяся под сильным влиянием Парламента. Независимость Генеральной прокуратуры гарантирована в теории, но не на практике. По утверждению заявителя, Генеральный прокурор мог быть смещен со своего поста по усмотрению Парламента без указания каких-либо причин. В 2002 - 2003 годах были уволены со своих должностей более тридцати прокуроров, которые считались нелояльными по отношению к Партии коммунистов. Более того, Мишин, который был одним из лидеров правящей партии и заместителем Председателя Парламента, также воспринимался обществом как систематически использующий свое положение для оказания влияния на результаты рассмотрения дел в судах.

Заявитель добавил, что из формулировок письма, написанного Мишиным, недвусмысленно вытекает, что намерением его автора было оказать влияние на результаты рассмотрения уголовного дела против четверых сотрудников полиции. Такие действия образуют состав преступления, предусмотренного частью 1 статьи 190 Уголовного кодекса (см. пункт 33 выше). Заявитель также указал на то обстоятельство, что после получения указанного письма Генеральный прокурор распорядился о возобновлении расследования по данному уголовному делу, и вскоре после этого производство по уголовному делу было прекращено.

Согласно заявителю, тот факт, что четверо сотрудников полиции решили попросить государственных представителей высшего уровня проверить законность выдвинутых против этих сотрудников уголовных обвинений, указывал на существование в Республике Молдова практики, противоречащей принципу разделения властей. Крайне маловероятно, что сотрудники полиции, занимающиеся расследованием преступления, не знали, что власти, которым они адресовали свои письма, не имели судебных функций.

Согласно заявителю, обнародованная им информация представляла, таким образом, большой общественный интерес.

62. Чтобы предать гласности информацию, у заявителя не было иного выбора, как обратиться в газету. Поскольку в Молдавии нет законодательства о защите внутриведомственных информаторов, в распоряжении служащих нет какой-либо процедуры для сообщения о правонарушениях, совершаемых по месту работы. Заявитель указал, что было бы бесполезно доводить проблему до сведения Генерального прокурора, поскольку он не является независимым должностным лицом. Даже при том, что в течение примерно шести месяцев он знал о письме Мишина, представляется, что он просто скрывал факт существования этого письма, при этом выполняя указанные в нем условия. Отказ прокуратуры возбудить уголовное дело в отношении Мишина после публикации газетных статей (см. пункты 15 и 29 выше) свидетельствует о том, что какое-либо сообщение в прокуратуру было бы бесполезным. Более того, у заявителя имелись разумные основания опасаться, что доказательства будут скрыты или уничтожены, если он передаст их своим вышестоящим руководителям.

Заявитель также указал, что было бы неразумно ожидать от него обращения в Парламент, потому что 71 из 101 депутата принадлежали к правящей Партии коммунистов, и не существовало прецедента привлечения депутата от этой партии к уголовной ответственности правонарушением. Более того, в период с 2001 года по 2004 год ни одна инициатива, с которой выступала парламентская оппозиция и которая противоречила интересам правящей партии, не имела успеха в Парламенте.

63. Заявитель также жаловался на суровость наложенного на него взыскания и указал, что оно было самым строгим из числа возможных взысканий.

(b) Доводы Властей

64. По мнению Властей, предание гласности информации, о которой идет речь в настоящем деле, нельзя приравнивать к сообщению о внутриведомственных правонарушениях.

65. Власти сочли, что вышеуказанные письма были внутренними документами, к которым заявитель в силу своих должностных обязанностей в обычных условиях не имел бы доступа. Он, таким образом, попросту «похитил» их. Более того, письма, преданные гласности заявителем, имели конфиденциальный характер и были приобщены к материалам уголовного дела. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом материалы уголовного дела не могут быть опубликованы без разрешения лица, производящего расследование (см. пункт 35 выше).

Добросовестность заявителя вызывала сомнения также и потому, что письмо, написанное Мишиным, нельзя было обоснованно рассматривать как форму незаконного давления на Генерального прокурора. Фраза из письма «Я прошу Вас лично заняться этим делом и разрешить его в строгом соответствии с законом» являлась нормальной формулировкой, используемой при общении между собой различными государственными органами в соответствии с законом. Мишин просто передал письмо, полученное от четверых сотрудников полиции, в компетентный орган власти, Генеральную прокуратуру, в соответствии с Законом «Об обращениях граждан» (см. пункт 38 выше) и Законом «О статусе депутата Парламента» (см. пункт 39 выше). Согласно последнему закону депутат Парламента имеет право, *inter alia*, рассматривать обращения граждан, направлять их в компетентные органы власти, участвовать в их рассмотрении и при этом следить за соблюдением закона.

Не было никакой причинно-следственной связи между письмом Мишина и последующим решением прекратить уголовное дело в отношении четверых сотрудников полиции. Согласно Властям, Генеральная прокуратура являлась действительно независимым государственным органом, независимость которого гарантируется Конституцией и законодательством Молдовы (см. пункты 36 и 40 выше).

Более того, заявитель не разъяснил национальным судам причины своих действий, как он разъяснял их своему работодателю (см. пункты 18 и 20 выше). По мнению Властей, это также указывало на его недобросовестность и показывало, что действительным мотивом, которым он руководствовался при раскрытии информации, была не борьба с коррупцией, а его попытка причинить неприятности соответствующим лицам.

66. Поскольку, как изложено выше, Мишин не пытался оказать давление на Генерального прокурора, информация, содержащаяся в его письме, не представляла интереса для общества.

67. Более того, заявитель не направил информацию компетентному органу власти и действовал опрометчиво. Не было никакой информации срочного или необратимого характера, касающейся жизни или здоровья граждан, или вреда окружающей среде. Заявитель был вправе распространить информацию вне ведомства только в том случае, если не имелось возможности доложить ее внутри ведомства. Любой акт такого predания информации гласности в первую очередь должен был быть адресован высшим эшелонам Генеральной прокуратуры, а затем Парламенту (включая комитеты Парламента, политические фракции и политическую оппозицию) вместо того, чтобы быть сразу переданным напрямую в прессу.

В поддержку своей позиции Власти направили в Суд копии нескольких жалоб, которые были представлены гражданами в Парламент страны и которые касались

вопросов предполагаемых нарушений закона в трудовых отношениях и других вопросов. Представляется, что все эти жалобы были направлены Парламентом в компетентные государственные органы, такие как Генеральная прокуратура и Высший совет магистратуры, и сам Парламент этими жалобами более не занимался.

Власти утверждали, что в двадцати одном штате США законодательство не предоставляет правовую защиту актам разглашения сведений средствам массовой информации, тогда как в Соединенном Королевстве правовая защита актов сообщения о правонарушениях вовне допускается только в крайне редких и строго определенных обстоятельствах.

68. Ввиду характера обязанностей и ответственности государственных служащих пределы свободы усмотрения, которой наделены государства при вмешательстве в осуществление права человека на свободу выражения мнения, являлись весьма широкими. Власти указали, наконец, что суровость наложенного на заявителя взыскания была пропорциональна тяжести деяния заявителя.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы, применимые в настоящем деле

69. Центральным вопросом настоящего дела, который надлежит разрешить, это вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Основные принципы в этом отношении глубоко укоренились в прецедентной практике Европейского Суда и были суммированы следующим образом (см. среди других источников вышеупомянутое постановление Европейского Суда по делу «Йерсильд против Дании» (*Jersild v. Denmark*), п. 31; постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 г. по делу «Хертель против Швейцарии» (*Hertel v. Switzerland*), п. 46, Сборник постановлений и решений 1998VI; а также постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. the United Kingdom*), жалоба № [68416/01](#), п. 87, ECHR 2005II):

«(i) Свобода выражения мнения составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждой личности. С учетом требований пункта 2 статьи 10 Конвенции, она относится не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются благоприятно, считаются безобидными или встречаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых «демократического общества» не существует. Как установлено в статье 10 Конвенции, эта свобода подлежит ограничениям, которые, ... однако, должны истолковываться строго, а необходимость каких-либо ограничений должна быть убедительно обоснована ...

(ii) Прилагательное «необходимый» по смыслу положений пункта 2 статьи 10 Конвенции предполагает наличие «настоятельной общественной необходимости». Высокие Договаривающиеся Стороны обладают некоторой свободой усмотрения при определении того, существует ли такая необходимость, но эта свобода подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые изданы независимым судом.

Таким образом, Европейский Суд вправе вынести окончательное постановление по вопросу о том, было ли «ограничение» прав совместимо со свободой выражения мнений, гарантированной положениями статьи 10 Конвенции.

(iii) Задача Европейского Суда при реализации своих контрольных полномочий состоит не в том, чтобы занять место компетентных национальных органов власти, а в том, чтобы рассмотреть на предмет соответствия статье 10 Конвенции решения, вынесенные ими в рамках своей свободы усмотрения. Это не означает, что контроль ограничен определением того, реализовало ли государство-ответчик свое усмотрение разумно, тщательно и добросовестно; задача Суда состоит в рассмотрении обжалуемого вмешательства в свете дела в целом и определении того, было ли оно «соразмерно преследуемой правомерной цели» и являлись ли основания, приводимые национальными властями в его оправдание, «существенными и достаточными» ... При этом Суд должен быть уверен в том, что национальные органы власти применили стандарты, совместимые с провозглашенными статьей 10 Конвенции принципами и, кроме того, что они основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов ...».

70. Суд далее напоминает, что статья 10 Конвенции применяется и в отношении места работы заявителей и что государственные служащие, такие как заявитель, имеют право на свободу выражения мнения (см. пункт 52 выше). В то же время Суд помнит о том, что работники обязаны соблюдать лояльность, проявлять сдержанность и осмотрительность по отношению к своим работодателям. Это в особенности касается государственных служащих, поскольку в силу характера гражданской службы государственный служащий связан обязательством соблюдать лояльность и проявлять осмотрительность (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Фогта (Vogt), п. 53; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Ахмеда и других заявителей (Ahmed and Others), п. 55; а также постановление Европейского Суда от 14 марта 2002 г. по делу «Де Диего Нафриа против Испании» (De Diego Nafria v. Spain), жалоба № [46833/99](#), п. 37).

71. Поскольку задачей государственных служащих в демократическом обществе является содействие государству в выполнении его функций и поскольку общество вправе ожидать, что они будут оказывать помощь, а не мешать демократически избранным государственным органам, обязанность соблюдать лояльность и проявлять сдержанность приобретает для них особое значение (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Ахмеда и других заявителей (Ahmed and Others), п. 53.) Кроме того, государство по различного рода правомерным соображениям может быть заинтересовано в том, чтобы считать конфиденциальной или секретной информацию, к которой государственные служащие часто имеют доступ в силу самого характера своего должностного положения. Поэтому обязанность государственных служащих проявлять осмотрительность также в общем является строгой.

72. До настоящего времени, однако, Суд не рассматривал дел, в которых речь шла о случаях, когда государственный служащий публично предавал гласности внутриведомственную информацию. В этом смысле в настоящем деле поднимается новый вопрос, который отличается от того, который был поднят в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штоль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland) жалоба № [69698/01](#), ECHR 2007-V), в котором обнаружение служебной

информации имело место без участия государственного служащего. В этой связи Суд отмечает, что государственному служащему в ходе его работы может стать известна внутриведомственная информация, в том числе и секретная, разглашение или опубликование которой отвечает устойчивым интересам общества. Суд по этой причине считает, что сообщение государственным служащим или работником государственного сектора о противозаконных действиях или правонарушениях, совершаемых по месту его работы, должно при определенных обстоятельствах пользоваться правовой защитой. Таковая может понадобиться в случаях, когда работник или государственный служащий является единственным лицом или одним из небольшой категории лиц, знающих, что происходит на работе, и тем самым он находится в наиболее выгодном положении, чтобы действовать в интересах общества, привлекая к подозрительному факту внимание своего работодателя или общества в целом. В данном контексте Суд учитывает следующую позицию из Пояснительного доклада к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (см. пункт 46 выше):

«На практике случаи коррупции трудно поддаются выявлению и расследованию, и часто первыми, кто узнает о неправомерном поведении или начинает подозревать, что что-то не так, бывают служащие или коллеги (будь то в частной организации или в государственном ведомстве) замешанных в коррупции лиц.»

73. В свете упомянутой выше обязанности государственных служащих проявлять осмотрительность сообщение информации должно быть в первую очередь сделано вышестоящему должностному лицу или иному компетентному органу. И только в тех случаях, когда таковое становится явно невозможным, информация может быть, как крайний случай, предана гласности в обществе (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше решение по делу Хейзлдайна (Haseldine)). Оценивая, было ли ограничение свободы выражения мнения пропорциональной мерой, Суд, следовательно, должен принять во внимание факт, были ли доступны заявителю какие-либо иные эффективные средства исправления правонарушения, которое он намеревался разоблачить.

74. В ходе определения пропорциональности акта вмешательства в осуществление государственным служащим своего права на свободу выражения мнения в подобном случае Европейский Суд должен также учесть ряд других факторов. В первую очередь особое внимание должно быть уделено общественному интересу к обнародуемой информации. Суд напоминает, что согласно положениям пункта 2 статьи 10 Конвенции сфера действия ограничений на обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес, узка (см. среди других источников постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции» (*Sürek v. Turkey*) (№1), жалоба № [26682/95](#), п. 61, ECHR 1999-IV). При демократической системе правления действия или бездействие государства должны быть объектом пристального внимания не только законодательной и судебной властей, но также и средств массовой информации и общественного мнения. Интерес общества к конкретной информации иногда может быть настолько силен, что он перевешивает даже законным образом возложенную на то или иное лицо обязанность соблюдать конфиденциальность (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фрессоз и Руар против Франции» (*Fressoz and Roire v. France*), жалоба № [29183/95](#), ECHR 1999I, и постановление Европейского Суда по делу «Совместное предприятие Радио Твист против Словакии» (*Radio Twist, a.s. v. Slovakia*), жалоба № [62202/00](#), ECHR 2006-XV).

75. Второй фактор, имеющий отношение к данному взвешиванию различных интересов по делу, является вопрос о подлинности раскрываемой информации. Органы государственной власти вольны в принятии мер, направленных на надлежащее и без крайностей реагирование на диффамационные обвинения, лишённые оснований или изложенные недобросовестно (см. постановление Европейского Суда от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*), п. 46, Серия А № 236). Более того, свободе выражения мнения сопутствуют обязанности и ответственность, и любое лицо, решившее обнародовать информацию, должно тщательно проверить, в той степени, в какой позволяют обстоятельства, что она точна и достоверна (см., *mutatis mutandis*, решение Комиссии по правам человека от 3 мая 1988 г. по делу «Мориссенс против Бельгии» (*Morissens v. Belgium*), жалоба № [11389/85](#), DR 56, с. 127, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Общество с ограниченной ответственностью «Бладет Тромсе» и Стенсаас против Норвегии» (*Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway*), жалоба № [21980/93](#), п. 65, ECHR 1999III).

76. При взвешивании различных интересов по делу на другую чашу весов Европейский Суд должен положить ущерб, если таковой вообще был причинен, который был нанесен государственной власти в результате обнародования соответствующей информации, и оценить, перевешивает ли этот ущерб интерес общества к тому, чтобы информация была передана гласности (см. *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 16 декабря 1992 г. по делу «Хаджианастасиу против Греции» (*Hadjianastassiou v. Greece*), п. 45, Серия А №252, а также упомянутое выше постановление по делу Штоля (*Stoll*), п. 130). В этой связи могут иметь значение содержание обнародуемой информации и характер деятельности затрагиваемого органа власти (см. упомянутое выше решение Комиссии по правам человека по делу Хейзлдайна (*Haseldine*)).

77. Мотивы, движущие работником, обнародующим информацию, являются другим определяющим фактором при решении вопроса, следует ли предоставлять правовую защиту конкретному акту предания гласности информации или нет. Например, акт, мотивированный личным недовольством или личной неприязнью, либо ожиданием личной выгоды, включая материальную выгоду, не может оправдать высокий уровень правовой защиты (*ibid.*). Важно установить, что, обнародуя информацию, лицо действует добросовестно и с верой, что эта информация является правдивой, что имеется общественный интерес к ее обнародованию и что не имеется доступных этому лицу иных, более тактичных средств исправления вреда.

78. Наконец, в связи с проверкой пропорциональности вмешательства по отношению к преследуемой при этом законной цели требуется внимательный анализ наказания, назначенного заявителю, и его последствия (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Фуэнтеса Бобо (*Fuentes Bobo*), п. 49).

79. Теперь Европейский Суд в свете вышеуказанных принципов даст оценку обстоятельствам настоящего дела.

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

(i) Вопрос о том, имелись ли у заявителя альтернативные каналы для предания информации гласности

80. Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было никакого эффективного альтернативного канала для предания информации гласности, тогда как Власти

утверждали, что, напротив, заявитель мог бы в первой инстанции обратиться к своим вышестоящим руководителям, а затем, при необходимости, к Парламенту или парламентскому адвокату.

81. Европейский Суд отмечает, что ни законодательство Республики Молдова, ни внутренние правила Генеральной прокуратуры не содержали какого-либо положения, касающегося порядка сообщения сотрудниками сведений о нарушениях (см. пункт 32 выше). Представляется поэтому, что не было органа власти, кроме вышестоящих руководителей заявителя, куда бы он мог сообщить о своей озабоченности, не было никакого установленного порядка для обращения с таким сообщением.

82. Представляется также, что предание информации гласности касалось действий заместителя Председателя Парламента, который является высокопоставленным должностным лицом, и что, несмотря на то, что Генеральный прокурор знал о ситуации в течение примерно шести месяцев, он не выказал никаких признаков какого-либо своего намерения отреагировать, но вместо этого создал впечатление, что он уступил давлению, которое было оказано на его ведомство.

83. Что касается альтернативных способов предания информации гласности, упоминавшихся Властями (см. 67 выше), Суд считает, что ему не было представлено никаких удовлетворительных доказательств в опровержение утверждений заявителя о том, что ни одна из предлагавшихся альтернатив не была бы эффективной в особых обстоятельствах настоящего дела.

84. В свете вышеуказанного Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела сообщение информации вовне, даже в газету, могло быть оправданным.

(ii) Вопрос об общественном интересе к информации, преданной гласности

85. Заявитель указал, что сопроводительная записка Мишина является доказательством политического вмешательства в процесс отправления правосудия. Власти с этим не согласились.

86. Европейский Суд отмечает, что в своем письме сотрудники полиции просили Мишина проверить законность уголовных обвинений, предъявленных им прокуратурой (см. пункт 10 выше). Мишин отреагировал на просьбу, направив официальное письмо Генеральному прокурору. Власти указали, что действия Мишина соответствовали, *inter alia*, положениям Закона «О статусе депутата Парламента». В этом контексте Суд считает необходимым вновь подтвердить, что в демократическом обществе как суды, так и следственные органы должны быть свободны от политического давления. Любое толкование любой нормы законодательства, устанавливающей права депутатов Парламента, должно подчиняться этому принципу. Изучив сопроводительную записку, которую Мишин написал Генеральному прокурору, Европейский Суд не может согласиться с тем, что ее целью было просто направить письмо сотрудников полиции в компетентный государственный орган, как это указывалось Властями (см. пункт 65 выше). Более того, ввиду контекста и формулировок, использованных Мишиным, нельзя исключать, что целью сопроводительной записки было оказать давление на Генеральную прокуратуру, несмотря на то, что в записку была включена фраза о том, что уголовное дело должно быть «разрешено в строгом соответствии с законом» (см. пункт 10 выше).

87. На этом фоне Суд отмечает, что Президент Молдовы проводил кампанию против практики вмешательства политических деятелей в функционирование системы уголовной юстиции и что молдавские средства массовой информации широко освещали данный вопрос (см. пункт 11 выше). Суд также отмечает доклады международных неправительственных организаций (см. пункты 40 - 42 выше), в которых была выражена озабоченность развалом системы разделения властей и отсутствием независимости суда в Молдавии.

88. В свете вышеизложенного Европейский Суд считает, что письма, обнародованные заявителем, имели отношение к таким вопросам, как разделение властей, неправомерные действия высокопоставленного политического деятеля и отношение государства к жестокости со стороны сотрудников полиции (см. пункты 10 и 14 выше). Нет сомнения в том, что это очень важные вопросы в демократическом обществе, о которых граждане в соответствии с законным интересом должны быть информированы и которые являются предметом политических дебатов в обществе.

(iii) Вопрос о подлинности обнародованной информации

89. Стороны согласны друг с другом в том, что письма, переданные заявителем в газету «Журнал де Кишинэу» были подлинными (см. пункт 26 выше).

(iv) Вопрос о вреде, причиненном Генеральной прокуратуре

90. Европейский Суд отмечает, что в интересах общества поддерживать веру граждан в независимость и политический нейтралитет прокурорских органов государства (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 26 апреля 1995 г. по делу «Прагер и Обершлик против Австрии» (*Prager and Oberschlick v. Austria*), п. 34, Серия А №313). Письма, переданные заявителем в газету, не были написаны должностными лицами Генеральной прокуратуры, и согласно утверждениям Властей, письмо от Мишина содержало нормальную формулировку, используемую при общении между собой различными государственными органами, и это письмо не повлияло на решение Генеральной прокуратуры прекратить уголовное дело в отношении сотрудников полиции. Тем не менее вывод, к которому пришла газета в своих статьях, о том, что Генеральная прокуратура была объектом противоправного влияния, мог иметь серьезные отрицательные последствия для веры граждан в независимость этого учреждения.

91. Однако Европейский Суд считает, что общественный интерес в получении информации о выявленном противоправном давлении на прокуратуру и правонарушениях внутри прокуратуры настолько важен в демократическом обществе, что он перевешивает интерес в поддержании общественного доверия к Генеральной прокуратуре. Суд вновь подтверждает в этом контексте, что открытое обсуждение тем, являющихся предметом озабоченности общества, чрезвычайно важно для демократии, и необходимо учитывать огромную важность того, чтобы гражданам не препятствовали высказывать свои мнения по таким темам (см. постановление Европейского Суда от 22 февраля 1989 г. по делу «Барфод против Дании» (*Barfod v. Denmark*), п. 29, Серия А №149).

(v) Вопрос о том, действовал ли заявитель добросовестно

92. Заявитель утверждал, что его единственным мотивом для предания писем гласности было желание помочь борьбе с коррупцией и торговлей влиянием. Эта позиция не оспаривалась его работодателем. Власти, с другой стороны, высказали

сомнение в добросовестности заявителя, утверждая *inter alia*, что он не дал этого пояснения в национальных судах.

93. На основании имеющихся у него материалов дела Европейский Суд не находит оснований полагать, что заявителем двигало желание извлечь личную выгоду, что он мотивировал свои действия личным недовольством своим работодателем или Мишиным или что имелся еще какой-либо иной скрытый мотив его действий. То обстоятельство, что он не заявил в национальных судах о своем желании помочь борьбе с коррупцией и торговлей влиянием, не является, по мнению Суда, решающим фактором, поскольку в судах заявитель сфокусировался на опровержении оснований, выдвинутых его работодателем при увольнении заявителя с должности, и не считал необходимым вдаваться в вопросы, которые его работодатель не оспаривал.

94. Соответственно, Европейский Суд приходит к заключению, что мотивы заявителя были такими, как он их представил Суду, и что заявитель действовал добросовестно.
(vi) Вопрос о суровости взыскания

95. Наконец, Суд отмечает, что на заявителя было наложено самое строгое взыскание. В то время как органы власти могли назначить менее суровое наказание, они предпочли уволить заявителя с его должности, что несомненно было очень строгой мерой (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Фогта (Vogt), п. 60). Это взыскание имело негативные последствия не только для карьеры заявителя, но могло также оказать серьезное отрицательное влияние на других сотрудников прокуратуры и заставить их отказаться от информирования о любых формах неправомерных действий. Более того, ввиду освещения дела заявителя в средствах массовой информации взыскание, наложенное на заявителя, могло иметь отрицательное влияние не только на сотрудников прокуратуры, но также и на многих других работников и государственных служащих.

96. Европейский Суд отмечает, что Власти утверждали, что заявитель на самом деле «похитил» письмо, которое, по их мнению, было секретным и относилось к материалам уголовного дела. Власти также заявили, что письмом Мишина не оказывалось никакого неправомерного давления на Генерального прокурора. Оно было нормальной формой общения между государственными органами и не было связано с решением прекратить уголовное дело в отношении сотрудников полиции. В этих обстоятельствах Суд находит, что трудно оправдать применение такого сурового взыскания.

(с) Заключение

97. Памятуя о важности права человека на свободу выражения мнения по вопросам, представляющим общий интерес, права государственных служащих и иных работников докладывать о неправомерном поведении и правонарушениях по месту их работы, обязанностей и ответственности работников по отношению к их работодателям и права работодателей управлять своими подчиненными, а также взвесив другие различные интересы, связанные с настоящим делом, Европейский Суд приходит к заключению, что вмешательство в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, в частности, его права на распространение информации, не было «необходимым в демократическом обществе».

Соответственно, имело место нарушение требований статьи 10 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

98. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

99. Заявитель требовал 15 000 евро в качестве компенсации причиненного ему имущественного ущерба и неимущественного вреда, распределенных следующим образом: 6 000 евро — в качестве компенсации потери заработка за период его незанятости после увольнения с должности, 6 000 евро — в качестве компенсации за потерю перспективы карьерного роста и 3 000 евро — в качестве компенсации причиненного ему неимущественного вреда.

100. Власти оспорили данные требования заявителя и утверждали, что они были необоснованными и чрезмерными.

101. Европейский Суд считает, что заявителю были причинены имущественный ущерб и неимущественный вред в результате увольнения его с должности. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает ему сумму компенсации в размере 10 000 евро.

B. Издержки и расходы

102. Представители заявителя просили назначить выплату им суммы в размере 6 843 евро в качестве вознаграждения за оказанную ими юридическую помощь, 4 400 евро из этой суммы выплатить Грибинчя и 2 443 евро - Замэ. Представители заявителя представили подробный табель учета отработанных часов и соглашение об оказании юридической помощи, в котором указывалось, что почасовые ставки вознаграждения этих адвокатов составляли 80 евро и 70 евро соответственно. Расчеты в таблице не включали время, потраченное на работу по пункту жалобы заявителя, связанному со статьей 6 Конвенции, который впоследствии был отозван заявителем.

103. Представители заявителя утверждали, что количество часов, которое они потратили на работу по делу, не было чрезмерным и оправдывалось сложностью дела, а также тем обстоятельством, что замечания по делу надлежало составлять на английском языке.

104. Что касается почасовых ставок вознаграждения, то адвокаты заявителя утверждали, что их ставки были в пределах, рекомендованных Коллегией адвокатов Республики Молдова - от 40 до 150 евро в час.

105. Представители заявителя также просили назначить выплату им суммы в размере 2 413 евро в качестве возмещения расходов, связанных со слушанием дела 6 июня 2007

г., в эту сумму были включены транспортные расходы, расходы на получение визы, расходы на приобретение страхового полиса и суточные.

106. Власти оспорили сумму, требуемую в качестве возмещения расходов на юридическое представительство заявителя. Власти указали, что эта сумма является чрезмерной, оспорили количество часов, которое адвокаты заявителя потратили на работу по делу, и почасовые ставки, в особенности ставки Замэ, у которого, по их мнению, не было необходимого опыта работы адвокатом, чтобы требовать оплату своих услуг по такой высокой ставке.

107. Что касается возмещения других расходов заявителя, Власти утверждали, что его следует требовать у Суда.

108. Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы получить возмещение судебных издержек и расходов в порядке статьи 41 Конвенции, должно быть установлено, что они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными относительно их размера (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Амихалакиоае против Молдавии» (*Amihalachioaie v. Moldova*), жалоба № [60115/00](#), п. 47, ECHR 2004III). В настоящем деле, учитывая, что Суду был представлен список расходов с разбивкой по статьям, а также сложность дела, Суд присуждает выплатить Грибинчя всю требуемую им сумму, Замэ - сумму в размере 1 600 евро в качестве вознаграждения за оказанную им юридическую помощь и всю сумму, требуемую представителями заявителя в качестве возмещения расходов, связанных со слушанием дела 6 июня 2007 г.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

109. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Объявил жалобу приемлемой;

2. Постановил, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

3. Постановил,

(а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев сумму в размере 10 000 (десять тысяч) евро в качестве компенсации причиненного заявителю имущественного ущерба и неимущественного вреда, а также сумму 8 413 (восемь тысяч четыреста тринадцать) евро в качестве возмещения понесенных заявителем судебных издержек и расходов, а также сумму любого налога, подлежащего уплате с указанных сумм, указанные суммы подлежат переводу в национальную валюту государства-ответчика по курсу обмена валюты на день выплаты;

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате

заявителю пени, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка плюс три процента;

4. Отклоняет остальные требования заявителя, касающиеся справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и французском языке и оглашено в открытом заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 12 февраля 2008 г.

4.2 Дело «Марченко против Украины»

Жалоба №. [4063/04](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

19 февраля 2009 г.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

19.05.2009 г.

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было инициировано жалобой (№ 4063/04), которую подал против Украины в Европейский Суд 19 декабря 2003 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») Михайло Илларионович Марченко (далее - «заявитель»), гражданином Украины.
2. Власти Украины (далее - «Власти») были представлены Уполномоченным Украины при Европейском Суде по правам человека Ю. Зайцевым.
3. Заявитель жаловался, в частности, на несправедливое судебное разбирательство, в результате которого он был признан виновным в клевете.
4. 12 апреля 2007 года председатель Пятой секции решил уведомить Власти о поданной жалобе. Кроме того, было решено одновременно рассмотреть жалобу по существу и по вопросу приемлемости (в соответствии с пунктом 3 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1946 году и проживал в селе Пасеки-Зубрицкие.

A. События, которые привели к уголовному обвинению заявителя

6. Начиная с 1974 года заявитель работал учителем в школе-интернате № 6 города Львова для детей с речевыми нарушениями (далее - «школа»). В 1995 году он был избран главой отделения «ВОСТ» - одной из двух школьных профсоюзных организаций.
7. 12 января 1996 года местное управление образования наняло П. на должность директора, несмотря на возражение со стороны некоторых сотрудников, в частности, членов «ВОСТ».
8. В мае 1996 года П. уволила одного из сотрудников, члена организации «ВОСТ», без согласия «ВОСТ». Впоследствии, в 1998 году этот сотрудник был восстановлен в должности в результате судебного иска, поданного «ВОСТ».
9. 6 июня 1996 года П. отказалась подписать коллективный договор, подписанный «ВОСТ» и главой второй школьной профсоюзной организации.
10. В неустановленный день в конце 1996 года бывший школьный водитель, уволенный П. за неисполнение служебных обязанностей, представил письменное

заявление заявителю, утверждая, что в апреле 1996 года П. приказала ему разгрузить десять ящиков гуманитарной помощи, предназначенной для школы, на участке своего отца и что зачастую она использовала школьный автомобиль в личных целях.

11. В начале 1997 года заявитель как лидер профсоюзной организации направил несколько жалоб в Контрольно-ревизионное управление (*Контрольно-ревізійне управління*, государственную ревизионную службу, контролирующую использование средств государственными организациями, «КРУ»), утверждая, что П. злоупотребляла своим служебным положением и недолжным образом использовала школьное имущество и денежные средства. В частности, он заявил, что П. присвоила себе десять ящиков гуманитарной помощи, школьный телевизор, другое видеоборудование и кирпич из снесенного школьного забора. Несколько раз заявитель также жаловался на ситуацию У., региональному лидеру «ВОСТ».

12. В ответ на эти жалобы в 1997 году КРУ провело несколько проверок на предмет использования школьных средств.

13. В своем докладе от 28 февраля 1997 года КРУ заявило, что никаких серьезных случаев ненадлежащего использования школьного имущества выявлено не было.

14. Доклад КРУ от 26 марта 1997 года, однако, вскрыл некоторую недобросовестность со стороны школьной администрации в использовании гуманитарной помощи, благотворительности и **кирпичей**. Однако никаких доказательств того, что часть гуманитарной помощи или денежных пожертвований, или кирпичей была присвоена П., найдено не было.

15. В апреле 1997 года заявитель от имени школьного представительства организации «ВОСТ», У. от имени регионального представительства «ВОСТ» и Н. от имени местного отделения Украинской консервативной партии подали заявление о возбуждении уголовного дела в отношении П. в Лычаковскую районную прокуратуру (далее - «прокуратура»), ссылаясь, в основном, на те же обстоятельства, что и в жалобах «ВОСТ» в КРУ. На 28 апреля 1997 года прокуратура отклонила эту жалобу из-за недостатка доказательств преступления П. 17 июня 1997 года второе заявление о возбуждении уголовного дела было отклонено на том же основании. Тем не менее, было возбуждено уголовное дело в отношении обстоятельств исчезновения телевизора и видеоборудования.

16. 26 мая 1997 года несколько представителей регионального представительства «ВОСТ» пикетировали Лычаковскую районную администрацию, протестуя против предполагаемых злоупотреблений со стороны П. Участники пикета несли плакаты с различными слоганами с критикой в адрес П. и ее заместителя Н., а также их сторонников в местной администрации. Текст слоганов в адрес П. был следующим: «П. и Н. - верните гуманитарную помощь и 20 000 кирпичей из школьной стены детям-инвалидам»; «Директор школы-интерната № 6 П. и ее банда преследователей из «ВОСТ» [должны предстать] перед судом»; и «П. и Н., руки прочь от детей-инвалидов школы-интерната № 6».

В. Уголовное разбирательство в отношении заявителя

17. В мае 1998 года П. подала заявление о возбуждении дела в порядке частного обвинения против заявителя. Она жаловалась, в частности, что в своих письмах в КРУ и прокуратуру заявитель ложно обвинил ее в злоупотреблении служебным положением и присвоении государственных средств, а также что он организовал пикет 26 мая 1997 года, в ходе которого демонстранты несли плакаты с оскорбительными надписями, и участвовал в нем. П. высказывала мнение, что действия заявителя подпадают под действие части 2 статьи 125 (клевета в СМИ) и части 3 (ложное обвинение в совершении тяжких преступлений) и статьи 126 (оскорбление) Уголовного кодекса от 1960 года, действующего на момент разбирательства.

18. 14 мая 1998 года судья Лычаковского районного суда г. Львова заявил, что поведение заявителя *vis-à-vis* к П. подпадает под действие части 1 статьи 125 Уголовного кодекса (простая клевета) и статьи 126, и возбудил уголовное дело в отношении заявителя. Кроме того, судья постановил избрать в отношении заявителя меру пресечения в виде подписки о невыезде.

19. В ходе расследования обвинения в отношении заявителя были переквалифицированы с части 1 статьи 125 на часть 3 статьи 125.

20. 12 ноября 1999 года прокуратура уведомила заявителя о возбуждении в отношении него уголовного дела в соответствии с пунктом 3 статьи 125 и статьи 126 Уголовного кодекса.

21. 15 ноября 1999 года следственная группа подготовила окончательный обвинительный акт по указанным статьям и предоставила заявителю доступ к материалам дела перед их передачей в суд.

22. 26 января 2000 года в Лычаковском районном суде состоялось первое слушание по делу заявителя.

23. В марте 2000 года дело заявителя было передано в Шевченковский районный суд г. Львова (далее - «Шевченковский суд»).

24. 26 июня 2001 года Шевченковский суд признал заявителя виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 125, в соответствии с изначально предъявленным обвинением, и снял с него обвинения по статье 126, как не имеющие отношение к делу. Суд приговорил его к одному году лишения свободы условно и штрафу в размере 200 украинских гривен (UAH). Суд также частично удовлетворил гражданский иск П. и обязал заявителя выплатить ей 1 000 украинских гривен в качестве компенсации неимущественного вреда и 100 украинских гривен в качестве оплаты юридических услуг.

25. В своем постановлении суд установил, что в многочисленных письмах, подписанных заявителем, П. необоснованно обвиняли в присвоении государственных средств. Суд также установил, что заявитель инициировал проведение и принимал участие в пикете 26 мая 1997 года, ссылаясь на различные доказательства, в том числе, утверждения нескольких сотрудников школы о том, что они видели его во время пикета с плакатом в руках.

26. Заявитель обжаловал постановление от 26 июня 2001 года. Он утверждал, в частности, что обвинение не доказало, что он намеренно распространял ложную информацию. Кроме того, никакого внимания не было уделено тому факту, что он действовал как официальный лидер местного представительства «ВОСТ», наделенный членами профсоюза правом информировать органы власти о должностных преступлениях П., и что в соответствии с выводами КРУ и правоохранительных органов его обвинения не были необоснованными. Кроме того, заявитель отрицал какую-либо причастность к пикету, ссылаясь на то, что его изображение отсутствовало на фотографиях, сделанных истцом, а также медицинскую справку, подтверждающую, что до 27 мая 1998 года он находился на стационарном лечении. Он также утверждал, что это дело нельзя рассматривать по части 3 статьи 125 Уголовного кодекса, поскольку в соответствии с решением от 14 мая 1998 года уголовные обвинения, выдвинутые П. по этой статье, были переклассифицированы в обвинения по части 1 статьи 125.

27. 21 августа 2001 Львовский областной апелляционный суд заслушал дело в отсутствие заявителя и оставил постановление от 26 июня 2001 года без изменений. Было установлено, в частности, что вина заявителя, в том числе, обвинение в участии в пикете, была подтверждена многочисленными доказательствами. В частности, несколько сотрудников школы свидетельствуют, что видели заявителя с плакатом в руках во время пикета, а его врач заявил, что его лечение не мешало ему покидать больницу.

28. Заявитель подал одиннадцать кассационных жалоб, которые были отклонены по причине несоблюдения формальностей, предусмотренных законом. 25 апреля 2003 года судья Верховного суда объявил приемлемой двенадцатую кассационную жалобу, поданную заявителем, в которой он по существу приводил те же аргументы, что в своей апелляции.

29. 13 ноября 2003 года Верховный суд оставил предыдущее постановление без изменений.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Уголовный кодекс 1960 года

30. Текст статьи 125 Кодекса гласит:

Клевета [*Наклеп*], то есть распространение заведомо ложной информации, нацеленной на подрыв репутации другого лица, подлежит наказанию ...

Клевета в средствах массовой информации ... подлежит наказанию ...

Клевета, связанная с необоснованным обвинением в совершении тяжкого преступления, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

31. Статья 126 Кодекса гласит следующее:

«Оскорбление [*Образа*], то есть умышленное унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме, подлежит наказанию ...»

32. После проведения законодательной реформы, Новый Украинский Уголовный кодекс от 5 апреля 2001 года исключил клевету и оскорбление из списка уголовных преступлений.

2. Уголовно-процессуальный кодекс

33. Текст статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса (регламентирующего порядок судебных разбирательств по делам частных обвинений, действовавшего до 21 июня 2001 года) можно найти в постановлении от 10 августа 2006 года по делу «*Ляшко против Украины*» (*Lyashko v. Ukraine*) (жалоба № 21040/02, п. 23).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ФОРМУЛИРОВКОЙ ОБВИНЕНИЙ

34. Заявитель жаловался, что он был признан виновным в совершении преступления, обвинение в котором ему не было предъявлено. В этой связи он ссылаясь на статью 4 протокола № 7. Суд, имея большой опыт в квалификации фактов в судебных делах, считает, что эта жалоба должна быть рассмотрена в соответствии с пунктом 1 и подпунктами (а) и (b) пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые гласят:

«...Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

- (а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;
- (b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;...»

35. Власти утверждали, что жалоба заявителя в представленной формулировке не может толковаться как утверждение о нарушении гарантий справедливого судебного разбирательства. Они также утверждали, что права заявителя в соответствии со статьей 6 Конвенции были должным образом соблюдены во всех отношениях.

36. Заявитель не согласился. Он утверждал, что производство по уголовному делу в отношении него было в целом несправедливым. Он также отметил, что он не имел возможности в полной мере оценить характер и масштабы обвинений, выдвинутых против него и, соответственно, подготовить свою защиту. В частности, ему было предъявлено обвинение по части 3 статьи 125 Уголовного кодекса, в то время как первоначально уголовное дело было возбуждено по части 1 статьи 125 того же Кодекса.

37. Суд повторяет, что права, гарантированные подпунктом (а) пункта 3 статьи 6 должны, в частности, оцениваться в свете более общего права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Кроме того, он отмечает, что в уголовных делах точная и полная информация об обвинениях, выдвинутых в отношении обвиняемого, и, следовательно, правовая квалификация, которую может принять суд в данном деле, является необходимым условием справедливого судебного разбирательства. (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «*Пелиссье и Сасси против Франции*» (*Pélissier and Sassi v. France*), жалоба № 25444/94, п. 52, ECHR 1999II). Суд также считает, что подпункты «а» и «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции взаимосвязаны и что право быть уведомленным

о характере и причине обвинения должно быть рассмотрено в свете права обвиняемого на подготовку своей защиты (там же, п. 54).

38. Обращаясь к фактам данного дела, Суд отмечает, что судебные слушания по делу заявителя, приведшие в конечном итоге к вынесению обвинения в соответствии с частью 3 статьи 125 Уголовного кодекса от 1961 года, действующего в соответствующий период, проводились в период с января 2000 года по июнь 2001 года. В то же время, 12 ноября 1999 года заявитель был уведомлен об обвинении в соответствии с вышеупомянутым правовым положением, затем 15 ноября 1999 года ему был предоставлен полный доступ к материалам дела. В этих обстоятельствах Суд считает, что заявитель не смог доказать обоснованность своей жалобы на ненадлежащее уведомление об обвинениях, выдвинутых против него, или недостаток необходимого времени и средств для подготовки защиты. Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

39. Кроме того, заявитель жаловался, что обвинение в клевете противоречит статьям 10 и 11 Конвенции. Суд считает, что право заявителя на свободу выражения мнения находится в центре жалобы, которая должна быть рассмотрена в соответствии со статьями 10 Конвенции. Соответствующее положение статьи гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает в себя свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимости от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения нарушения общественного порядка или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Приемлемость

40. Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

41. Заявитель утверждал, что обвинение против него не являлось «необходимым в демократическом обществе». Являясь лидером профсоюза, он не только имел право, но и был обязан информировать о предполагаемых нарушениях П.. Его жалобы относительно ее должностных преступлений, направленные в компетентные органы и руководителю регионального представительства «ВОСТ», были составлены добросовестно и преследовали законный общественный интерес. Что касается пикета, заявитель не организовывал и не принимал в нем участия, и не проектировал плакаты. Следовательно, он не может нести ответственность за любое распространение клеветнической информации в ходе этой акции, которая, по его информации, была организована региональным представительством «ВОСТ» и местным отделением консервативной партии.

42. Власти признали, что признание заявителя виновным в клевете является вмешательством в его права, гарантированные статьей 10 Конвенции. Они утверждали, однако, что это вмешательство соответствовало закону, преследовало законную цель, а именно, защиту репутации П., и являлось необходимым в демократическом обществе. В этой связи они утверждали, что заявитель вышел за пределы допустимой критики должностного лица, в частности, он прямо обвинил П. в совершении тяжких преступлений, тем самым подрывая ее право на презумпцию невиновности. Кроме того, штрафы, наложенные на заявителя, не были несоразмерными с его доходом, а срок лишения свободы был не длительным и в любом случае заявитель его не отбывал.

2. Оценка Суда

43. Прежде всего, Суд отмечает, что при вынесении обвинения заявителю национальные суды опирались на два набора фактов: письма, которые он направил в КРУ и прокуратуру, требуя расследования по факту злоупотреблений служебными полномочиями со стороны П., и пикет 26 мая 1997 года, который он организовал и в котором он принимал участие.

44. Суд считает бесспорным тот факт, что признание заявителя виновным в клевете в соответствии с частью 3 статьи 125 Уголовного кодекса представляет собой вмешательство в его права, гарантированные статьей 10 Конвенции; и что данное вмешательство осуществлялось в соответствии с законом и преследовало законную цель защиты репутации П. Остается определить, являлось ли данное вмешательство «необходимым в демократическом обществе», или был ли в обстоятельствах настоящего дела достигнут справедливый баланс между защитой свободы выражения мнения заявителем и репутацией П., правом, которое как аспект частной жизни охраняется статьей 8 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии» (*Cumprăna and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, пп. 90-91, ECHR 2004XI).

45. В этой связи Суд, прежде всего, считает, что заявитель открыто обвинил П. в присвоении государственных средств и имущества, а также злоупотреблении служебными полномочиями в качестве директора государственной школы-интерната. Несмотря на определенную роль, которую играет заявитель в своем качестве

представителя профсоюза, а также то обстоятельство, что его утверждения, которые касались поведения государственного служащего в ее официальном качестве, были, по сути, общественно значимой темой, Суд считает, что он был обязан реагировать в пределах, очерченных, *inter alia*, интересом «защиты репутации или прав других лиц», включая презумпцию невиновности (см. постановление Европейского Суда по делу «Константинеску против Румынии» (*Constantinescu v. Romania*), жалоба № 28871/95, п. 72, ECHR 2000VIII). Кроме того, заявитель связан обязательством соблюдать лояльность, проявлять сдержанность и осмотрительность по отношению к своему работодателю (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гужа против Молдовы» (*Guja v. Moldova*), жалоба № 14277/04, п. 70, ECHR 2008...).

46. Кроме того, Суд отмечает, что сигнализирование государственным служащим или работником государственного сектора о незаконных действиях или правонарушениях, совершенных по месту работы, должно пользоваться правовой защитой, в частности, если работник является одним из небольшой категории лиц, знающих, что происходит на работе, и тем самым находится в наиболее выгодном положении, чтобы действовать в интересах общества, привлекая к подозрительному факту внимание своего работодателя или общества в целом (см., упомянутое выше, постановление по делу Гужа (*Guja*), п. 72). В свете упомянутой выше обязанности государственных служащих проявлять осмотрительность сообщение информации должно быть в первую очередь сделано вышестоящему должностному лицу или иному компетентному органу. И только в тех случаях, когда таковое становится явно невозможным, информация может быть, как крайний случай, передана гласности обществу (см. упомянутое выше постановление по делу Гужа (*Guja*), п. 73).

47. В свете этих принципов Суд считает, что в отношении того факта, что заявитель подписал ряд писем в КРУ и прокуратуру с требованием проведения расследования по факту исполнения служебных обязательств П., его нельзя упрекнуть в недобросовестности, в частности, поскольку он действовал от имени своего профсоюза и представил различные материалы в поддержку своих утверждений. Поэтому Суд считает, что, поскольку вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было основано на вышеуказанных письмах, адресованных в компетентные органы, его «необходимость» в настоящем деле не была установлена.

48. Поскольку признание заявителя виновным было основано на участии в пикете 26 мая 1997 года, Суд отмечает, что утверждение заявителя о том, что он лично не организовал и не участвовал в акции, было отклонено внутренними судами на трех уровнях юрисдикции в результате искового производства, в ходе которого был рассмотрен широкий спектр доказательств, в том числе показания свидетелей. В отсутствие каких-либо *prima facie* доказательств процессуальной несправедливости, Суд не в состоянии пересмотреть данный фактический вывод.

49. Кроме того, Суд отмечает, что пикет состоялся после проверки КРУ, вскрывшей несколько случаев бесхозяйственного использования школьного имущества и дальнейшего расследования прокуратурой факта злоупотребления должностными полномочиями П. Однако 28 апреля 1997 года прокуратура, однако, отказала в возбуждении уголовного дела в отношении П. за неимением доказательств ее вины. Одно утверждение (присвоение школьного видеоборудования) впоследствии привело к возбуждению уголовного дела. Тем не менее, никаких доказательств причастности П.

к данному делу не было ни представлено заявителем, ни собрано обвинением. В соответствии с материалами дела ни заявитель, ни его сторонники не пытались использовать никакие процессуальные средства, имеющиеся в рамках внутреннего законодательства, чтобы выступить против неэффективности расследований, проводимых КРУ или правоохранительными органами, и отказов в возбуждении уголовного дела в отношении П.

50. В то же время, некоторые плакаты, использованные во время пикета перед зданием районной администрации, были написаны в весьма сильных выражениях, прямо обвиняя П. в присвоении школьного имущества (см. п. 16 выше). Суд считает, что в данных обстоятельствах эти обвинения могут рассматриваться как фактические утверждения, которые, в отсутствие достаточных доказательств их обоснованности, могут считаться клеветническими и подрывающими право П. считаться невиновной в совершении серьезных преступлений.

51. Принимая во внимание характер обвинений, выдвинутых против П., выраженных на плакатах, обязанность заявителя соблюдать лояльность *vis-à-vis* к своему работодателю и тот факт, что он участвовал в общественном пикете, не исчерпав другие процессуальные средства для подачи жалобы на злоупотребление должностными обязательствами со стороны П., Суд признает, что национальные власти действовали в пределах своей свободы усмотрения при рассмотрении необходимости признания заявителя виновным в клевете, в той части, где речь идет об организации и участии в пикете. Остается определить, было ли вмешательство пропорциональным преследуемой законной цели, учитывая примененные санкции (см. упомянутое выше постановление делу *Константинеску (Constantinescu)*, п. 110).

52. В этой связи Суд отмечает, что помимо того, что заявителю было предписано выплатить штраф и компенсацию П., он также был приговорен к одному году лишения свободы. Суд считает, что, поскольку Договаривающиеся государства имеют право или даже обязательство, в рамках возложенных на него позитивных обязательств в соответствии со статьей 8 Конвенции, регулировать использование свободы выражения мнения для обеспечения надлежащей правовой защиты репутации отдельных лиц, это не должно излишне затруднять общественную дискуссию по вопросам, представляющим общественный интерес, таким как присвоение государственных средств (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление делу *Кумпана и Мазаре (Cumpăna and Mazăre)*, п. 113). Кроме того, он считает, что обстоятельства настоящего дела – классический пример дела о клевете частного лица в контексте дискуссии на тему, вызывающую общественный интерес – не давали никаких оснований для вынесения приговора о лишении свободы. Подобный приговор по самой своей природе неизбежно оказывает негативное воздействие на общественное обсуждение, и утверждение о том, что приговор, в действительности, был условным, не имеет значения, в особенности, учитывая тот факт, что сама судимость не была снята (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление делу *Кумпана и Мазаре (Cumpăna and Mazăre)*, п. 116 и постановление Европейского Суда по делу «Салов против Украины» (*Salov v. Ukraine*), жалоба № 65518/01, п. 115, ECHR 2005VIII (выдержки)).

53. В целом, Суд считает, что признавая заявителя виновным в отношении писем, направленных им в КРУ и прокуратуру, и приговаривая его к наказанию в виде длительного лишения свободы условно по окончании судебного разбирательства,

национальные суды в данном случае вышли за рамки того, что принято считать «необходимым» вмешательством в право заявителя на свободу выражения мнения.

54. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

55. Заявитель также жаловался на нарушение пункта 1 и подпункта (с) пункта 3 статьи 6 Конвенции, что он не был надлежащим образом уведомлен о слушании в апелляционном суде и что уголовное дело в отношении него длилась неоправданно долго. Наконец, он ссылаясь на статью 13 Конвенции и статью 2 Протокола № 7 без дальнейшего уточнения.

56. Рассмотрев утверждения заявителя в свете материалов дела, имеющихся в его распоряжении, и в той мере, в которой вопросы, на которые подавались жалобы, находятся в пределах его компетенции, Суд считает, что они не выявляют никаких признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции.

57. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 1, 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

58. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

59. Заявитель требовал компенсации имущественного ущерба в размере штрафа и компенсации, выплаченной им П., а также медицинских расходов в размере 820 евро (EUR), которые он предположительно понес в результате стресса, вызванного несправедливым уголовным преследованием. Он также требовал 5 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

60. Власти считали данные требования необоснованными.

61. Принимая во внимание характер нарушения в данном деле, Суд не находит причинной связи между ним и имущественным ущербом, требуемым заявителем. Следовательно, Суд отклоняет требование о компенсации имущественного ущерба. С другой стороны Суд признает, что заявителю был причинен неимущественный вред, а именно, страдание и разочарование в результате нарушения его права в соответствии со статьей 10 Конвенции, который не может быть в достаточной степени компенсирован одним лишь признанием нарушения Конвенции. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 1 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

В. Издержки и расходы

62. Заявитель также требовал 5 800 гривен в качестве компенсации расходов на юридические услуги, расходов на перевод и копирование и 336,74 гривен в качестве компенсации почтовых расходов, понесенных в связи с его перепиской с Судом, а также различными внутригосударственными органами власти. Он представил квитанции почтовых служб.

63. Власти утверждают, что жалоба заявителя является обоснованной лишь в отношении переписки с Судом.

64. Согласно прецедентному праву Суда, заявитель имеет право на возмещение своих расходов и издержек только в той мере, в какой будет доказано, что они действительно были понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В настоящем деле, принимая во внимание информацию в его распоряжении и указанные выше критерии, Суд считает разумным присудить сумму 50 евро для покрытия расходов по всем пунктам.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

65. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу в соответствии со статьей 10 приемлемой, а остальную часть жалобы - неприемлемой;

2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

3. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 1 000 (одну тысячу евро) в качестве компенсации имущественного ущерба и 50 (пятьдесят евро) в качестве компенсации расходов и издержек, а также любой налог, который может быть начислен на вышеуказанные суммы, конвертируемые в валюту Украины по курсу, действующему на момент выплат;

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю пени, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского Центрального банка плюс три процента;

4. *Отклоняет* остальные требования заявителя, касающиеся справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 19 февраля 2009 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

4.3 Дело «Тиллак против Бельгии»

Жалоба № [20477/05](#)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

27 ноября 2007 г.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

27.02.2008

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было инициировано жалобой (№ 20477/05), поданной против Королевства Бельгии в Европейский Суд 30 мая 2005 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция») Хансом Мартином Тиллаком (далее - «заявитель»), гражданином Германии.

2. Интересы заявителя в Европейском Суде были представлены И. Форрестером и Т. Босли, адвокатами, практикующими в Брюсселе. Власти Бельгии (далее - «Власти») были представлены Уполномоченным при Европейском Суде по правам человека Д. Флором, старшим советником Федерального министерства юстиции. Власти Германии, будучи проинформированы об их праве на участие в судебном разбирательстве (в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Конвенции и пунктом 1 статьи 44 Регламента Суда), не ответили.

3. В своей жалобе Тиллак утверждал, в частности, что обыск и конфискация, проведенные в его доме и на рабочем месте, нарушили статью 10 Конвенции.

66. 29 августа 2006 года Суд решил уведомить Власти о жалобе. Было также решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу (в соответствии с пунктом 3 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1961 году и проживает в Берлине.

67. Он работает журналистом в немецком еженедельном журнале *Stern*. Он был откомандирован в Брюссель в период с 1 августа 1999 года по 31 июля 2004 года, чтобы представлять отчеты о практике Европейского Сообщества и деятельности Европейских институтов.

68. 27 февраля и 7 марта 2002 года журнал *Stern* опубликовал две статьи заявителя, содержание которых основывалось на информации, полученной им из конфиденциальных источников от Европейского бюро по борьбе с мошенничеством (далее - «OLAF»). В первой статье были представлены заявления, сделанные одним из европейских чиновников касательно нарушения общественного порядка в европейских институтах. Во второй статье речь шла о внутренних расследованиях, предпринятых OLAF вследствие сделанных заявлений.

8. В OLAF начал распространяться слух, что заявитель заплатил 8 000 евро (EUR) или немецких марок (DEM) европейскому чиновнику за эту информацию.

9. Подозревая, что заявитель мог подкупить чиновника, чтобы получить конфиденциальную информацию о расследованиях, проведенных в ряде европейских институтов, 12 марта 2002 года OLAF приступило к расследованию для установления лица, предоставившего указанную информацию заявителю.

69. В протоколе совещаний Комитета по надзору OLAF, состоявшихся 9 и 10 апреля 2002 года, в частности, было сказано:

«Члены Комитета по надзору отметили, что статьи журналиста были написаны в совершенно не агрессивном тоне, но лишь намекнули на реальную ситуацию, как это часто бывает, когда речь идет о физических лицах. Они были удивлены, что в пресс-релизе OLAF речь идет об оплате такой информации. Следовательно, они хотели знать, производилась ли данная оплата и существовали ли какие-либо серьезные доказательства этого».

70. В письме от 24 марта 2003 года, написанного в ходе расследования жалобы (№1840/2002 / GG), поданной заявителем против OLAF, европейский омбудсмен указал, что подозрения в даче взятки заявителем сотруднику OLAF основано на «информации, полученной из достоверных источников, в том числе от членов Европейского парламента».

12. 30 сентября 2003 года OLAF выпустило пресс-релиз под названием «Разъяснения OLAF в отношении очевидной утечки информации». В пресс-релизе было сказано следующее:

«27 марта 2002 года Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (OLAF) выпустило пресс-релиз, в котором говорилось, что было инициировано внутреннее расследование в соответствии с Регламентом 1073/1999 по факту очевидной утечки конфиденциальной информации, содержащейся в докладе, подготовленном OLAF. Было сказано, что согласно информации, полученной от Бюро, журналист получил ряд документов по так называемому «... делу», и что не исключено, что кому-то в OLAF (или возможно, другом учреждении ЕС) заплатили за получение этих документов. На сегодняшний день расследование OLAF еще не завершено, однако, никаких доказательств факта подкупа получено не было».

13. 30 ноября 2003 года Европейский омбудсмен вынес свое решение. 18 июня 2003 года он представил OLAF проект рекомендаций. В решении, в котором по существу были воспроизведены выводы, сделанные в проекте, в частности, говорилось:

«...»

1.7 ... публикуя этот пресс-релиз, OLAF не исполнило должным образом проект рекомендаций омбудсмента. Вместо того чтобы отказаться от обвинений во взяточничестве, OLAF просто заявляет, что «на сегодняшний день» оно не нашло достаточных доказательств в поддержку этих утверждений. Формулировка данного пресс-релиза, таким образом, означает, что OLAF считает возможным появление доказательств, подтверждающих эти утверждения. В этих обстоятельствах действия, предпринятые OLAF, явно недостаточны для урегулирования случая недобросовестного ведения дел, выявленного омбудсменом. В этой связи было сделано критическое замечание.

...

4. Заключение

4.1 На основании расследования жалобы, проведенного омбудсменом, необходимо сделать следующее критическое замечание:

Обвиняя в подкупе без фактических оснований, которые являются одновременно достаточными и доступными для общественности, OLAF вышел за пределы пропорциональности цели, преследуемой его действиями. Это представляет собой случай недобросовестного ведения дел».

14. 11 февраля 2004 года OLAF подало жалобу в бельгийские судебные органы, представив отчет о проведенном расследовании. Вопрос также был адресован немецким властям.

15. Вследствие этого 23 февраля 2004 года было возбуждено расследование против лица или неизвестного круга лиц по обвинению в раскрытии профессиональной тайны и подкупе чиновника.

16. 19 марта 2004 года по запросу следователя в доме и офисе заявителя бельгийскими судебными органами были проведены обыски. Были изъяты и опечатаны практически все документы и рабочие инструменты заявителя (шестнадцать ящиков с документами, две коробки с папками, два компьютера, четыре мобильных телефона и металлический шкафчик). Ордер на обыск не был передан заявителю, а был ему зачитан. Опись изъятых предметов отсутствовала. В этой связи следственное управление уверило заявителя, что обыск был проведен в ответ на жалобу, поданную OLAF, которое подозревало его в подкупе европейского государственного служащего для получения конфиденциальной информации. По словам заявителя, впоследствии органы власти потеряли целый ящик с бумагами, который был найден лишь спустя семь месяцев, в ноябре 2004 года.

17. 29 марта и 15 апреля 2004 года заявитель обратился в прокурору Брюссельского апелляционного суда для получения разрешения на ознакомление с материалами уголовного дела. Его жалоба была отклонена письмом от 17 июня 2004 года.

171. Заявитель вновь подал жалобу 28 июня 2004 года, но безрезультатно.

19. В то же время, 24 марта 2004 года он обратился к судебному следователю с просьбой вернуть конфискованные предметы.

20. Распоряжением от 8 апреля 2004 года судебный следователь отклонил жалобу.

21. Заявитель обжаловал решение, заявив, *inter alia*, о нарушении статьи 10 Конвенции.

22. Обвинительная палата оставила постановление от 22 сентября 2004 года без изменений, заявив:

«Вопрос о том, является или не является защита конфиденциальности источников информации, используемых журналистами, неотъемлемым правом на свободу прессы, и если да, то имеет ли это право абсолютную ценность или подлежит ограничениям, до сих пор не установлен законом.

Современная формулировка статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека не признает защиту журналистских источников, право, разработанное

на основании прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, хотя и не закреплённое как абсолютная ценность согласно правоохранительным органам (см. по этому поводу постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 2003 года по делу «Эрнст и другие против Бельгии» (*Ernst and Others v. Belgium*), жалоба № 33400/96, *Информационный бюллетень Европейского Суда по правам человека* № 60, июль-октябрь 2003 года, сс. 4-5).

Последние законодательные инициативы, как правило, признают, что журналисты имеют право защищать свои источники информации, хотя осуществление этого права не приводит к возникновению иммунитета от судебного преследования или гражданской ответственности (см. в этой связи законопроект, предоставляющий журналистам право не раскрывать свои источники информации, принятый Палатой представителей Бельгии 6 мая 2004 года, и мнение Национального совета юстиции по законодательным предложениям предоставления журналистам права защиты своих источников информации, утвержденным Генеральной Ассамблеей 4 февраля 2004 года).

Следует признать, что следственные меры, являющиеся предметом жалобы, представляют собой вмешательство в права, гарантированные статьей 10 ЕКПЧ. Однако они были приняты на законных основаниях по распоряжению компетентного судебного следователя по указанному вопросу.

Они преследовали законные цели, поскольку в контексте информации в материалах дела, доведенных до сведения суда, при условии, что заявитель выступает в качестве основного обвиняемого или соучастника по делу о взятке, предназначенной для обеспечения раскрытия конфиденциальной информации, их целью было «проверить, применяется ли защита конфиденциальности к законным или незаконным источникам; над последними должна превалировать высшая ценность, а именно, предотвращение преступности» (письменная жалоба главного государственного обвинителя от 18 июня 2004 года, стр. 14).

Как справедливо отметил судебный следователь, неприемлемо использовать право на защиту источников для прикрытия преступления, поскольку это могло бы лишить данное право своей цели, а именно, предоставления точной и достоверной информации общественности и, скорее всего, поставить под угрозу общественную безопасность путем создания *de facto* безнаказанности (см. в этой связи постановление Европейского Суда по защите прав человека от 15 июля 2003 года, *JLMB*, 2003, стр. 1524).

...

В данном деле, как отметил судебный следователь в распоряжении, составляющем предмет жалобы, в частности, на странице 3, в пункте 2.3.1, требования следствия до сих пор указывают, что распоряжения об изъятии и опечатывании предметов должны оставаться в силе, так как они оправданы текущим обязательством расследования, единственной очевидной целью которого является проверка добросовестности заявителя в стремлении установить истину в контексте превентивных мер, лежащих в основе передачи дела на рассмотрение судебному следователю.

Доводы, выдвинутые заявителем в пояснениях суду, который не может заменить свои собственные выводы выводами нижестоящего суда, не могут служить поводом для сомнений в этом отношении.

Отсюда следует, что жалоба является необоснованной».

23. Заявитель обжаловал пункты права. Ссылаясь, в частности, на статьи 6, 8 и 10 Конвенции, он утверждал, что свобода выражения мнений включает свободу поиска и сбора информации, основных аспектов журналистской деятельности. По словам заявителя, это означало, что журналистские источники должны быть защищены и храниться в тайне, и что судебным властям запрещается принимать меры или решения, направленные на то, чтобы заставить журналистов или пресс-службы раскрывать свои источники. Заявитель также жаловался, что, поскольку он не имел доступа к материалам дела, у него не было возможности проверить использованные для оправдания обыска доказательства, признанные серьезными и относящимися к делу.

24. Постановлением от 1 декабря 2004 года Кассационный суд отклонил апелляцию. Он постановил, что статья 10 Конвенции накладывает ограничения на свободу выражения мнений, что обыск и изъятие предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом и что Обвинительная палата имела достаточные и адекватные причины для принятия данного решения. Кроме того, Кассационный суд постановил, что законность обыска не зависела от существования убедительных доказательств вины лица, у которого был проведен обыск по месту жительства и работы. Следовательно было достаточно иметь свидетельства того, что в этих помещениях могут быть укрыты документы или предметы, которые могут быть использованы для установления истины в отношении преступлений, указанных в ордере на обыск. Следовательно, возражение, выдвинутое заявителем, не относится к задаче пересмотра законности расследования и не может служить основанием, предусмотренным законодательством в поддержку апелляции по вопросам права в соответствии с частью 2 статьи 416 Уголовно-процессуального кодекса, и, следовательно, является неприемлемой.

25. В то же время, 1 и 4 июня 2004 года заявитель подал две жалобы в суд первой инстанции Европейских сообществ. В первой он требовал отмены жалобы, поданной OLAF, и компенсации вреда, предположительно причиненного карьере и репутации заявителя. Во второй он требовал вынесения временного предписания, запрещающего OLAF просматривать любые документы, изъятые во время обыска. Распоряжением от 15 октября 2004 года председатель суда отклонил жалобы. Председатель постановил, что решение OLAF направить отчет о внутреннем расследовании не имело обязательной юридической силы и поэтому не может быть объектом иска о признании его недействительным. Он особо подчеркнул, что выводы OLAF, изложенные в итоговом докладе, не могут привести к возбуждению судебного или дисциплинарного разбирательства, учитывая тот факт, что компетентные органы были свободны в принятии решения о действиях, которые следует осуществить в связи с докладом. Что касается жалобы заявителя о применении временных мер, он постановил, что не было никакой причинно-следственной связи между предполагаемым вредом и действиями OLAF, и что им не установлено, что OLAF действовало в нарушение принципов надлежащего управления и пропорциональности.

26. Заявитель обжаловал данное судебное решение. Распоряжением от 19 апреля 2005 года председатель Суда Европейских Сообществ оставил распоряжение без изменений.

27. В контексте данного производства заявитель получил копию жалобы OLAF, копии других документов уголовного дела получены не были. В то время ему не были предъявлены обвинения в Бельгии. 17 ноября 2006 года прокурор Гамбурга

проинформировал адвоката заявителя о том, что расследование в Германии было прекращено без предъявления обвинения.

28. 12 мая 2005 года Европейский омбудсмен представил специальный доклад в Европейский Парламент на основании проекта рекомендаций, который он передал OLAF в связи подачей заявителем новой жалобы (2485/2004/GG). В жалобе заявитель утверждал, что в ходе рассмотрения жалобы № 1840/2002/GG, OLAF предоставило неверные сведения, которые могли ввести в заблуждение омбудсмана; он просил последнего провести новое расследование.

29. В вышеупомянутом рапорте омбудсмен заявил, что предполагаемые замечания, очевидно, никогда не высказывались членами Европейского Парламента (см. пункт 11 выше). Это были лишь слухи, распространенные другим журналистом Г., которые Генеральный директор OLAF с заинтересованными членами Европейского Парламента так и не удосужился проверить.

30. Омбудсмен в своих рекомендациях заключил, что OLAF должно было признать, что утверждения, изложенные в документе, направленном омбудсмену в контексте расследования жалобы № 1840/2002/GG, были ошибочными и недостоверными.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

31. Статья 458 Уголовного кодекса Бельгии гласит следующее:

«Врачи, хирурги, чиновники органов здравоохранения, фармацевты, акушерки и любые другие лица, обладающие в силу обстоятельств или профессии доверенными им тайными сведениями, которые, кроме случая, когда они призываются для дачи свидетельских показаний в суде или перед парламентской следственной комиссией, и кроме случаев, когда закон обязывает их сообщить эти сведения, разглашают их, наказываются тюремным заключением от восьми дней до шести месяцев и штрафом от ста до пятисот франков».

32. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса гласят:

Статья 87

«Судебный следователь может, если это требуется или по собственной инициативе, посетить дом обвиняемого в поисках документов, имущества и вообще предметов, которые могут быть сочтены полезными для установления истины».

Статья 88

«Кроме того, судебный следователь может посещать любые другие места, где, по его мнению, могут быть скрыты предметы, указанные в предыдущем пункте».

33. Статья 8 Регламента ЕС № 1073/1999 Европейского Парламента и Совета от 25 мая 1999 года о расследованиях, проводимых OLAF в отношении конфиденциальности и защиты данных гласит:

«1. Информация в любой форме, полученная в ходе независимого расследования, должна быть защищена соответствующими положениями.

2. Информация в любой форме, направленная или полученная в ходе внутреннего расследования, является профессиональной тайной и подлежит защите, предусмотренной положениями, применимыми к институтам Европейских сообществ.

Данная информация может быть передана только лицам в пределах институтов Европейских сообществ или государств-членов, функции которых требуют ее знания, она не может быть использована для иных целей, кроме предотвращения мошенничества, коррупции или любой другой незаконной деятельности.

...»

34. Статья 16 этого же Регламента предусматривает, что вышеуказанное положение является обязательным в полном объеме и непосредственно применимым во всех государствах-членах.

3572. Пункт 4 статьи 280 Договора о Европейском сообществе гласит:

«Совет, принимая решение в соответствии с процедурой, предусмотренной в статье 251, после консультации со Счетной палатой, принимает необходимые меры в области предотвращения и борьбы со злоупотреблениями, наносящими ущерб финансовым интересам Сообщества с целью обеспечения эффективной и соразмерной защиты в государствах-членах. Эти меры не должны затрагивать ни применение национального уголовного права, ни отправление национального правосудия».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

3673. Заявитель жаловался, в частности, на тот факт, что проведенные в его доме и на рабочем месте обыски и изъятие нарушили его право на свободу выражения своего мнения, предусмотренного статьей 10 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает в себя свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимости от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе ... в целях предотвращения нарушения общественного порядка и преступлений, ... для защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально...»

А. Приемлемость

3774. Суд отмечает, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой по какому-либо иному основанию. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Доводы сторон

(а) Доводы заявителя

38. Во-первых, заявитель утверждал, что судебное разбирательство в любом случае было направлено не против него. Уголовное право должно толковаться определенным образом, и, поскольку не было доказано, что условия для применения статьи 458 Уголовного кодекса были соблюдены, утверждение Властей о том, что эта статья применима в данном деле, должно быть отклонено. Кроме того, не следует приравнивать профессиональную тайну, предусмотренную статьей 8 Регламента ЕС № 1073/1999, к профессиональной тайне в рамках статьи 458 Уголовного кодекса, поскольку последняя статья была предназначена для защиты интересов физических лиц и касалась персональных данных, полученных лицом при исполнении своих обязанностей. Удовлетворяющими соответствующим критериям профессиями являются те, которые в силу характера своей деятельности находятся в ситуации, в которой становятся известны скрытые аспекты частной жизни (например, врачи, священнослужители, юристы или нотариусы). Информация, предположительно раскрытая сотрудником OLAF, при условии, что на нее распространялась профессиональная тайна в соответствии с Регламентом, никоим образом не касалась личных вопросов, имеющих отношение к частной жизни гражданина в рамках статьи 458 Уголовного кодекса.

39. На европейских чиновников непосредственно не распространялась статья 458, как очевидно следовало из самого текста статьи.

40. Регламент, несмотря на его прямое применение в бельгийском праве, был принят на основании статьи 280 Договора о ЕЭС (см. пункт 35 выше), из которой следует, что указанный Регламент не служит для определения или переопределения любого отдельного положения Уголовного кодекса Бельгии. Это лишь подтвердило, что несоблюдение правил профессиональной тайны, которой сотрудники OLAF были связаны, не является преступлением согласно бельгийскому уголовному праву.

41. Пункт 2 статьи 8 Регламента относительно профессиональной тайны предусматривает, что информация, на которую данная тайна распространяется, «должна пользоваться защитой, предусмотренной положениями, применяемыми в институтах Европейских сообществ». Соответственно, ссылки на национальное законодательство отсутствовали. Нарушение обязательства о неразглашении, на которые ссылается Регламент должностных лиц Европейских Сообществ, или профессиональной тайны, которая распространяется на европейских государственных служащих в соответствии с Регламентом, наказывалось в рамках дисциплинарного, а не уголовного судопроизводства.

42. Заявитель обжаловал как законность, так и правомерность обысков, являющихся предметом жалобы. Ссылаясь на прецедентное право, имеющееся на момент проведения обысков, он утверждал, во-первых, что, не смотря на то, что закон о защите журналистских источников от 7 апреля 2005 года был принят после проведения обыска, он по аналогии применим в настоящем деле. По его мнению, этот закон установил принципы, подтвержденные во многих случаях Судом, ранее уже

применяемые в бельгийской правовой системы. Заявитель также утверждал, что обыски были незаконными, поскольку они не преследовали ни одну из целей, указанных в пункте 2 статьи 10, а проводились только для того, чтобы обнаружить источник информации заявителя, то есть имя должностного лица OLAF, нарушившего профессиональную тайну, или доказательства возможной взятки.

4375. Что касается необходимости данного вмешательства, заявитель указал, что никаких обвинений в отношении него выдвинуто не было, что обыски производились в отношении неизвестного лица или круга лиц. По его мнению, тот факт, что опубликованные статьи содержали конфиденциальную информацию, свидетельствует о том, что сотрудник OLAF, очевидно, раскрыл конфиденциальную информацию. Тем не менее, данный факт не является доказательством какого-либо преступления, совершенного третьей стороной, не говоря уже о заявителе. Кроме того, судебные органы не смогли проверить информацию, указанную в промежуточном докладе OLAF, перед проведением обысков, являющихся предметом жалобы. Такое отношение представляет собой случай недопустимой халатности. Доклад никоим образом не может рассматриваться в качестве обвинения в совершении преступления, а лишь как передача информации от OLAF бельгийским властям. Передача этого отчета не влечет за собой какие-либо обязательства со стороны судебных органов, которые должны были взять на себя полную ответственность за проверку точности информации, содержащейся в нем, и определение любых действий, которые по их мнению, было целесообразно предпринять. Доклад сам по себе не является достаточным доказательством законности и легитимности обысков.

4476. Заявитель добавил, что доклад был составлен в гипотетических выражениях и исключительно на основании слухов. Из простого прочтения текста следует, что OLAF имело лишь одно заявление свидетеля J.G., который заявил, что за 8 000 евро или немецких марок, заявитель получил конфиденциальную информацию от сотрудника OLAF, работавшего на тот момент на Европейского комиссара и представителя Комиссии, которые подверглись критике в статьях, опубликованных заявителем. Столкнувшись с явным отсутствием беспристрастности единственных свидетельских показаний, на которых был основан доклад OLAF, судебный следователь должен был, по крайней мере, допросить J.G. для подтверждения его заявления, прежде чем проводить обыск. По мнению заявителя, подобные проверки были тем более необходимы, если учесть, что обыски касались не обычного человека, а журналиста. Кроме того, бельгийские суды выразили мнение, что признание журналиста виновным в обработке информации, раскрываемой в нарушение профессиональной тайны, или в пособничестве и подстрекательстве к совершению подобного нарушения следует рассматривать как противоречащее статье 10.

45. Далее заявитель жаловался на несоразмерность проводимого изъятия. В поддержку своего довода, он отметил, что судебные органы ни в ходе обысков, ни впоследствии не смогли предоставить ему опись изъятых у него предметов под тем предлогом, что составить полный список было слишком обременительно. Кроме того, органы власти потеряли ящик с документами, который полиция смогла найти только спустя семь месяцев, в ноябре 2004 года.

4677. Наконец, заявитель утверждал, что сотрудничество со следствием и предоставление документов, возможно, раскрывающих личность его источника, несовместимо с его обязательствами как журналиста, изложенными в Декларации о

правах и обязанностях журналистов, принятой в Мюнхене 25 ноября 1971 года Международной федерацией журналистов, Кодексе принципов журналистики, принятом Бельгийской ассоциацией издателей газет, Национальной Федерацией еженедельных газет и Бельгийской Ассоциацией профессиональных журналистов, а также Резолюции о журналистских свободах и правах человека, принятой в декабре 1994 года на четвертой Европейской конференции министров по политике в области средств массовой информации.

(b) Доводы Властей

47. Ссылаясь на соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса и выводы Суда в постановлении по делу от 15 июля 2003 года *«Эрнст и другие против Бельгии»* (*Ernst and Others v. Belgium*) (жалоба № 33400/96), Власти утверждали, что заявителю было бесполезно оспаривать правовую базу вмешательства. Что касается жалобы заявителя о том, что нарушение профессиональной тайны европейским чиновником не является правонарушением в соответствии с бельгийским законодательством, Власти указали, что статья 458 Уголовного кодекса возлагает обязанность хранить профессиональную тайну на «всех ... лиц, обладающих в силу обстоятельств или профессии доверенными им тайными сведениями». Европейские чиновники, в том числе сотрудники OLAF, в силу своей профессии являлись хранителями доверенной им тайны; таким образом на них распространяется действие статьи 458 Уголовного кодекса. Кроме того, и прежде всего, статья 8 Регламента (ЕС) № 1073/1999, непосредственно применимого к государствам-членам, предусматривает соблюдение профессиональной тайны сотрудниками OLAF, и ключевым вопросом в настоящем деле являлось обязательство сотрудников OLAF соблюдать профессиональную тайну. Что касается первоначального утверждения заявителя о том, что обыски, являющиеся предметом жалобы, являлись незаконными на том основании, что взяточничество не может оправдать ни обыск, ни изъятие, Власти отметили последующее утверждение заявителя о том, что «коррупция является преступлением, которое, с теоретической точки зрения и при определенных условиях, установленных законом, может оправдать обыск в соответствии с бельгийским законодательством».

48. Кроме того, Власти заявили, что была установлена законность вмешательства; обжалуемые меры были направлены на предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально, и предотвращение нарушения общественного порядка и преступлений. Поскольку обыски и изъятие производились в рамках расследования, проводимого судебными органами, нельзя оспорить, что они преследовали законную цель.

49. Что касается необходимости вмешательства, Власти обращают внимание Суда на один фактор, который, по их мнению, принципиально отличает это дело от других дел, рассмотренных Судом, касающихся защиты журналистских источников, а именно, поведение заявителя. В данном деле целью обысков и изъятия было не только установить личность человека, который нарушил обязательство хранить профессиональную тайну, которой он был связан, но и найти доказательства того, что заявитель предложил и согласился на взятку в качестве основного обвиняемого или соучастника. Защита источников не может использоваться для укрывательства преступлений, совершенных журналистами, и предоставлять иммунитет от преследования. В постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Фрессоз и Руар против Франции»* (*Fressoz and Roire v. France*) (жалоба № 29183/95,

пп. 52 и 55, ECHR 1999-I), Суд сам заявил, что пресса не должна выходить за определенные рамки, должна соблюдать общие для всех нормы уголовного законодательства и действовать в соответствии с требованиями профессиональной этики.

780. По утверждению Властей, соблюдение норм уголовного законодательства и борьба с коррупцией представляло собой «преобладающий общественный интерес», который должен был превалировать над защитой источников. В данном случае статьи, опубликованные в журнале *Stern* и написанные заявителем, содержали конфиденциальную информацию, основанную на конфиденциальных документах, полученных от OLAF. Судебный следователь имел серьезную и точную информацию, позволяющую предположить, что заявитель подкупил чиновника для получения дополнительной информации. Это предположение было тем более законным, что указанная информация поступила от OLAF, европейского бюро с солидной репутацией, участвующего в борьбе с коррупцией.

51. OLAF провело внутреннее расследование, прежде чем обвинить в совершении преступления. Поэтому следователь имел все основания полагать, что преступления, на которое жаловалось OLAF, были не просто утверждениями, высказанными и распространяемыми по неосторожности. Следовательно, указанные меры были предназначены не для использования в качестве средств «ловли» за еще неустановленные преступления, а для раскрытия правды о якобы неправомерных действиях заявителя. Кроме того, национальные суды утвердили выбор, сделанный следователем. Кассационный суд отметил, что для того, чтобы оценить законность обыска, «следователю [было] достаточно иметь данные, свидетельствующие о том, что в помещении могут быть скрыты документы или предметы, которые могут быть использованы в установлении истины в отношении преступлений, упомянутых в ордере на обыск». Очевиден вывод, что на тот момент имелись соответствующие доказательства для оправдания оспариваемых мер.

52. Наконец, Власти утверждали, что оспариваемые меры соответствовали принципу соразмерности. Они утверждали, что национальные суды имеют больше возможностей, чем Европейский Суд для оценки соразмерности таких мер, и что крайне сложно регулировать подобного рода вопросы, в которых полностью доминируют фактические обстоятельства каждого дела. Они пришли к выводу, что контроль Суда может быть лишь незначительным. Они также утверждали, что нельзя подвергать критике тот факт, что обыск длился восемь часов, поскольку безусловно было бы неразумно ожидать, что органы власти будут осматривать помещение в течение короткого периода времени. Они отметили, что кабинет были опечатан на месте после отказа заявителя предоставить ключ, чтобы открыть его. Власти даже предложили заявителю сказать им, какие документы ему нужны больше всего, чтобы они могли изучить их в первую очередь.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

53. Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества, и гарантии защиты, которыми может воспользоваться пресса, имеют особое значение. Защита журналистских источников информации

является одним из краеугольных камней свободы прессы. Без подобной защиты источники могли бы воздерживаться от оказания помощи прессе в информировании общественности по вопросам, представляющим общественный интерес. В результате, могла быть подорвана роль прессы как общественного надзорного органа, а также могла пострадать ее способность предоставлять точную и достоверную информацию. Учитывая важность защиты журналистских источников для свободы прессы в демократическом обществе, подобная мера не является совместимой с положениями статьи 10 Конвенции, если она не оправдана требованием общественного интереса, имеющего превалирующую силу (см. постановление Европейского Суда от 27 марта 1996 года по делу «Гудвин против Соединенного Королевства» (*Goodwin v. the United Kingdom*), п. 39, Сборник постановлений и решений 1996-II; постановление Европейского Суда по делу «Ромен и Шмидт против Люксембурга» (*Roemen and Schmit v. Luxembourg*), жалоба № 51772/99, п. 57, ECHR 2003-IV; и упомянутое выше постановление по делу Эрнста и других (*Ernst and Others*)).

54. Пресса играет значительную роль в демократическом обществе. Несмотря на то, что она не должна переходить известные границы, в частности, в целях защиты репутации и прав других лиц, а также в целях препятствования разглашению конфиденциальной информации, она обязана сообщать, осознавая свои права и ответственность, информацию и идеи по всем вопросам, которые являются предметом общественного интереса (постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 года по делу «Де Хаас и Гейселс против Бельгии» (*De Haes and Gijssels v. Belgium*), п. 37, Отчеты 1997-I, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу Фрессоза и Руара (*Fressoz and Roire*), п. 45).

55. По общему принципу, «необходимость» для любого ограничения свободы выражения мнения должна быть убедительно установлена. Считается, что вывод о «настоятельной социальной необходимости» в ограничении должны сделать, прежде всего, национальные органы власти, и для этого они располагают определенной свободой усмотрения. В делах, касающихся прессы, таких как настоящее дело, национальная свобода усмотрения ограничивается интересами демократического общества в обеспечении и поддержании свободы прессы. Этот же интерес будет определять, в соответствии с пунктом 2 статьи 10, было ли ограничение соразмерным преследуемой правомерной цели (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление по делу Гудвина (*Goodwin*), п. 40 и постановление Европейского Суда от 29 августа 1997 года по делу «Ворм против Австрии» (*Worm v. Austria*), п. 47, Отчеты 1997-V).

(b) Применение вышеуказанных принципов в настоящем деле

56. В данном случае Суд считает, что проведенные по месту жительства и работы заявителя обыски безусловно представляли собой вмешательство в его права в соответствии с пунктом 1 статьи 10. Власти признали это.

57. Подобное вмешательство является нарушением статьи 10, если это не «предусмотрено законом», не преследует одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(i) Предусмотрено законом

79. Суд, напоминая, что в первую очередь национальные власти должны толковать и применять внутреннее законодательство, считает, что обыски действительно были предусмотрены законом, а именно, различными положениями Уголовно-процессуального кодекса, на которое ссылаются Власти (см. пункт 32 выше). Метод, используемый для применения этих положений в данном случае, может повлиять на оценку Суда о необходимости этой меры (см. упомянутое выше постановление по делу *Эрнста и других (Ernst and Others)*, п. 97).

(ii) Законная цель

58. По мнению Суда, вмешательство преследовало «законную цель» предупреждения нарушения общественного порядка и преступлений, равно как и раскрытие информации, полученной из конфиденциальных источников, и защиты репутации иных лиц.

(iii) Необходимость в демократическом обществе

59. Основной вопрос заключается в том, является ли оспариваемое вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения этой цели. Следовательно, необходимо установить, отвечает ли вмешательство настоятельной общественной необходимости, соразмерно ли оно преследуемой законной цели, и являются ли причины, приведенные национальными органами власти в его оправдание, существенными и достаточными.

800. Суд отмечает, что факты дела аналогичны фактам по упомянутым выше делам *Ромена и Шмидта (Roemen and Schmit)* и *Эрнста и других (Ernst and Others)*. Власти заявили, что это дело отличается от других поведением заявителя, который не играл пассивную роль в утечке конфиденциальной информации, а получил ее путем подкупа сотрудника OLAF. Суд отмечает, что OLAF инициировало внутреннее расследование, чтобы установить личность должностного лица, сообщившего эту информацию заявителю, и опубликовало пресс-релиз, в котором сообщило общественности, что нельзя исключать, что один из его сотрудников был подкуплен (см. пункты 9 и 12 выше). OLAF даже сообщило европейскому омбудсмену в ходе рассмотрения жалобы №1840/200 GG, поданной заявителем против OLAF, что подозрения во взяточничестве возникли в связи с информацией, полученной из надежных источников, в том числе от членов Европейского парламента (см. пункт 11 выше). В своем решении от 30 ноября 2003 года европейский омбудсмен пришел к выводу, что, обвиняя в подкупе без фактических оснований, достаточных и доступных для всеобщего ознакомления, OLAF вышло за пределы пропорциональности цели, преследуемой его действиями, что представляет собой случай недобросовестного ведения дел (см. пункт 13 выше).

61. Поскольку в ходе внутреннего расследования не удалось определить ответственного за утечку, OLAF подало жалобу в отношении заявителя 11 февраля 2004 года в бельгийские судебные органы, которые начали расследование по факту подкупа государственного служащего (см. пункты 14-15 выше). 19 марта 2004 года по месту жительства и работы заявителя были проведены обыски (см. пункт 16 выше).

62. Безусловно, на момент проведения обысков органы власти преследовали цель установления источника, сообщившего конфиденциальную информацию, которая была передана заявителем в написанных им статьях. Поскольку внутреннее расследование OLAF не дало желаемого результата, а подозрения в подкупе со стороны заявителя основывались на слухах, как было выявлено в ходе расследования, проведенного европейским омбудсменом дважды, в 2003 и 2005 годах, не было никаких имеющих преобладающую силу требований общественного интереса для оправдания данных мер.

63. Таким образом, они несомненно нарушили право на защиту журналистских источников. Тот факт, что обыски и изъятие оказались явно непродуктивными, не лишило их цели, а именно, установления в интересах OLAF лица, ответственного за разглашение конфиденциальной информации (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу *Эрнста и других (Ernst and Others)*, п. 100).

64. Суд отмечает, что право журналиста не раскрывать свои источники информации не может считаться привилегией, которую можно предоставить, а можно и отнять в зависимости от законности или незаконности журналистских источников, а является составляющим элементом права на информацию, которое заслуживает самого пристального внимания. Это тем более применимо в данном случае, когда подозрения в отношении заявителя были основаны на смутных, необоснованных слухах, что впоследствии было подтверждено тем фактом, что ему не были предъявлены обвинения (см. пункт 27 выше).

65. Кроме того, Суд отмечает количество изъятых органами власти имущества: шестнадцать ящиков с документами, две коробки с папками, два компьютера, четыре мобильных телефона и металлический шкафчик. Опись изъятых предметов отсутствовала. Полиция даже потеряла ящик с документами, который был найден лишь спустя семь с лишним месяцев (см. пункт 16 выше).

66. Суд полагает, что хотя основания, на которые ссылались национальные суды, являлись «относящимися к делу», они все же не могли считаться «достаточными» для оправдания указанных обысков.

67. Он пришел к выводу, что обжалуемые меры должны считаться несоразмерными и, соответственно, они нарушили право заявителя на свободу выражения мнения, закрепленного в статье 10 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

68. Заявитель жаловался на нарушение его права на справедливое судебное разбирательство. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, соответствующая часть которого звучит следующим образом:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство... судом, ...».

69. Заявитель утверждал, что имело место нарушение принципа равенства сторон как в Обвинительной палате, так и в Кассационном суде, поскольку эти суды, отказываясь вернуть изъятые имущество, являющееся предметом жалобы, постановили, что жалоба

OLAF является обоснованной. Он также пожаловался, что у него не было доступа к материалам дела.

70. Суд повторяет, что равенство сторон требует предоставить каждой из сторон разумную возможность изложить свое дело в условиях, которые не ставят его в невыгодное положение *vis-à-vis* к оппоненту. Суд не видит в жалобе, сформулированной заявителем, ничего, что могло бы нарушать это равенство. Кроме того, в соответствии с информацией из материалов дела, заявитель никогда не признавался виновным и не привлекался к судебной ответственности. На основании полученной информации, Суд не находит никаких признаков нарушения этого положения Конвенции.

811. Отсюда следует, что эта жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

82. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Немущественный вред

73. Заявитель утверждал, что он понес ущерб не только в результате того, что он был лишен своих рабочих документов и информационных носителей, изъятых полицией, но также в результате утраты доверия в глазах общественности и тех, кто мог бы предоставить ему информацию как журналисту. Уверенность в своей способности защитить анонимность своих источников, важной части профессии журналиста, безвозвратно пошатнулась. Он заявлял, что в результате он больше не в состоянии курировать работу Европейской комиссии, как он делал это в прошлом, поскольку у его потенциальных источников информации уже не было никакой уверенности в его способности хранить их личность в тайне. Кроме того, проведенные по месту жительства и работы обыски нанесли ущерб его доброму имени. Наконец, он утверждал, что он не мог выполнять свою работу в достойных условиях, поскольку около тысячи страниц документов, используемых для его работы, были изъяты. Он требовал 25 000 евро *ex aequo et bono* в качестве компенсации понесенного немущественного вреда.

74. В качестве основного аргумента Власти заявляли, что если Суд выявит, что нарушение может быть признано за бельгийским государством, заявителю потребуется установить понесенный ущерб в национальных судах. Из установленного прецедентного права Кассационного суда следует, что в силу принципов, регулирующих возмещение ущерба, возникшего в результате правовой ошибки, классифицируемой как правонарушение, возмещение вреда должно производиться за нарушение, совершенное государством. В качестве альтернативы, Власти утверждали, что заявитель не предоставил никаких доказательств в поддержку своих требований.

75. Суд не сомневается, что в обстоятельствах дела проведенные по месту жительства и работы заявителя обыски стали причиной его беспокойства и страдания. Производя оценку на справедливой основе в соответствии со статьей 41, Суд присуждает заявителю 10 000 евро в качестве компенсации немущественного вреда.

В. Издержки и расходы

7683. Заявитель утверждал, что расходы и гонорары его адвокатам, связанные с представлением его интересов, составили 116 422,43 евро, хотя фактически услуги, оказанные его адвокатами, значительно превышают эту сумму. Его работодатель согласился выплатить эту сумму. Он утверждал, что половина предоставленных услуг связана с его представлением в бельгийских судах и в Европейском Суде. Он требовал 50 000 евро.

77. Власти утверждали, что заявитель не смог достаточно детально объяснить, как он получил такой точный расчет этой суммы.

78. Суд напоминает, что расходы и издержки не присуждаются в соответствии со Статьей 41 до тех пор, пока не будет установлено, что они были действительно понесены, были необходимыми и разумными по размеру (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по вопросу о справедливой компенсации по делу *«Иатридис против Греции» (Iatridis v. Greece)*, № 31107/96, п. 54, ECHR 2000-XI). Кроме того, судебные издержки возмещаются только в той мере, в какой они относятся к установленному нарушению (см. постановление Европейского Суда от 19 апреля 1994 года по делу *«Ван де Хурк против Нидерландов» (Van de Hurk v. the Netherlands)*, п. 66, Серия А № 288).

79. Суд отмечает, что заявитель представил три счета (на общую сумму в евро 98 864,66), касающиеся шагов, предпринятых его адвокатами в 2004 году, и его представительства перед бельгийскими властями. Суд не сомневается в том, что целью данных шагов было, по сути, обеспечение возмещения вреда за предполагаемые нарушения Конвенции в Суде. Он также отмечает высказывание заявителя о том, что большая часть расходов его адвокатов была оплачена журналом *Stern*.

80. Принимая во внимание обстоятельства дела и вынося решение на справедливой основе, как того требует статья 41 Конвенции, Суд считает разумным присудить 30 000 евро плюс сумму НДС на все расходы, понесенные в Бельгии и в Страсбурге.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

884. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского центрального банка плюс три процентных пункта

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу в соответствии со статьей 10 Конвенции приемлемой, а остальную часть жалобы - неприемлемой;

2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

3. *Постановил,*

(а) что государство ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации неимущественного вреда и 30 000 евро (тридцать тысяч евро) в качестве компенсации расходов и издержек, а также сумму любого налога, который может быть начислен на вышеуказанные суммы;

(b) что по истечении вышеупомянутых трех месяцев на присужденные суммы будет начисляться простой процент в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента;

4. *Отклонил* остальные требования заявителя относительно справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, письменное уведомление о постановлении направлено 27 ноября 2007 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.